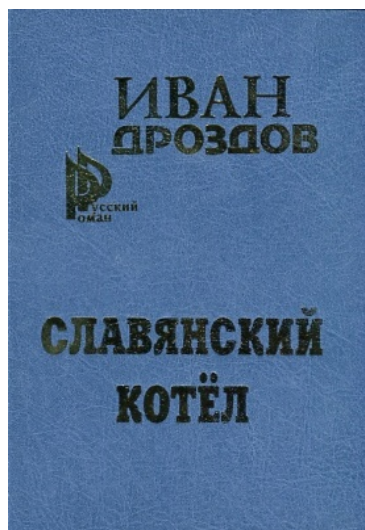

СЛАВЯНСКИЙ КОТЁЛ

Иван ДРОЗДОВ

Роман

Санкт-Петербург
2006

Славяне — это грядущая часть человечества, вступающая в свою историю.

А. И. Герцен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Закончив дела по строительству храма и не находя для себя в станице других серьёзных занятий, Борис пристрастился к рыбалке. Вставал рано, часу в пятом и отправлялся на давно облюбованный бугорок на берегу Протоки — рукава Дона, забрасывал три удочки и устремлял взгляд на поплавки. Ловилась тут разная рыба, но Борис ждал, когда поплавок, испуганно вздрогнув, пойдёт ко дну и к самой воде нагнёт удилице; это значит, попался сазан — рыба крупная и очень вкусная. Сегодня клёва не было, и Борис, начинавший мёрзнуть, уж подумывал о том, чтобы в кустарнике набрать сушняка и разжечь костёр. И он поднялся, но тут увидел стоявших у него за спиной двух мужчин. Тот, что был постарше, и одет побогаче, с массивным золотым перстнем на пальце, подошёл к нему и спросил:

— Вы будете Простаков Борис Петрович?

— Да, он самый. С кем имею честь?

— Меня зовите Иван Иванович, а он вот... Арчил. Так что видите: имена у нас колоритные. Я человек русский и зовут меня соответственно.

Иван Иванович повернулся к своему товарищу и смерил его, как показалось Борису, презрительным взглядом:

— У него национальности нет. Родился неизвестно где и родителей своих не знает. Он такой. Одним словом: Кавказ. А? Вам всё понятно?.. Я надеюсь, мы с вами поладим.

— Хорошо, но скажите: чем я могу быть вам полезен?

— А уж это разговор особый, продолжим его в машине, вон там за двумя берёзами нас ждёт «Мерседес».

— Но я не собираюсь никуда ехать. Я ловлю рыбу.

— Вы ловили рыбу, а мы ловили вас, и вот — поймали. Прошу, пожалуйста.

Борис посмотрел в сторону двух берёз,— там у машины стояли два мужика. Он всё понял: его выследили, за ним приехали. Но что это за люди? Иван Иванович показался ему человеком странным и даже не совсем нормальным. Речь развязная, о товарище своём говорит с явным пренебрежением. И тон не совсем понятный; какой-то театральный, а скорее — ёрнический. Была мысль напасть на них и обоих побросать в воду, но там у берёз стоят два амбала, наверняка с оружием.

Тронулся с места не сразу. Оглядел с ног до головы стоявшего перед ним Ивана Ивановича, спросил:

— Это что — приказ?

— Да, мы за вами приехали.

— Но кто вы? Покажите документы.

— Вам надо формальности? Этого мы не любим. Пожалуйста, проходите.

Слышатся не то кавказские, не то еврейские интонации. В столичной лаборатории, где работал Простаков, было много евреев. Они тоже так говорили: «вам надо...».

Иван Иванович сделал шаг назад, принял позу швейцара, встречающего важных гостей в дорогом ресторане. Простаков оценил обстановку и понял, что сопротивляться бесполезно.

— Подождите, я возьму удочки.

— Вам уже они не надо. В том месте, где вы будете жить, у вас будут другие удочки. Вам сделают их на заказ. Это будут дорогие удочки.

— Ну, нет уж — удочки я смотаю и возьму с собой. Я их сделал своими руками, они мне дороги.

Потом спросил:

— Вы знаете, где я буду жить?

— Да, мы знаем. Вы будете жить в Белом доме.

Борис подумал: «Белый дом... Это что же — дом, в котором живёт и работает американский президент?.. Но я-то что буду там делать?»

Излишнее любопытство проявлять не стал, покорно пошёл к машине. Они шли по краю оврага и, когда поровнялись с храмом Николая Чудотворца, на строительстве которого Борис отработал больше года, он повернулся к нему, опустил на колени и стал молиться. Головой прикоснулся к земле и мысленно просил у святого, издревле почитаемого на Руси, заступничества и дарования сил в стоянии против врагов, пленивших его. Он хорошо понимал, кто эти люди, куда и зачем они его повезут. В прошлом году он бежал от них из секретной лаборатории, где работал над созданием сверхважного прибора, способного воздействовать на мозг человека, и уж близко подошёл к завершению дела, изготовил опытный образец,— он лежал у него в кармане и имел форму мобильного телефона,— но потом понял, что прибор-то попадёт в руки врага. Научным центром руководили яростные сторонники новой власти, а они, как известно, в первую очередь работают на Израиль и Америку. И тогда он пустился в бег, спрятался здесь, в казацкой станице, у знакомого генерала в отставке Конкина Владимира Ивановича. Но вот его выследили и теперь очевидно,— он в этом почти уверен,— повезут куда-нибудь за границу и станут принуждать силой продолжать работы.

Борис верил в Бога. В Москве он ходил в церковь, а во время отпуска ездил в монастыри. Под Ленинградом в селе Рождествено на невысоком холме стоит величественный храм Рождества Пресвятой Богородицы и служит там всеми уважаемый в округе батюшка протоиерей Владимир Афанасьевич Ноздрачев. Это было время, когда Борис, работая над своим прибором, часто бывал в Ленинграде у знаменитого математика академика Владимира Ивановича Зубова. Учитель заводил с ним разговоры и о

Божественном промысле в делах научных, советовал внимательно читать Библию, посещать церкви. Вот тогда он впервые встретился с отцом Владимиром, познакомился и с его супругой матушкой Людмилой Владимировной Селивановой. На молодого учёного большое впечатление произвели эти люди. Его поразили необычайное благолепие и красота убранства церкви, намоленный тут за долгие годы животворный дух, исходивший от икон и фресок. С молитвенным благоговением внимал он проповедям отца Владимира. И теперь может сказать, что именно отсюда и пошла его вера в Бога, с тех пор его дела научные стали чудесным образом наполняться духом православия — верой его отцов, дедов и прадедов. И будто бы даже именно здесь явились ему научные озарения, которые он искал долгие годы и которых ему не хватало для окончательного завершения чудодейственного прибора. И сейчас, воздавая молитвы к Богу, он просил укрепить его в стоянии против врагов, дать силы преодолеть так неожиданно возникшие перед ним новые испытания. Молился он долго, посылал свои просьбы и к Божьей матери, и к самому спасителю нашему Христу, и к любимому на Руси святому Николаю Чудотворцу, помогавшему русским людям одолевая невзгоды. Потом он поднялся и громко сказал:

— А теперь пошли. И не надо меня конвоировать, как преступника, я безоружен, а кроме того, знаю ваши силы и возможности; если уж попал в плен, буду повиноваться.

У машины к нему шагнул полный, розовощёкий, с редкими, как у поросёнка, волосами дядя лет пятидесяти, по-военному козырнул Простакову:

— Ной Исаакович Некрасов, ваш личный врач-психолог; несу персональную ответственность за ваш душевный комфорт. Наше с вами настроение всегда должно быть безоблачным и розовым, как облака в ранние утренние часы.

Простаков улыбнулся, пожал ему руку и сказал:

— Ваша служба не будет обременительной. Я, слава Богу, крепко сплю и даже без сновидений. Боюсь, что вы скоро останетесь без работы.

— Ну, нет, смею вас заверить: мы и на один день не оставим вас без врача-психолога. Известный всему миру русский олигарх всюду таскает за собой трёх лучших психологов Англии. А когда однажды один из врачей заболел, олигарх не мог спать: ему снилось, будто Василий Иванович Чапаев на белом коне и с обнажённой саблей мчится к его дому и вот-вот ворвётся в спальню. Олигарх кричал и вскакивал с постели.

Простаков на это заметил:

— Ну, олигарх — это такой человек, который украл у народа много денег. Ему есть кого бояться, а мне-то чего?..

Сидевшие в машине мужики тревожно задвигались. Упоминание об олигархе им не понравилось, и они поспешили сменить тему разговора.

Автомобиль миновал элеватор, станционные постройки и выкатился на поляну, где стоял большой вертолёт с надписью на борту «Президентский». Надпись удивила Бориса, и он решил, что скоро, может быть, уже сегодня, он встретится с президентом. Эта догадка его успокоила окончательно, и он поднялся по лестнице в салон, где их встречали две официантки и скромно сервированный стол. Простакову предложили место во главе стола. Борис думал, что во всякое другое время в кресле со спинкой выше головы, должно быть, сидел сам президент или другой какой-нибудь высокий чин, и это Простакова наводило на мысль, что его персоне придаётся важное значение, от него будут ждать прибора. Влетела в голову и такая мысль: уж не во сне ли я?.. Но если и во сне, то интересно знать, чем кончится этот сон?

Вспомнил о генерале, у которого жил в станице. Попросил разрешения позвонить ему по мобильнику. Иван Иванович позволил, но предложил сказать генералу, что он летит в Москву и неизвестно, сколько там задержится. Простаков в точности выполнил распоряжение, чем вызвал явное удовольствие Ивана Ивановича и доктора Ноя.

Над Борисом склонилась официантка: девушка лет двадцати, с карими печальными глазами, в чрезвычайно коротенькой кожаной юбочке и в белой кофточке с рискованным вырезом на груди.

Простаков оглядел её и подумал: «Бедная девочка! Жизнь её едва началась, а уж эти ироды эксплуатируют её молодость».

— Как вас зовут? — спросил он девушку.

— Ирина,— ответила она сухо и пошла прочь от стола.

Он слышал от Конкина, занимавшегося в Генеральном штабе секретными и важными открытиями, как одного учёного, создавшего теоретическую основу для какого-то мощного оружия, перевели в другой научный центр под крылышко новых русских богатеев и там стали создавать для него райские условия жизни. Борис вдруг понял, что и с ним они могут повторить подобную историю. В таком случае он будет демонстрировать благодарность хозяевам и вести беспечный образ жизни. Он молод, не женат и сейчас пожалел, что Ирина, такая умная на вид и красивая девушка, демонстрирует к нему явное равнодушие. А когда обе официантки снова подошли к столу и стали расставлять чайный сервис, он с пристрастием посмотрел на Ирину и будто бы даже невольно, сам того не желая, улыбнулся ей. Но и на этот раз она на него даже не посмотрела.

Стёкла кабины были затемнены, и Борис не знал, куда они летят, и не вёл счёт времени. Не употреблявший спиртного, он сейчас подумал, а не выпить ли ему рюмку-другую вина? Но тут же решил: нет, пить он не станет ни при каких обстоятельствах. В своём положении он не видел ничего хорошего, понимал, что ловушка захлопнулась намертво и скорого выхода из неё не будет. Ну, а если это так, то нечего и убиваться; в спокойном-то состоянии быстрее придут варианты и способы спасения. А что они придут, он не сомневался. Важно теперь вести себя беспечно и тем усыплять бдительность своих стражей. Ему было любопытно сознавать, что раньше в себе он никогда не замечал задатков артистизма; всегда вёл себя просто и естественно, но теперь он вынужден играть, и, к счастью своему, вдруг понял, что задатки такие у него есть, и он уж мысленно видел сценарий и режиссуру своей будущей игры. Вот уже и сейчас он начинал первую сцену: охотно ел и благодарил девочку в кожаной юбке. Когда же закончили обед, он пересел на свободный диван, откинул голову на спинку и закрыл глаза. Старался отключиться, не слышать разговоры сидящих за столом, а затем незаметно для себя и задремал. Но тут к нему подошёл Ной Исаакович, тронул за плечо, показал на приоткрытую дверь.

— Там есть другой салон и девочки сделали постель.

Провёл его в маленький, но уютный салон с диваном, на котором была подушка и одеяло с простынёй. И был столик и два стула, наглухо привинченных к полу. Доктор показал на стул, и они сели. Оглянулся на дверь, заговорил тихо:

— Есть одно условие, очень важное: если его выполнять — будет хорошо, если нарушать — будет плохо; так плохо, что лучше не надо. А?.. Я могу его вам сказать?

— Разумеется, говорите.

— Вы молодой, и я буду вас называть просто: Борис, Боринька, а?.. Вы, наверное, заметили: я еврей, а мы, евреи, не любим церемоний. У нас, если ты академик, министр — хлопаем тебя по плечу и говорим: Вася, Петя, Наум. Да, это хорошо, когда нет церемоний. У нас много и других хороших правил. Я слышал, что есть люди, которые не любят евреев. Но вот вы русский, а русских сейчас тоже не любят. Ваш президент Ельцин упал с моста, а потом ложился на рельсы. И куда-то он летел, и к нему в аэропорт приехал король, а он был пьян и сказал: я хочу спать, а король пусть едет домой. В другом аэропорту он вышел из самолёта и возле колеса сделал туалет. И многое другое, что сейчас вытворяет ваш президент, мы не понимаем. И что же?.. За это я должен не любить тебя?.. Ты же не падал с моста и не показывал королю фигу. Ну, вот, я тоже ничего такого не делал, а во всех странах есть антисемитизм. Но я отвлекся и забыл тему разговора.

— Вы хотели сказать о важном условии.

— Ах, да! Условие очень важное. Куда мы прилетим, там много людей, и есть русские. Много русских. И потому остров называют Русским. На вас будут смотреть и думать: а чего он сюда прилетел и чего ему надо? И будут задавать вопросы. А как вы

будете отвечать? Вас украли, посадили в мешок и привезли сюда? Так вы будете говорить? А вам это надо? Вы что, вещь и вас можно положить в мешок?..

— Борис всё понял и, чтобы прервать поток красноречия собеседника, решительно заявил:

— Мне это не нужно, но скажите: что я должен говорить?

— А то, что и другие говорят. Вам предложили работу, и вы поехали. Будет здесь хорошо — останетесь на год, два, а, может, и навсегда. Не будет хорошо — скажете: о, кэй! Я поеду в Россию, на север — туда, где живёт Дерсу Узала; ну, тот, что говорит: я много ходил тайга, но мало знай...

— Да, да, конечно,— обрадовался Борис.— Только так я и буду говорить.

Простаков пробудился от сильного толчка снизу и услышал, как затихает рокот винтов над головой. Иван Иванович пригласил его выйти из вертолётки. Был вечер, на мачтах и каких-то трубах корабля горели фонари, вокруг раздавался плеск волн. Иван Иванович в сопровождении офицера в морской американской форме повёл его вдоль борта и вскоре показал на дверь каюты. Борис ничему не удивлялся, ни о чём не расспрашивал, и спал на подвесной койке сном младенца до утра. А утром к нему пришли врач-психолог и Иван Иванович и предложили умыться, побриться и привести себя в порядок. И затем вывели на боковую палубу, поднялись по винтовой лестнице наверх, и здесь Иван Иванович, тронув его за рукав, сказал:

— Вас пригласил командир крейсера, он же командующий эскадрой, известный в Америке адмирал. Будьте сдержанны, не раскрывайте наших секретов.

Простаков пожал плечами:

— А у нас с вами и нет никаких секретов. Вы можете не беспокоиться.

В просторной кают-компании за столом сидел офицер, очевидно, адмирал; он склонился над листами бумаг и не сразу поднял глаза на вошедшего. А когда увидел Простакова, откинулся на спинку стула и загудел трубным голосом,— и, кажется, немного по-русски:

— Вы?.. Вы есть учёный? А?

Простаков заговорил на вполне приличном английском языке; он после института был на практике в Америке, год работал в лаборатории Бостонского университета и там поднатерел в английском:

— Не трудитесь, господин адмирал, я говорю по-английски.

— О-кэй, майн гот, вы есть тот самый учёный, которого, как зайца, надо было где-то ловить и тащить в Штаты?..

Адмирал вышел из-за стола, и тут Борис увидел перед собой настоящего великана. Большая голова с шапкой русских волос ладно сидела на могучих плечах, а сжатые кулаки точно двухпудовые гири висели по бокам. Слово железную лопату, положил адмирал на плечо Бориса правую ладонь.

— Парень, ты недавно вылез из детской коляски, а уже что-то изобрёл. Сколько тебе лет?

— Скоро будет двадцать шесть.

— О!.. Ему двадцать шесть! А я разменял шестой десяток и до сих пор не придумал пороха. Двадцать шесть, да ещё не полных! Ты, должно быть, не знаешь, какое это счастье быть молодым? А?.. Возраст почти щенячий, а уже сделал такое, чего нет у нас в Штатах. Ты, наверное, хочешь, чтобы я в это поверил?..

Командир крейсера снова ударил Бориса по плечу и легонько толкнул от себя, словно хотел со стороны лучше разглядеть его.

— Я знал, что русские могут выкинуть мудрёный финт, но чтобы в таком возрасте напугать Америку!.. Ну, ладно. Мы сейчас будем с тобой завтракать и ты между делом расскажешь, что да как и для чего ты там что-то изобрёл. Признаться, я плохо знаю русских ребят, но мне говорили, что ваш брат любит заложить за воротник, а когда на

войне надо было идти в атаку, они становились сумасшедшими. Сейчас нас пугают какой-то там вашей ракетой, но, признаться, я не верю в ракеты. Одна из сотни может куда-то попасть, а остальные полетят мимо. Носатые парни в чёрных ермолках... ну, те что у нас и у вас залезли во все телестудии, развели много паники. Американский оболтус,— а у нас даже в Белом доме сидят оболтусы,— уже не может понять, кто чего хочет и зачем мы вообще живём на свете. Ты, парень, скажи мне: это правда, что и у вас там в России в телящике сидят ребята в иудейских ермолках?.. Если это так, то ваше дело труба, как, впрочем, и наше. Эти самые врали и мошенники из белых могут сделать чёрных, а из чёрных жёлтых, то бишь китайцев. Японцы на что большие хитрованы, но и они против картовых бессильны. Мне доложили, что ты биолог и преуспел в изучении всяких мелких тварей,— не скажешь ли ты, из каких таких частиц составлены мозги этих шустрых голов, если они умеют так ловко дурачить людей? Ну, ладно, не будем говорить об этом сейчас, а лучше посмотрим, что там соорудил на завтрак наш кок.

Два матроса принесли еду, питьё, и адмирал пригласил Бориса к столу. Он разлил по фужерам вино и предложил выпить «за хорошее житьё на Змеином острове».

— Впрочем, теперь наш остров всё чаще называют Русским. Раньше на острове жили одни змеи, а с некоторых пор там поселились и люди. А уж в наши дни там всё больше становится русских, сербов, словаков и прочих славян. А потому мы и назвали свой остров Русским. Здесь неподалёку были у нас маневры, и вот... я развернул свой крейсер в сторону острова, где у меня дом, а весь остров принадлежит моей племяннице. Она дочь губернатора и весьма строптивая девица. Пожалуй, это единственный человек, который имеет надо мной власть. Тебе придётся с ней работать. Боюсь, как бы ты не потерял голову от её красоты. Она хороша, как сто Венер, но никого не любит и даже будто бы всех презирает. А эти ребята, которые вас пасут,— разве они вам не рассказали, куда и зачем они вас везут? Но вы не бойтесь змей, они не жалят того, кто не наступит им на хвост. Человекам тоже хорошо бы у них научиться не трогать того, кто не наступает на хвост. Но у нас для этого ума не хватает. Мы недавно наступили на хвост Югославии, а теперь вот ни с того, ни с сего стали кидать бомбы на Ирак. А зачем мы это делаем,— до сих пор понять не можем. У нас, видишь ли, президент немножко того... малохольный. Ваш президент вечно под мухой, а наш хотя и бывает трезв, но и он может отмочить любую глупость. Президенты и короли частенько бывают такие. Впрочем, я лично не знал ни одного короля.

Адмирал расправился с вином, выпил воды и придвинул к себе тарелку с большой котлетой и сложным гарниром, по краям которого красовались две ядрёные помидорины. Борис украдкой кидал взгляды на его лицо и не мог понять, какой он национальности. Американцы по большей части все смуглые, чернобровые и тёмноглазые; в них много понамешано от негров, арабов и ещё каких-то шоколадных и белозубых людей — этот же был весь светлый, и даже очень светлый. Его рискованная откровенность поражала. С Борисом он говорил так, будто был с ним тысячу лет знаком. И, конечно, не верил ни в какие-то там его открытия, и вообще, казалось, он не верил ни во что на свете. Борис и сам не понимал, о каком оружии он говорит, полагал, что адмиралу что-нибудь не так о нём рассказали, и не считал нужным его разуверять.

Вошёл офицер и доложил, что крейсер в квадрате, из которого надо возвращаться на базу.

— О, кэй! Пусть заводят «Кузнечика».

Кузнечиком он называл вертолёт.

Через несколько минут они уже были в воздухе, а ещё через четверть часа показались берега Русского острова. Но вот на фоне яркой зелени возник силуэт Белого дома. Борис смотрел на него равнодушно. Не возникало никаких предчувствий, на душе было светло и покойно. Как человек православный, он верил в промысел Божий и знал, что от судьбы своей никуда не уйдёшь.

«Кузнечик» приземлился на зеленой поляне вблизи от главного входа в Белый дом. Здесь Иван Иванович и Ной Исаакович подошли к адмиралу и о чём-то с ним переговорили. Затем адмирал поднял руку и сказал стоявшему от них в сторонке Простакову:

— Майн гот, ужинать будете у меня.

Борис кивнул ему и последовал за «Ван Ванычем и Ноем», как он для упрощения мысленно называл своих опекунов. Безапелляционный тон команды адмирала «ужинать будете у меня» ему понравился, он подумал: адмирал привык командовать, и я рад иметь такого командира. А кроме того, Борису импонировало всё, что тот говорил, и, главное, как говорил. Что-то родное и близкое слышалось в голосе адмирала, да и сам облик сурового моряка,— его лицо, улыбка, серо-зелёные глаза,— располагал к доверию и откровенности. Борис уже знал, но ещё не осмыслил того важного обстоятельства, что адмирал по рождению серб, а сербы того же славянского корня, что и русские, и тут заключена разгадка сразу же появившейся их духовной близости, общности взглядов на многие явления жизни и самой природы. Но вот что за роль отведена адмиралу на острове, имеет ли он какую власть над Белым домом и над его обитателями — этого Борис пока не знал, но у него теперь уже было большое желание иметь над собой такого начальника.

В Белый дом его привели Иван Иваныч и доктор Ной. Вошли в комнату, больше похожую на танцевальный зал, где стояли длинный стол с приставленными к нему дорогими стульями с резными спинками, камин с диваном возле него и двумя креслами по углам. С потолка свисали две чугунных замысловатых люстры. Всё тут было дорого и красиво.

— Здесь вы будете отдыхать от дневных забот и принимать гостей. Их, гостей, у вас будет немного,— только свои, лабораторные.

Иван Иванович заметил:

— Образ жизни вам будет диктовать доктор. Что будет вам на пользу, то и позволит. Такой режим бывает у королей.

Из двери, что возле камина, вышла Ирина. Здесь она была в другом наряде: в почти воздушном кружевном халате с бриллиантовой заколкой в волосах. И вид её не был уж таким серьёзным и печальным. Борис узнал её и обрадовался.

Ной сказал:

— Это Ирина. Вы её узнали?

— Да, конечно.

— Она будет вашей хозяйкой. Не возражаете?

— Напротив, я очень рад. Но боюсь, что она скоро от меня устанет. Я ворчлив и капризен, как старик.

— Мы не спрашиваем, кому тут что нравится и что не нравится. Тут мы все на работе. Если уж надо, так надо. Живи и радуйся. У нас так, и вы к этому привыкнете.

Борис возразил:

— Мне бы хотелось, чтобы всё делалось по желанию. И чтоб не было никаких принуждений.

Борис давал понять, что тирада врача-психолога ему не понравилась; и ещё он сразу же решил показать свой характер и своё желание считаться с ним, учитывать его интересы. Он для того и тон в разговоре взял несколько игривый, шуточный; говорил, а сам украдкой кидал пытливые взгляды, хотел бы знать, кто и как его воспринимает, какая роль отведена ему в этом новом и необычном для него ансамбле. Прибавляя к тону ноту напускной строгости и сознания своей силы, спросил:

— Где я буду работать? Где моя спальня?..

Ответил ему Иван Иваныч:

— Все ваши комнаты покажет вам Ирина.

К Борису подступился доктор Ной:

— Но прежде садитесь вот сюда — я должен измерить все параметры вашего самочувствия.

— Это необязательно. Самочувствие мое прекрасно.

Иван Иванович заметил строго:

— Доктор должен знать. Таков порядок.

Ной вынул из своей сумки браслет-прибор для измерения давления. Быстренько смерил. Сказал:

— Мне бы ваши заботы: давление у вас, как у хорошего спортсмена: сто двадцать на семьдесят, пульс шестьдесят. У Наполеона был сорок пять, у вас шестьдесят. Хорошо? Да? Вам это нравится? Мне — да, нравится. И я о состоянии вашего здоровья буду сегодня же докладывать на материк.

Положив прибор в сумку, добавил:

— Вечером пойдёте на ужин к адмиралу, а сейчас вам всё покажет Ирина. С вами же мы встретимся завтра. Будет сеанс психологического тренинга.

Борис недовольным тоном заметил:

— Порядок жизни я бы хотел держать в своих руках.

Иван Иванович и Ной будто бы этих слов не слышали. Они удалились.

Ирина повела Бориса на второй этаж. Они вошли в комнату, где были две кровати, диван, кресла, столик. Хозяйка раскрыла дверь балкона, и в спальне послышался шум морских волн. Борис вышел на балкон — перед ним открылась даль океана, и над ним, разливая блеск золотых лучей, сияло солнце. С криком и гамом носились над волнами чайки; одна большая, с крупной головой и красными глазами,— видимо, альбатрос,— подлетела близко, пронзительно крикнула, подавая радостное приветствие. Борис посмотрел вниз: с балкона, как с вышки, можно прыгать в воду, но в левой и правой стороне далеко в море уходил проволочный забор, затрудняя выход на берег.

Девичий голос окликнул Простакова: он обернулся, но вместо Ирины перед ним стояла незнакомая девушка, и, кажется, ещё не совсем взрослая.

— Меня зовут Ганна. Я покажу вам ванную комнату.

— А вы... Вы тут служите?

— Да, я всегда должна быть при вас, и если чего нужно...

— У вас украинское имя. И выговор тоже украинский. Я был в Донбассе, и вы...

— Да, я из Донбасса. Из Горловки,— наверное, слышали?

— Как же! Шахтёрский город к югу от Донецка. Там много шахт, терриконы... Я знаю. Если от него ехать дальше на юг, так попадёшь в Жданов. Он на берегу Азовского моря. Но вы... Каким образом вы очутились здесь?

— Меня продали в Турцию, в гарем молодого шаха. Отец остался без работы, а у нас семья, четверо детей. Ну, и пришлось ехать. Папе дали десять тысяч долларов. Я не знала мужчин, и за то, что я их не знала, дали так много денег. Меня привезли в гарем, а шах утонул, и нас стали продавать в другие страны. Я попала на остров. Теперь вот буду с вами.

— А теперь... вы уже знаете мужчин?

— Нет, не знаю. Я потому и попала к вам. Вы очень важный. Сказали, поважнее шаха. Я как вас увидела, так и обрадовалась. Вы молодой, красивый. Но главное — русский. Может, вы тоже украинец?

— Нет, я русский. Как это у вас говорят: кацап, москаль. А? Вы огорчились? Кацап, москаль — зачем же я вам такой нужен? А к тому же, вы молодая, несовершеннолетняя. Вам надо учиться, а потом выходить замуж.

— Я не молодая. У меня паспорт. Я могу голосовать.

— Вы очень красивая. Для шаха, наверное, таких выбирали — красивых.

— Да, нас выбирали. Все девочки, которые к вам приставлены — очень хорошие. Нам сказали, что вы большой человек, каких нет и в свете. А вы... такой же, как все.

— Ну, вот — я такой же, как все. Значит, вам сказали неправду. Да и как это может быть: большой человек, а такой молодой. Мне недавно исполнилось двадцать пять лет. Вы не знаете мужчин, а я не знаю женщин. Детский сад какой-то! А говорите — большой.

— Да, большой. Вы чего-то там нашли. И такое, что очень нужно Америке. Так вроде бы сказал Арсений Петрович, самый важный учёный, какие тут только есть. Он работает в корпусе «Б». Скоро вас к нему позовут и вы его увидите. Он тоже из Москвы.

— Я его знаю. Мы с ним вместе работали. Он мой учитель.

— Он очень строгий. Нам говорит: не ложитесь в постель с мужиками, а то вас поразит телегония. Обещал рассказать про телегонию, прочесть лекцию. Говорит, вы русские, вам надо выходить замуж за русских и рожать русских детей. Русский народ вымирает. Вы должны родить по десять-двенадцать детишек. И непременно от русских. Чудной какой-то!

— И вовсе не чудной. Он говорит правду. Вы все, русские девчонки, должны выходить замуж и каждый год рожать по ребёнку. Теперь такое время: нас, русских, уничтожают, а женщины должны спасти русскую нацию. Ты это понимаешь?

— Нет, не понимаю. Я не русская. Я украинка.

— Украинцы тоже русские. Это наши враги всегда хотели нас разъединить, чтобы мы ослабли. Вот вы и поверили, что вы не русские, а какие-то другие. И называете нас москалями. Ты сколько классов кончила?

— Я не училась. Читать умею, а пишу плохо. С восьми лет нянчила чужих детей, зарабатывала деньги. Сейчас на Украине много неграмотных, потому что жить трудно. Говорят, при советах было хорошо, а теперь плохо. Я неграмотная.

— Ну, вот — неграмотная. Значит, надо ещё и учиться. Ну, ладно, я за вас возьмусь. Вы у меня ещё станете профессорами. А сейчас я хочу принять душ. Покажи мне ванную.

Ганна показала Борису ванную комнату. И вышла. Борис включил душ и стал мыться. Ганна принесла бельё, халат и полотенце. Борис, нарядившись в роскошный, расшитый золотой вязью халат, направился к кровати. Ганне, следовавшей за ним, сказал:

— Ты что же это... без стука вошла ко мне в ванную? Ты девушка, а так смело входишь к мужчине.

— Так велит Ной. Он говорит, чтобы я вас мыла и делала вам массаж. Снимайте халат.

Борис пристально смотрел на неё. Она продолжала:

— Нет, я никому не делала массаж. Ной Исаакович назначил меня к вам.

— Ну, хорошо. Ты иди к себе, а я буду спать. Мне сейчас очень хочется спать. Только впредь ты ко мне без стука не входи, я этого не люблю. И никакого массажа мне делать не надо.

И Ганна ушла.

Адмирал позвонил Борису в седьмом часу и пригласил на ужин. Внизу Простакова ждала машина — сверкающий никелем и позолотой длинный и просторный лимузин. Ехали по грунтовой дороге, вьющейся между холмами, поднимались в гору. И как-то неожиданно открылся светло-жёлтый трехэтажный особняк с четырьмя белыми колоннами, за которыми угадывались высокие двери фасада. Гостей встретил молодой человек славянского типа, поклонился Простакову, заговорил на плохом русском языке:

— Адмирал ждёт вас в столовой первого этажа. Папаша Ян говорил: «К нам сейчас приедет братушка Борис». Папаша Ян любит русин и говорит, что мы сделаны из одного теста. А меня зовите Петру. Петру Горич из Хорватии. Я серб и управляю имением адмирала.

Тут незаметно появился, — словно с неба упал, — Иван Иваныч. На ухо Борису сказал:

— Да, да. Папаша Ян — это адмирал, его зовут Яном, а фамилия Станишич. Он серб и любит русских людей.

Петру провёл гостей на второй этаж в просторную комнату с пальмой у окна, со столом посередине. И тут же по лестнице с третьего этажа спустился адмирал. Он широко улыбался, обнажая ряды крупных белых зубов, приветливо кивал могучей головой, приглашая к столу, на котором стояли бутылки вина, рюмки, фужеры. Обращаясь к Борису, сказал:

— Приходите ко мне, как домой, и зовите меня папаша Ян. А?.. Вам нравится моё имя? Мне ваше имя тоже нравится. Был у вас царь Борис Годунов. Неплохой мужик, кое-что хорошего оставил в истории, а моё имя тоже хорошее. Ян! Слышишь? Ян, Иван — почти одно и то же. У нас, сербов, есть имя Ёван, но меня назвали Яном — тоже хорошо. Однако, как там у вас говорят: «Соловья баснями не кормят»,— а?.. Так говорят в России?.. Я всего лишь раз побывал у вас, да и то с заходом в порт Архангельск. А между тем, там мои предки, там прародина славян. Я ведь тоже славянин. Как вам это нравится?.. Американский адмирал и — славянин. А если начнётся война, кого мне защищать? В том-то, брат, и штука. Я потому не пошёл далеко по службе, что родился сербом. У нас вокруг президента вьётся много евреев, а они не любят славян. Почему? — не знаю, но не любят. Предпочитают им всяких мексиканцев и даже эфиопов. Этих они не боятся, а нас боятся. Почему? — не знаю, но боятся. И везде, где можно, тормозили мою карьеру. Мне это надоело. Я ушёл. Да, это так. Тормозят, потому что я родился сербом. Америку заполонили чёрные, жёлтые и серо-буро-малиновые; чёрт знает, что за народ, из каких щелей они к нам напоззли. Их теперь стали бояться. Особенно перед ними гнутся те парни, что стремятся залезть в кресло президента. У них же голоса! Представьте себе, что каждый этот мазурик имеет такой же голос, как и я, как и мой брат, который вот уже второй раз избран губернатором штата. Я три года челночил по морям и океанам, а когда сошёл на берег, не узнал своего города. По тротуарам толпами слоняются обезьяны с длинными ручищами и ошалело таращат на меня глаза. Мой родной город превратился в Косово, и каждый из наших рискует получить пинка под зад. У вас пока этого нет? Хорошо, но у вас есть демократы, а это значит, будет Косово. У нас теперь парни из Белого дома суют на важные посты африканцев. Вы видели, кто у нас помогает президенту в делах безопасности? Да, да. Молодая, симпатичная, похожая на парня негритянка. Я такую не прочь бы взять к себе в служанки, но поставить её над всеми генералами!.. У нас поставили. И я потому вышел в отставку.

Адмирал задумался, повертел в пальцах бокал с красным вином и продолжал:

— Может, это и к лучшему. Служить на флоте нет смысла. И тянуть ляжку чиновника, как мой брат, я не желаю. Америку уж не спасти. Она дала крен и скоро пойдёт ко дну. Россия тоже потеряла ход, но там есть русские люди и их пока много. Правда, они лакают водку и, как бараны, смотрят в телящик, но скоро опомнятся и возьмутся за ум. На них может обвалиться туча китайцев, но те китайцы, что у власти, они не дураки и понимают, что с русскими их повязала судьба и они должны жить в мире. Индусы тоже к вам придут. Таков ход истории. Я тоже приеду жить в Россию, но теперь буду отдыхать, спать по пятнадцати часов в сутки. Есть, пить, и снова спать. Хорошо это, быть свободным от службы! Ну, да ладно. Буду пить вино. Вам не предлагаю, вы трезвенник, а я выпью ещё бокал.

И не успели они приступить к трапезе, как на дворе за открытым окном послышалось движение; вначале подъехал автомобиль, потом раздались голоса: два-три мужских, один женский. Дверь растворилась и в окружении трёх молодых парней вошла женщина. Парни остались стоять у порога, а молодая дама,— впрочем, больше похожая на девицу,— подошла к Простакову:

— Меня зовут Драгана, будем вместе работать. Я биохимик, училась в Московском университете. Скажу вам сразу: это я виновата в таком обороте вашей судьбы. Позже я вам всё объясню, и, надеюсь, вы меня простите, а сейчас садитесь, пожалуйста.

Подошла к адмиралу, поцеловала его в щёку. Папаша Ян поднялся с кресла во главе стола и хотел было усадить в него Драгану, но девушка обхватила его за руки и стала вталкивать в кресло. При этом говорила:

— Вы теперь вышли в отставку, и я хочу, чтобы вы были хозяином и острова, и моего дома и здесь на острове заменяли мне отца. Садитесь, садитесь. Это теперь ваше место, я сяду вот здесь напротив молодого человека, которого мы, наконец, дождалась.

Она села напротив Бориса и смотрела на него с чувством нескрываемого восторга, как смотрят дети на взрослого человека, подарившего им красивую игрушку. Борис же, напротив, и хотел бы на неё смотреть, но смущался, и если взгляды их всё-таки встречались, быстро опускал глаза. Он в первую же минуту был и поражён, и очарован этим внезапным дивом, в котором неизвестно чего было больше: внешнего обаяния или какой-то неведомой внутренней силы и магнетизма. Говорят, в глазах, как в зеркале, можно увидеть душу человека. Но о Драгане можно было бы ещё и сказать: если в женщине нет ничего примечательного, а только лишь вот такие глаза, как у неё, то и тогда она была бы неотразимой. Глаза у неё тёмно-синие и большие, ресницы длинные, чёрные. Нет, описать такие глаза невозможно, их надо видеть, но и как же их разглядишь, если пристально в них смотреть неловко? Но, может быть, это только Борис не мог подолгу смотреть на девушку. Да, наверное, скорее всего, так оно и было. Борис боялся, как бы Драгана не заметила в его взгляде пристрастного к ней интереса. Ведь им придётся вместе работать!

Что же до Драганы, она смотрела на него неотрывно и продолжала радоваться его появлению в их пределах.

— Арсений Петрович мне говорил: к нам приедет юноша, похожий на Есенина. Я страсть как люблю Есенина! А вы как его двойник! Надо же, как вы похожи на Есенина! Нет, это удивительно, что я увидела живого Есенина. Одно только плохо: я не смогу с вами работать. Я всё время буду смотреть на вас и восхищаться. Я, наверное, встретила свою любовь. А? Что вы на это скажете, если я вас полюблю? Мне двадцать три года, а я никого не любила. А вы мне скажите сейчас же: вы женаты? Вы кого-нибудь любите?.. отвечайте быстрее.

— Дана! Девочка моя. Я никогда не слышал от тебя таких смелых и рискованных речей. Ну, что подумает о тебе наш гость? Он такой скромный, сдержанный и — такой умный. Наконец, не надо забывать, что перед нами — великий учёный. Мне кто-то дунул в ухо, что это первый человек планеты. Недаром же мне велели притащить его к тебе на остров.

— Ну, вот, дядя. Первый человек планеты! А зачем же мне нужен второй или третий? Мне и нужен первый! Я такого только и могу полюбить. И вообще... не надо нам мешать. Мы с ним люди одного поколения, и отношения между нами должны быть современными. Я хотя и красавица, и дочь губернатора, и внучка миллиардера, и женихов за мной тянется длинный шлейф, а вот он-то может меня и не полюбить. Это будет для меня катастрофа, и этого я не переживу. Я тогда уеду в Белград и никогда к вам не вернусь.

Все эти длинные, демонстративно откровенные тирады Борис воспринял как шуточные и заключающие неуважительное к нему отношение, но отнёсся к ним спокойно и будто бы даже не принимал их всерьёз, но в глубине души был обижен и долго не подавал в разговоре даже коротких реплик, не находя умных и подходящих для такого момента слов. Где-то на уровне подсознания копошилась мысль: мне трудно будет сохранять равнодушие, но я найду в себе силы, чтобы не показывать ей своего интереса и, тем более, восхищения.

Но что же она такое, эта девушка, принеся с собою столько новых, сильных впечатлений для Бориса и заставившая присмиреть грозного адмирала?

Легко и весело она набирала себе еду, задавала Борису вопросы и, казалось, всё больше радовалась тому счастливому обстоятельству, что человек, которого они долго

ждали, был и молод, и хорош собой, и всем своим обликом так походил на Есенина и на них — на дядю Яна, и на неё, Драгану. И, кажется, это вот последнее обстоятельство и вызвало такой откровенный восторг девушки, который она, может быть, и хотела бы скрыть, но не умела. И дальше она говорила:

— Удивительно, как мы, русские, похожи друг на друга! Вы не находите?

Она говорила по-английски, но некоторые фразы вырывались у неё по-русски.

— Вы русская?

— Нет же, нет, конечно; я сербка и родилась в Америке, но, когда бываю в Белграде у своего второго дяди, говорю только по-русски, и мы любим говорить: «Мы тоже русские!». Быть русским — это мечта многих сербов. Россия — такая великая и могучая страна! А русский народ так много сделал для человечества! Сербы — тоже народ замечательный, но вас, русских, я люблю больше.

— Вы так хорошо говорите по-русски.

— Да, хорошо. Моя бабушка и прабабушка жили в России, а потом и я три года училась в Московском университете и работала в химической лаборатории — в том же научном центре, где работали и вы. Только я вас там не видела.

— Вы работали у Арсения Петровича?

Драгана как-то вдруг сникла, опустила глаза. Тихо проговорила:

— Да, и он здесь, у нас — у него большая лаборатория, но теперь он болен. Не хочет никого видеть, лежит на диване и не оборачивается даже на мой зов. А если к нему приходит врач-психолог Ной Исаакович, с ним случается истерика. И он гонит от себя врача. Не верит ему и даже боится. А про вас каждый день спрашивает: не приехал ли мой ученик Боренька? Я надеюсь, он вам обрадуется и станет поправляться. Он часто вспоминает какую-то лестницу уравнений математика Зубова и говорит, что только Боренька сумел в ней хорошо разобраться, и только эта лестница нам поможет. Сейчас нельзя совершить никаких серьёзных открытий без знания математики. Нам известно, что и вы не однажды ездили в Ленинград на консультации к знаменитому профессору Зубову.

Драгана говорила ласково и как-то душевно, доверительно. Голос у неё был мягкий, чистый и звонкий. Если закрыть глаза и слушать только один её голос, то могло показаться, что с вами беседует ангел или девочка-подросток; голос её как бы вызывал вас на откровенность, побуждал верить ей и в свою очередь говорить тоже о приятном, душевном и очень личном. Сейчас она была совершенно непохожа на ту, что минуту назад с дерзким вызовом говорила о Есенине, о любви. Простаков снова почувствовал неодолимую силу её обаяния, на этот раз уже не физического, а какого-то иного, тайного, проникающего в вашу душу и сердце. Борис не смотрел на неё, он боялся поднять глаза и выдать своё волнение, свою беспомощность и так неожиданно поразившую его слабость. Он решительно не знал, о чём с ней говорить. И думал лишь о том, как будет с ней работать, общаться, — наконец, как переживёт тот роковой момент, когда окончательно убедится в том, что она подшучивала над ним, высмеивала, говоря о его похожести на Есенина.

Вдруг она сказала:

— Я бы не хотела, чтобы вы там жили.

— Где? — не понял Борис.

— А там, в Белом доме.

Она посмотрела на дядю Яна.

— Пожалуйста, поселите его у себя на третьем этаже и следите, чтобы он от нас никуда не убежал. Я буду плакать, если мне скажут, что этот русский молодой человек исчез так же, как он исчез из своей казацкой станицы. А если вы мне не обещаете его сохранность, я поселю его у себя и поручу охранять тем самым трём парням, которых приставил ко мне не то отец, а скорее всего дедушка. Да, да — поселите его у себя. На третьем этаже у вас много свободных комнат. Пожалуйста, прошу вас.

Дядя Ян замялся.

— Я-то бы и поселил, как прикажете, но Иван Иванович и Ной Исаакович... Люди из Вашингтона, у них есть инструкции. Боюсь...

— А вы не бойтесь. И никогда ничего не бойтесь. Сошлитесь на меня. Я так хочу. А не то, так и совсем прогоню их со своего острова. И, пожалуйста, не спорьте со мной.

Адмирал кивал головой. Любопытно было наблюдать, как этот богатырь, привыкший повелевать и не терпевший возражений, тут неожиданно смирился и покорно склонял на грудь голову. А Борис думал: как же она, такая молодая, и даже с виду юная девица, смогла забрать такую власть над адмиралом?

Время свалилось за полночь, Драгана простилась и в сопровождении трёх парней уехала куда-то,— как потом Борис узнал, к себе домой, где она жила в окружении верных слуг и под надёжной охраной. А папаша Ян хотел было показать Борису его комнаты, но тут во дворец явились Иван Иванович и Ной Исаакович и бесцеремонно сели за стол, попросили вина. Затем Иван Иванович отвёл адмирала к окну и о чём-то переговорил с ним. Адмирал пожал плечами и подошёл к Борису, сказал:

— Вы сейчас пойдёте в Белый дом, а завтра я к вам приеду, и мы обговорим некоторые обстоятельства вашей жизни на острове.

Говорил он тихо, каким-то несвоим, нетвёрдым голосом и кивал головой, как бы давая понять, что всё будет хорошо, но неожиданно возникли кое-какие препятствия, которые, как он надеется, удастся устранить. Простаков в сопровождении врача и Ивана Ивановича направились к выходу. У ворот их ожидал автомобиль. По дороге Иван Иванович строго и будто бы даже не очень вежливо проговорил:

— Адмирал привык командовать, но у нас свои правила, свой режим.

И уже тише добавил:

— Мы люди служивые, порядок жизни нам диктуют там, на материке.

Борис на это заметил:

— Надеюсь, вы и мне позволите принимать участие в составлении порядка моей жизни?

Уже на этом начальном этапе пребывания на острове Борис заметил некоторую несогласованность в действиях его поводырей и попечителей. Между ними не было ладу, каждый хотел бы навязать учёному свою волю, свой порядок жизни, свой стиль отношений. Впрочем, было что-то и общее в задачах, которые они преследовали: Борису создавался максимум удобств, все с одинаковым старанием подвигали его к делу, в котором были заинтересованы.

Больше всех говорил и старался приблизиться к Простакову Ной Исаакович. Он наклонялся к учёному и почти на ухо ему бубнил:

— Вам не о чем беспокоиться; тут всё будет направлено к устройству хорошей жизни, не просто хорошей, а такой, которую я бы и сам хотел иметь. К сожалению, я не умею зажигать облака. Вы умеете, а я — нет, не умею. А если бы умел... О-о-о!.. Я бы знал, что у них за это взять. Я бы знал.

И Ной качал головой, выражая тем самым и сожаление от того, что он не умел «зажигать» облака. Впрочем, и Борис не знал, что это такое «зажигать» облака. А Ной по-своему расценил его молчание и задумчивость: отвернувшись в сторону, он как бы с досадой тихо проговорил:

— Ха! Он ещё недоволен. Мне бы его заботы.

В Белом доме вошли в лифт и поднялись на четвертый этаж. Тут их встретила Ганна. А Иван Иванович простился с Борисом. И как только он удалился, Ной Исаакович выдвинулся вперёд, предложил следовать за ним.

— Вы будете ходить за мной; и везде так, везде за мной,— и мы придём куда надо.

Прошли метров пять-шесть, и справа открылся небольшой, но красиво обставленный мягкой мебелью холл, где с одной стороны был вполне в русском стиле

камин, а с другой, противоположной, во всю стену балкон; он был раскрыт, и Борис явственно услышал шум океана, увидел звёзды, сиявшие в вышине ночного неба. Невольно свернул на балкон, и тут рокот волн как бы навалился на него и потянул вниз, в бездну. Сердце в волнении забилося, и Простаков простёр к небу руки. Он как бы почувствовал себя на палубе корабля, услышал шум машин и плеск волн за кормой.

За спиной раздался голос Ноя:

— Вам хорошо? Я вижу, как будет вам хорошо жить у нас на острове. Вас сейчас Ганна проведёт в спальню, а завтра будет день и будет Арсений Петрович. Он ждёт вас и всё время говорил: когда уже это приедет мой любимый ученик? Вот теперь я ему скажу: ученик приехал и вы можете приниматься за работу, которую вы умеете делать, а никто другой её делать не умеет. Да, да. Я ему скажу, что вы приехали.

Ной Исаакович и ещё о чём-то говорил, но Борис его не слушал; ему хотелось поскорее остаться одному, осмотреться, обдумать своё новое положение. Но врач не уходил. Он потянул его за рукав и предложил сесть в кресло. Сам же сел напротив и некоторое время смотрел Борису в глаза. Заговорил так:

— Вы молодой, и с вами мне будет легко: у вас не болит сердце, голова, не поднимается давление. А если поднимется, мы его опустим.

Достал из кармана браслет, протянул его Борису.

— Это вам для измерения давления. Смотрите на стрелку. Ну, вот. Я вижу отсюда: сто двадцать на семьдесят. Такое было у Светланы Хоркиной,— ну, той пятнадцатилетней гимнастки, которая на Олимпиаде стала чемпионкой. Оставьте прибор у себя. Через день, два, может быть, реже, но я должен знать ваше давление. И всё про ваше сердце, и про сосуды, и про желудок, печень, селезёнки. Но главное — настроение. И сон, и еда, и отдых, и — настроение. Вы должны много смеяться, любить девочку и — работать, работать... Ловить свои ионы.

— Какие ионы?

— Я знаю!.. Это маленькие частицы, они зажигают облака. Я иногда бываю в лаборатории и там слышу, как ваши ребята говорят: ионы, ионы... Они их ловят, но, видимо, поймать не умеют. Они ждали вас,— они верят, что вы их поймаете, эти ионы, которые зажигают облака. Сейчас не зажигают, но Арсений Петрович, когда ему сунули под нос детектор лжи, сказал про какие-то структуры. И что создавать эти структуры умеете вы, только вы. Потому мы полетели в Россию и поймали вас. Но я разговорился и начал болтать лишнее. Вы человек порядочный и, я надеюсь, не станете меня выдавать. Мы здесь на острове всего боимся. Вам кажется, Иван Иванович мой друг и я его не боюсь? О-о-о! Это вам может только показаться. Да, мы ходим вместе, у нас одинаковые носы, глаза, мы даже одинаково немножко картавим. Мы, евреи, очень умные, а — картавим. Ленин тоже картавил. Вот Маркс не картавил. Эйнштейн говорил в нос, путал какие-то буквы, но — не картавил. А глупые люди говорят: картавость — дефект сознания. Но это неправда. Картавим оттого, что наш прадед Моисей, когда его турнули из Египта, немножко испугался и стал заикаться и картавить. Оттуда всё пошло. У вас Ленин, самый умный человек, у нас — Моисей. Есть и Спиноза, философ, и поэт Гейне. Все знают, какие они умные, но и они картавили. Английский премьер Дизраэли картавил, а кто скажет, что он дурак? Говорят, Черчилль, тоже премьер Англии, тайком брал уроки у логопеда. И что же тут плохого? Ну, брал и брал, а как правил Англией! Во время войны долго не открывал Второй фронт, зато сэкономил много денег и людей. Русских полегло двадцать миллионов, англичан всего ничего. Вот так надо править!

Ной откинулся на спинку кресла и говорил, говорил. Поток слов, изливавшийся изо рта, журчал как ручей, и, казалось, не будет у него конца. В начале беседы Борис хотел выяснить, какая роль поручена при нём врачу, но теперь раздумал и только ждал, когда Ной закончит и оставит его одного.

Но вот врач ушёл, и Борис почувствовал полную свободу, он смотрел на небо, и казалось, что звёзды над океаном были крупнее, чем обычно, сияли ярче, веселее, будто

что-то говорили Борису на своём языке, и речь их была радостной, приветливой; и невысокие волны, праздно гулявшие под куполом неба, тоже говорили на своём языке, и их разговор был лёгким и весёлым.

Пошла Ганна, тронула его за рукав:

— Пойдёмте, я приготовила вам постель.

Следуя за девицей, Борис думал: «Надо с ней поговорить, определить границы наших отношений». Он понимал: Ганна придана ему как вещь, как игрушка для мужской потехи, но он не может принимать такие подарки судьбы, он установит с ней братские отношения и создаст условия для её учёбы. Ведь она неграмотна, она жертва того нового строя жизни, который установили в России и на её родине Украине демократы.

Оглядев спальню и оценив комфорт и удобства, он показал на кресло и сказал:

— Садись, Ганна. Нам с тобой есть о чём поговорить. Для начала ты мне скажи: какая роль принадлежит тебе в этом доме? И кто твой начальник, чьи распоряжения ты выполняешь?

— Я твоя жена. Пока одна, единственная, но когда у тебя будет много жён, как у шаха, от которого мы приехали, я тоже буду женой, но уже младшей, самой младшей. А кто будет старшей и самой главной — не знаю. Может быть, Ирина, но сейчас она нездорова, у неё депрессия, и она не знает, чего она хочет и зачем живёт. А когда проснётся от этой самой депрессии, вы тогда увидите, какая она строгая и как её все боятся. Я её тоже боюсь. Когда были у шаха, она меня прогоняла и не хотела, чтобы шах меня видел. А ещё про неё говорили, что это она увлекла шаха в море и там утопила. Её хотели убить, но отец-шах сказал, чтобы её отпустили домой. И даже дал ей много денег.

— Но позволь, позволь: ну, шах это дело другое, у них там свои порядки, а у нас жён не бывает много, а только одна, и только такая, которую любишь и с которой живёшь. У меня нет жены, но в России есть девушка, которую я люблю, и придёт время, я на ней женюсь. У тебя, как я слышал, на Украине тоже есть парень, которого ты любишь, а зачем же тебе быть ещё женой другого человека, которого ты не любишь? Я что-то тут ничего не понимаю.

Ганна смутилась, опустила глаза; её пухленькие, почти детские щёчки покрылись румянцем, — она не знала, что говорить. А Борис продолжал:

— Адмирал мне сказал, что у них тут на острове в библиотеке есть много русских книг, завтра мы с тобой пойдём и я отберу тебе книги для чтения. Ты будешь много читать, изучать английский язык, а я тебе дам уроки по физике, химии, математике. За год мы с тобой пройдем программу семилетки, а за следующий, если нас ещё тут подержат, пройдем курс средней школы, и ты начнешь готовиться к поступлению в институт. Я для тебя буду старшим братом, и ты меня во всём слушайся, а не то, так по праву старшего и накажу. И очень строго.

— А как?

— А это уж посмотрим. Я найду такие средства, которые живо приведут тебя в чувство.

Ганна сияла глазками и улыбалась; ей, видимо, нравилась перспектива жить в родстве с таким интересным человеком, каковым представлялся ей русский учёный. Она ушла, позабыв проститься, а Борис разделся, набросил на плечи бархатный вишневого цвета халат и снова вышел на балкон. Смотрел прямо перед собой, — там, за чертой тёмно-синего горизонта, ему мысленно представлялись берега Америки, штаты Южная и Северная Каролина, где он никогда не был, но знал, что остров, на который его завезли, находится в районе этих штатов.

Утром к нему пришла Ирина и пригласила на завтрак. И удалась. Борис проводил её взглядом. Она была одета иначе, чем в самолёте: полужакет-полукофта с короткими рукавами и широкие брюки, создававшие впечатление длинного платья, которые носили в старину русские женщины. Волосы расчёсаны на пробор и на спине

лежали толстой тёмной косой. Не было никаких претензий на современную моду и на желание выставить напоказ соблазнительные части своей фигуры.

Борис не торопился. Некоторое время он ещё полежал, осмотрел свою спальню, балкон,— он всю ночь оставался открытым,— затем прошёл в ванную и принял душ.

В столовой его ожидали Ирина и Арсений Петрович. Борис, увидев своего учителя, опешил, но, впрочем, скоро пришёл в себя и заключил старика в объятия. В прошлом крепкий, сильный, живой и деятельный, Арсений Петрович походил теперь на пожухлый лист и едва держался на ногах. Тельце его дрожало, он, всхлипывая, говорил:

— Сколько же лет мы с вами не виделись?..

— Два года с небольшим,— с того дня, как закрыли нашу лабораторию.

— Да, да, два года, а мне кажется, пролетела вечность. Но позвольте, Боренька: зачем же закрыли нашу лабораторию, если она так нужна была и нашему правительству, и Генеральному штабу армии? А перед тем, как её закрыть, ко мне приходил человек из каких-то тайных органов и предлагал содействие. И даже большие деньги. Он мне говорил: «Вы будете купаться в золоте, только при одном условии: каждый месяц представляйте нам подробный отчёт». Да, да,— так и говорил, и я уж хотел согласиться, ведь сотрудники лаборатории не получали зарплату. И что же ты мне скажешь? Он так говорил, а тут вдруг вызывает меня директор и объявляет: лаборатория закрывается. Как всё это понимать?..

— А так и понимайте: сотрудник-то, приходивший к вам, работал не в наших органах, а в тех, которые и затащили вас, а вслед за вами и меня на этот остров. А теперь вот мы будем работать на своего противника. Я так понимаю наше положение.

— Да, да. Ты прав, Боренька, у вас, молодых, мозги шевелятся резвее, чем у нас, стариков. Ну, как я мог подумать, как мог подумать?.. Сталин-то говорил: вы всего лишь винтики одной государственной машины; и нечего вам думать, а всё придумаем мы за вас. Ох, Сталин! Его теперь хвалят русские патриоты, а сами того не понимают, что он-то и отучил нас самостоятельно мыслить. Это ведь при нём, как клопы в трухлявом доме, расплодились враждебные силы и вышибали из нас русскую душу. Ну, скажи на милость, зачем Микояну или Орджоникидзе, а пуще того, Кагановичу и Берии русская душа? А ведь этих нелюдей Сталин поставил над нами. Вы-то, молодёжь, не знаете, а я ходил на демонстрации и, как идиот, таскал портреты этих вражин. Ну, и что же русский народ хотел от них получить?.. А вот то, что и получил. Полтора миллиона в год вымирает русских людей, а они, как бараны, идут на избирательные участки и выбирают тех, кто их уничтожает. Ох-хо, Боренька, что же это будет, что будет?..

По щекам старика катились слёзы. Не мог он унять кровотокающую боль, нетвёрдым, дрожащим голосом продолжал:

— Давно не виделись, давно,— и не хотел бы я здесь с тобой встретиться, да так уж случилось. Так привелось. Вот видишь: встретились. А всё я, старый осёл, тому причиной. Не думал, не желал я этого, да вот видишь подвёл тебя под монастырь, закатал в крепость, в этот проклятый Белый дом. Кто ж и подумать мог, да вот так случилось. Стар я стал, из ума выжил — нечаянно твоё имя назвал. Вроде бы детектор лжи ко мне приставили, а он мозги помрачает. Под этим детектором они всё спрашивали: кто помочь может в моих расчётах, подступились с ножом к горлу. Потом-то уж опомнился, да вот видишь: назвал. Ты, Борис, прости меня, старика. Я это виноват, один я и никто больше. Они вроде бы и мою помощницу, Драгану, этак-то пытали, будто бы и она назвала твоё имя, да не будем путать слабую девочку в эту историю. Она сербка, как и её дядя, и будто бы нашего, русского духа. Я виноват, один я. Так уж и ответ перед тобой и перед Господом Богом один я держать буду.

И старик опустил над столом голову, вздрагивал всем телом, плакал. Ирина сидела на диване в дальнем углу комнаты и молча, равнодушно за всем наблюдала. Борису казалось неуместным и даже бестактным её присутствие, но он, раз-другой взглянув на неё, перестал её замечать.

— Да в чём же вы себя вините? — заговорил Борис. — В том, что я тут очутился? Оно, может, и к лучшему. В Москве-то нашу тему закрыли, я потом в казачьей станице жил, храм строил. Ну, моё ли это дело — бетон месить, а тут, глядишь, мы дальше тему свою подвинем. Были бы приборы, да реактивы разные — соскучился я по настоящему делу.

Видя старика разобранном, расстроенном и, кажется, глубоко больным, Борис не стал рассказывать, как его выследили и помимо воли доставили сюда, — думал лишь о том, как бы помочь учителю, вернуть ему былую силу.

Ирина подошла к ним и стала расставлять тарелки, приборы. Из раскрытой двери, ведущей в другие комнаты, вышли две прислужницы, принесли горячий завтрак. Они тайком, но с пристрастием кидали взоры на Бориса, видимо, знали о нём, ждали его приезда. Ирина, как и в вертолёте, была сдержанной, вела себя строго в соответствии с заведенным здесь для всех этикетом. Арсений Петрович заметно успокоился, принялся за еду. Вилкой постучал по стоявшей на середине стола бутылке вина, сказал:

— Насколько же был прав Иван Петрович Павлов; он призывал напрочь отказаться от потребления вина и даже в лекарство не добавлять спирта. Я тут заметил: вино в любых дозах, и даже в самых ничтожных, не приносит пользы организму. Впрочем, поувял я здесь не от вина, а вот отчего — я тебе расскажу в подробностях, но только позже.

Он при этих словах взглянул на Ирину и, заметив её желание покинуть их, схватил девушку за руку:

— Нет, нет, ты, Ириша, не уходи, останься, пожалуйста.

И — к Борису:

— Ирина — мой ангел-хранитель. Это ей я обязан тем, что ещё кое-как держусь на белом свете. Не будь её, так я бы давно... как те мои ребята, которые на тот случай оставались со мной в лаборатории, валялся бы на больничной койке.

Снова взял девушку за руку:

— Ладно, Ириш, ты сейчас иди в лабораторию, а мы поговорим немного и тоже придём к тебе. Иди, родная, иди.

Ирина вынула из сумочки пузырёк с таблетками, положила его в карман куртки Арсения Петровича.

— Это вам на случай.

— Знаю, знаю, родная. А теперь иди, пожалуйста, и посмотри, чтобы там, за дверью, никого не было. Мне надо говорить с молодым человеком, я кое-что ему расскажу.

— Хорошо, но только вы не волнуйтесь, не впадайте в состояние...

— Да, да, я, конечно, я буду молодцом, а ты иди, иди, пожалуйста. И пусть никто к нам не приходит.

Старый учёный вновь начинал волноваться и делал жест рукой, словно бы толкал Ирину к двери; его речь становилась отрывистой, а щёки покрывались едва заметными пятнами. Проводив нетерпеливым взглядом девушку, он торопливо выпил абрикосовый сок, вытер салфеткой рот и склонился через стол к Борису:

— Вы, наверное, знаете, что в Москве я заканчивал работы над этим злополучным «Облаком», — ну, тем самым «Облаком», которое было засекречено и в институтских документах называлось «Облаком подавления духа». Здесь мне удалось добиться задуманного, я приступил к испытаниям, и вот результат: был человек и весь вышел. При опытах допустил оплошность — вырвалось оно из рук, это «Облако», и — шарахнуло. Пятнадцать сотрудников, по большей части русских, отправлены на материк, лежат в военном госпитале, а я вот здесь перемогаюсь.

Старик хотел налить себе в стакан сока, но руки его тряслись и он чуть не выронил графин. Борис подхватил его и разлил по стаканам напиток. Он пытался вспомнить, что это за «Облако», над которым работал в Москве Арсений Петрович, но на ум ничего не приходило, и он сейчас думал о том, а какое же отношение к этому «Облаку» имеют его

собственные работы и что знает о них Арсений Петрович? А если он знает всё, или почти всё, то какие надежды возлагает на него старый учёный? Зачем-то же он выдернул его из станицы Каслинской?

Пока все эти вопросы оставались для Бориса открытыми.

Арсений Петрович продолжал:

— «Облако» я нашёл, и есть пушчонка для его зажигания, но оно крохотное, поразило вот только нас, сотрудников лаборатории. Дело теперь за созданием математической модели. Только математика способна превратить «Облако» в тучу, а пушчонку в надёжный миниатюрный аппарат. Миниатюрный! — вот что важно. Такой, чтоб ты сидел в зале на каком-нибудь съезде или конференции и незаметно для других мог точечным ударом выщелкивать бесовские силы, а если нужно, то и поразить весь президиум. Помнится мне, как ты занялся примерно этой же темой, и будто бы уже чего-то достиг, но я сейчас ничего не помню, и ты меня прости. Помню только, что ты устремился в физику, штудировал книги и статьи по физико-химии, наконец, полез и в математику. Я и сам посылал тебя в Ленинград к Зубову, и каким окрылённым ты от него вернулся. Директор на секретном совещании нам сказал: «Метод математического анализа помог Простакову довершить своё открытие». Арсений Петрович посмотрел на дверь и приглушённым голосом, почти шепотом, стал говорить:

— О вашем открытии никто здесь ничего не знает. О нём молчок. Будем, как рыбы, хранить вашу тайну. Что же до тайны моего открытия, то им её не узнать по той простой причине, что после того, как я попал под собственное «Облако», я её и сам забыл. «Облако», кроме всего прочего, отшибает ещё и память. Но, может быть, это и к лучшему. Не знаю, не знаю, но... может быть, к лучшему. Дай-то Бог, дай-то Бог.

Эта пространная тирада неприятно поразила Бориса. Он подумал: «Если тайну кто-то знает, она уже не тайна». Впрочем, тут же и решил: «Какая же может быть тайна в условиях института, где восемьдесят процентов сотрудников были евреи? Думать теперь надо лишь об одном: как бы не попал открытый мной прибор воздействия на гипоталамус в руки врагов. Но это уж будет зависеть от меня. Лишь бы ко мне не применили какой-нибудь варварский ”детектор лжи“. А такие приборчики у американцев имеются».

Арсений Петрович предложил Борису поехать с ним в лабораторию и уж поднялся со своего места, сделал несколько шагов к выходу, но вдруг схватился за руку Простакова, едва слышно простонал:

— Плохо. Мне плохо...— повис на руке Бориса, обмяк и едва слышным голосом говорил: — Там, в лаборатории, в столе — бумаги. Много бумаг, и все они для вас.

И как раз в этот момент к ним подошла Драгана и помогла Борису донести старика до дивана. Девушка по радиотелефону вызвала врачей, и они через несколько минут явились. Сделали больному укол и на носилках отнесли в машину. Растерявшийся Простаков смотрел на Драгану: «Что же нам делать?» А Драгана, предложив Борису следовать за ней, говорила:

— Ничего. Очередной приступ. Его, наверное, повезут на материк в военный госпиталь.

И вправду: через несколько минут в небо поднялся вертолёт и взял курс на материк. А Борис и Драгана подъезжали к трёхэтажному зданию барачного типа, стоявшему на краю скалистого мыса. Оно, это здание, точно корабль, устремлялось в океан.

— Арсений Петрович говорил мне о каких-то бумагах. Они лежат в столе.

— Лежали в столе, но он забыл о своём распоряжении, которое сделал мне недавно: спрятать бумаги в моём сейфе. Я их собрала в одну папку и отвезла к себе домой. Это очень важная папка, и вы её получите. Но для начала я бы хотела посвятить вас в наши дела.

На длинном бронированном автомобиле в сопровождении двух машин поменьше они выехали на дорогу, огибающую остров по берегу океана. Потом им открылся невысокий холм, где в тени южных декоративных деревьев, блестя мраморными колоннами у входа, стоял небольшой трёхэтажный дом цвета не бросающейся в глаза охры. Вошли в гостиную на первом этаже, и отсюда Драгана повела Бориса на второй этаж, где в угловой комнате располагался кабинет хозяйки. Достала из сейфа папку, раскрыла её и не отдала Борису, а оставила на столе. Перебирала пальцами листы, о чём-то думала. Потом устремила на Бориса свои тёмно-синие глаза, тихо и неуверенно заговорила:

— Я так думаю, Арсений Петрович заляжет надолго, на два-три месяца, как уж не однажды бывало. Я попробую ввести вас в курс наших с ним дел. Я говорю: наших, потому что у нас хотя и работала целая лаборатория, но все-то секреты он доверял только мне. Он говорил, что там, в Москве, вы нашли средство воздействия на гипоталамус, научились управлять потоком нейронов, подавлять в человеке агрессию, злобу, жадность и другие порочные страсти. В основе нашего проекта заложены те же манипуляции с электронами, но только от нас требуется нечто большее: вышибать из головы волю, превращать человека в бессловесную овечку. Ну, а если проще сказать: у вас в Москве вы знали своего учителя цветущим, здоровым, а здесь после первого же испытания нашего «Облака подавления» он стал таким, каким вы его увидели. Но учитель мне говорил: «Я скоро поправлюсь и стану прежним». Таково свойство «Облака», оно действует на время, но я боюсь, что это время протянется долго, и те ребята, которые вот уже полгода лежат в военном госпитале, они тоже не скоро оттуда выберутся.

— А почему это «Облако» розовое?

— Возникает эффект свечения. Природа его нам не вполне известна.

— Ну, так и что же? Выходит, вы решили свою задачу, вы нашли это самое «Облако». Зачем же меня сюда звали?

— От старика требовали описания открытия, технических обоснований механизма действия «пушки», выстреливающей пучок электронов, а затем, как я слышала, превращения «Облака» в тучу, то есть создания такого оружия массового поражения, которое бы не загрязняло природную среду, оставляло бы нетронутыми города, заводы. Наконец, наше оружие не отнимает жизнь у человека, а лишь на время подавляет его волю и энергию. Америка сейчас создаёт мини-атомные бомбы для точечных воздействий, но было бы лучше, если бы она, кроме этих мини-бомб, имела ещё и наше «Облачко».

Драгана замолчала и устремила свой взор на открытую дверь балкона, за которым шумел океан. Затем продолжала:

— Арсений Петрович — человек верующий, и он решил создать оружие, не отнимающее жизнь, не убивающее всё живое на земле. И Америка, прознав об этих его работах, не могла упустить шанс, чтобы не переманить учёного. Для того тут у меня на острове создана лаборатория и в неё приглашены русские биологи. Оружие наше совершенно чистое и бесшумное. На аэродром, на корабль или на город пустил невидимое облачко — и люди скукожились, точно их из-за угла пыльным мешком ударили. Мой дядя, узнав про такой проект, воскликнул: «Если таким мешочком стукнуть боевую эскадру, и в первую очередь её адмирала, так этот адмирал забудет, зачем и куда плывут его парни, а корабли точно стая испуганных окуней разбредутся по морю. Я всегда говорил, что русские ребята способны выкинуть такой номер, который не сможет понять и сотня наших умников из ЦРУ».

Вошли трое парней, которые и здесь пасли Драгану. Один направился к ней, но она махнула рукой:

— Вы свободны. И сегодня, и завтра я буду дома, — а когда парни удалились, Драгана сказала: — Это причуды дедушки. Нанял для меня охрану.

Простаков слышал, что отец Драганы — губернатор штата, и это он купил для неё остров, а вот кто её дедушка, он не знал. Видно, очень любит внучку. Борис тайком окинул Драгану взглядом и ещё подумал: «И как же не любить такую...»

Драгана листала бумаги, делала пометки в блокноте. Так они сидели час, два, а в полдень поехали в лабораторию. Здесь к ним один за другим заглянули Иван Иванович и Ной Исаакович. Потом явилась Ирина и сказала, что в столовой их ждёт обед. Драгана смерила её холодным взглядом:

— Хорошо. Мы скоро придём.

Борис заметил, что Драгана так же прохладно, с чувством глухой внутренней неприязни встречала Ивана Ивановича и врача-психолога. Наблюдательный и чуткий Простаков уже сделал вывод, что мира среди обслуживающих его людей нет и что адмирал и, особенно, хозяйка острова никого тут не любили, никого не хотели видеть, но какие-то силы и неведомые Борису обстоятельства понуждали тут всех терпеть друг друга и сохранять видимость добрых отношений. Вопросов Драгане он не задавал и лишь хотел бы поскорее понять, как эта хрупкая и с виду слабая девушка сумела тут всех подчинить своей воле.

Перед самым обедом к ним в лабораторию зашел адмирал, поцеловал в щеку племянницу, крепко сдвинул ладонь Бориса и трубно прогудел:

— Проголодался, как две тысячи чертей! Кормите же меня наконец!

Драгана поднялась и прижалась к плечу адмирала. По пути в столовую, неизвестно к кому обращаясь, говорила:

— У меня два папы: на материке папа номер один, а здесь на острове папа номер два. И неизвестно ещё, которого я больше люблю,— по-моему, вас, дядя Ян.

И, как бы оправдываясь перед кем-то, добавила:

— Женщина не может жить без любви. Ей обязательно нужно кого-то любить.

Прижималась к плечу дяди, кокетливо жаловалась:

— А меня никто не любит. Ну, дядя Ян. Полюбите хоть вы меня!

— Нет, не полюблю. Глаза у тебя цвета океана, и хромаешь ты на обе ноги. К тому ж, и возраст у тебя — за двадцать перевалил. А характер злющий,— ну, чистая баба-яга. А мы, мужики, нежных любим, и красивых.

И тронул за руку Простакова:

— Так я говорю, царь Борис? А?..

Борис покраснел и не знал, что ответить. Про себя подумал: «Это у них, американцев, манера шутить такая».

Ирина и Ганна накрывали стол.

Заканчивая обед, Драгана сказала Борису:

— Я хотела бы показать вам остров.

— Сделайте одолжение; буду вам благодарен.

На пути к автомобилю, стоявшему у подъезда, продолжала:

— И ещё у меня есть план: освободить вас из плена, где вы очутились по чьей-то злой воле.

— Белый дом, в котором меня поместили, мало похож на тюрьму.

— Ага! Вам уже там понравилось! Эти два коварных иудея знают, чем заинтересовать молодого парня. Недаром они приволокли на остров полгарема какого-то шаха. Кончится тем, что я их прогоню со своего острова.

«Коварные иудеи», точно духи, выскочили из бутылки и встали перед ними. Иван Иванович имел вид человека чем-то недовольного, и даже рассерженного, а Ной Исаакович, напротив, дружелюбно улыбался и низко кланялся Драгане. Заговорил с ней на дурном английском языке:

— Госпожа начальница Русского острова! Я правильно вас называю? Ваш папа губернатор штата, а вы здесь, на острове, тоже губернатор. А я врач и приставлен к

русскому учёному, вот к нему, вашему спутнику. Вы на это возражать не будете? У меня инструкции, и я обязан их выполнять.

— Выполняйте вы свои инструкции, но мой коллега, кажется, не нуждается в вашей опеке.

Она оглядела Простакова, улыбнулась и добавила:

— Но, может быть, я чего-нибудь не знаю?

Из-за спины врача выступил Иван Иванович:

— Мадемуазель Драгана, наш доктор хотел сказать вам комплимент, но он плохо владеет английским и потому не всегда понятно, что он говорит. Простите его, пожалуйста.

Решительно подхватил за руку своего товарища и повёл к маленькому двухэтажному домику, где они жили. А когда удалились на достаточное расстояние, Драгана сказала Борису:

— Странные субъекты! Следят за каждым вашим шагом и будто бы между собой враждуют. У меня создалось впечатление: они служат разным хозяевам и каждый стремится перетянуть вас на свою сторону. Будьте осторожны и не во всём им доверяйтесь. Я надеюсь, что дядя Ян раскроет мне их интересы, и тогда я постараюсь оградить вас от излишней опеки.

На это Простаков заметил:

— Боюсь, что они меня принимают за кого-то другого. Я ещё не сделал ничего такого, что бы представляло интерес для иностранных разведок.

Драгана не возражала Борису, и это его обидело; значит, и она не верит в серьёзность его работ, а Борис хотел бы выглядеть в её глазах значительным и интересным учёным. Не зря же американская разведка так тщательно спланировала и ловко провела операцию с его похищением.

Около машины их ожидали уже знакомые Борису три парня. Один из них подошёл к Драгане и что-то тихо проговорил. Она обрадованно закивала головой:

— Да, да, я же сказала: вы можете отдыхать,— и не только сегодня, завтра, но и целую неделю, и даже месяц. А если угодно, и совсем не являйтесь. У меня теперь есть охрана.

Она взяла за руку Бориса:

— Вот он, моя охрана. А дедушке я скажу: мне ничто тут не угрожает, у меня есть друзья, коллеги по лаборатории, и я никого не боюсь.

Все три парня слышали её слова и, как видно, не обрадовались, а наоборот: подошли к Драгане ближе и один из них сказал:

— Любезная госпожа, у нас контракт, мы получили деньги вперед, а потому не вправе выполнить ваше распоряжение. Но освободить вас от нашего присутствия на несколько дней мы можем.

— Хорошо,— согласилась Драгана.— Пусть будет так.

Пригласила Бориса в машину, и они поехали.

По дороге, вившейся по берегу океана, машина шла на небольшой скорости. Драгана сидела за рулём.

— Я люблю ездить на машине,— и только одна, или с дядей, или другим каким интересным собеседником, но непременно с интересным. Вы для меня интересный, и даже очень; во-первых, потому, что вы похожи на Есенина, а во-вторых — вы русский, только что приехали из Москвы, а я очень хочу знать, что происходит на нашей Большой славянской Родине, в России.

— Я жил на Дону, в казацкой станице Каслинской.

— Всё равно: Дон, Волга, Москва-река... Это Россия, наша Большая Родина. Мы теперь всё больше думаем о России, смотрим туда, на Москву, Ленинград, Сталинград. Нас удивляет спокойствие русских. Вас будто подменили, вы не боретесь с сатанинской

властью. У нас здесь, в насквозь прогнившей Америке, и то больше бойцовского духа. Тут молодёжь собирается в колонны, ходит по улицам, зовёт на борьбу с глобализмом. Надеюсь, вы там знаете, что это такое — глобализм? У нас есть лидер антиглобалистов — публицист Герасимов. Он американец, но русский по происхождению. Я с ним знакома, познакомлю и вас.

Потом, повернувшись к Борису, неожиданно сказала:

— Зовите меня Даной. Меня так зовёт дедушка, родители и оба дяди. Да, оба, потому что есть у меня ещё и дядя Савва. Он живёт в Белграде, и я скоро к нему поеду. Так тот ещё и назовёт иногда нежно и ласково: Дануш. Вам я также позволяю называть меня, как вам захочется. Ну, так вот: есть ещё и дядя Савва. Я к нему езжу часто. У меня в Белграде много знакомых, и я участвую в политической жизни. Хочу посетить в тюрьме нашего бывшего президента Милошевича. Это будет трудно, но за деньги всё можно. И я бы хотела поехать в Белград вместе с вами. И в Москву, и в Ленинград, и в Сталинград.

— Меня не пустят с острова. Я пленник.

— Пустят,— пообещала Дана.— И ещё как пустят. Я вот за них возьмусь, за этих вездесущих иудеев, Ивана Ивановича и врача Ноя. Я им покажу, какой вы пленник. Мне только нужно хорошенько узнать, что они за птицы, чьи интересы представляют. Повезу вас к отцу, и мы всё выясним.

Машина свернула в сторону от океана и скоро выкатилась на вершину холма. С него были видны другие холмы и даже гряда невысоких гор, которые, впрочем, тянулись всего лишь на два- три километра, снова сходили на нет и превращались в поляны, на которых то тут, то там белели маленькие красивые домики.

— Тут живут рыбаки,— поясняла Драгана,— а их жёны и дети обслуживают нашу лабораторию. Всего населения на острове двадцать тысяч человек. Приезжают люди с материка; я их не принимаю на постоянное жительство, но они, всё-таки, как-то проникают.

Вышли из машины. Драгана продолжала:

— Пойдёмте на тот холм, я покажу вам места, где будут жить биологи.

По дороге развивала планы:

— Я хочу расширять лабораторию, превратить её в большой научный центр. Дедушка даёт деньги, но говорит: «Не разводите там всяких мелких тварей, от которых идут болезни. Просит построить для него виллу в самом красивом месте острова. А вот и холм, где будет городок учёных.

Они взошли на вершину и обратили взоры к океану:

— Я хочу поселить здесь сотрудников лаборатории с их семьями. Пусть тут будет много людей,— может быть, не одна тысяча. И все славяне. Позовём сюда педагогов, врачей — и тоже славян. И обучение тут будет в основном домашним. Сейчас в Америке обучение на дому становится массовым. И это хорошо. Дети не должны целыми днями общаться друг с другом,— даже если они одной национальности. Мы будем учить и воспитывать в домашних условиях в кругу людей взрослых, любимых, интересных. А теперь скажите: вы мне поможете отобрать в России три-четыре сотни молодых и талантливых биологов и позвать их на остров?

Простаков пожал плечами:

— Найти-то и отобрать можно, да вот талантливых?..

— Талантливых! Непременно таких, из которых бы выросли павловы, сеченовы, мечниковы. Ну, если не сможете, так я возьму с собой полсотню ребят из нашей лаборатории, поеду с ними в Россию и пусть каждый из них отберёт пять-шесть самых способных и трудолюбивых ребят. Сотню биологов я найду в Белграде. Вот здесь, на склонах холма...— она обвела рукой зелёные поляны,— мы построим красивые дома, нарежем участки и рассадим финиковые, ореховые, цитрусовые сады, бамбуковые роши. А вон там...

Она повернулась в сторону от океана:

— Разведём леса красного дерева, наладим производство мебели. Наш остров ни от кого не должен зависеть. Мы будем сами себя кормить и возить на материк фрукты и овощи. Мы создадим тут замкнутую чисто славянскую цивилизацию. И никакое чужеродное бесовское искусство мы сюда не пустим. А как это сделать — решит физическая лаборатория, которая будет одной из крупнейших в мире. Мне вчера позвонил отец: к нему прибыл из России необычайно талантливый физик Неустроев. Он в Москве тоже работал в лаборатории Арсения Петровича, но я его не видела. А вы не знаете Павла Неустроева?

— Я слышал о нём, но он при мне уже работал где-то в секретном центре.

— Он тоже молодой, но женат и уже имеет четырёх детей. Арсений Петрович говорил, что он, как и вы, хорош собой и очень талантлив. И, слава Богу, что он женат и мне не придётся выбирать из вас двоих кого-нибудь одного.

Она звонко рассмеялась, схватила Бориса за рукав куртки и прижалась к нему щекой. А он подумал: «И я бы не хотел... делить с кем-нибудь это сокровище». И Борис склонился над Даной, погладил её по нежным шелковистым волосам.

Они сели в машину и поехали дальше по-над берегом океана.

В машине она продолжала развивать свои мечтания:

— Предлагаю вам дружбу, а друзья должны доверять друг другу. У меня, знаете ли, есть одна непобедимая слабость: я болтлива и частенько выбалтываю то, о чём бы следовало молчать. Но вас я полюбила. Да, да — я готова любить каждого, кто похож на вашего замечательного поэта. Поэтов на земле много, но настоящих — наперечёт: Овидий, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов и — Есенин. Потому что он — гений. А если гений, то и поэт, а все остальные, если нет в них гениальности, просто умеют рифмовать. А рифмовать умеют все, почти все. Я тоже умею писать складно. И одно стихотворение положила на музыку. Получился романс. Я вам его проиграю. И даже спою... если будет настроение. А теперь мы поедем вон на тот высокий холм, с которого в хороший бинокль виден почти весь остров. Там я приказала построить дом для Павла Неустроева.

И когда им открылось небольшое строение с башней посередине, Драгана сказала:

— Я хочу открыть вам тайну, которую не хотела доверять никому. Её знают только Арсений Петрович и Неустроев, а теперь вот будете знать и вы.

Тут она сбавила скорость и ехала совсем тихо. И продолжала открывать свою тайну:

— Арсений Петрович мне рассказал о сокровенных планах Павла Неустроева. Он надеется на сотрудничество с вами, а потому всё, что я вам расскажу, всё равно будет известно и вам. Ещё будучи студентом, Неустроев где-то прочитал высказывание философа Канта о том, что есть две вещи, недоступные нам: небо над головой и нравственный закон внутри нас. А молодой физик, размышляя над этим, пришёл и к своему выводу: законы нашего поведения не только неизвестны, но они никогда и не будут до конца познаны человеком. Он вездесущ. Всемогущ. И Он же и невидим, неслышим и никогда не будет до конца познан. Ну, а если это так, то от человека можно ожидать всего: и того, что по достижении им неограниченных технических возможностей он может применить их для самоуничтожения, а заодно с собой увести в небытие и всё живое на планете Земля. И молодой физик возгорелся мечтой возвести Башню жизни, то есть такое сооружение, которое будет охранять не только человека, но и всё живое на земле; нечто вроде Космического стража. И вот мы уже подъезжаем к этому сооружению.

Она остановила автомобиль в двухстах метрах от строящегося дома. И молодые учёные с трепетным волнением смотрели на башню, которую строители уже одевали разноцветным стеклом. Борис не представлял, какие технические принципы будут заложены в Башню жизни, он пока не верил в неё и воспринимал её как продукт дерзкой мечты, залетевшей в голову молодого физика, но то, что для её осуществления Неустроев

ещё там, в Москве, задумал привлечь Простакова,— этот выбор льстил самолюбию учёного. И уже садясь в автомобиль, Борис не то в шутку, не то всерьёз говорил:

— Мечта физика хотя и выглядит фантастической, но это до тех пор, как пока она не начнёт обрастать конкретными догадками. Я верю в торжество науки,— и в то, что ей, в конце концов, подвластны самые смелые мечтания.

И он даже высказал свои первые догадки:

— Импульс управления разумом человека у нас, можно сказать, уже в кармане, а если физики и механики придумают способ доставлять этот импульс куда следует, вот вам и начало претворения мечты в практическое дело.

А после минутной паузы добавил:

— Недавно у нас испытывали новую ракету: её запустили с подводной лодки в Баренцовом море, а она поразила цель на Камчатке. Могут же такое? А?..

Они взглянули друг на друга, и в глазах молодых людей уже светилась нешуточная надежда.

Проехали лодочную стоянку. И пристань. Тут рыбаки развешивали на кольях сети и, увидев хозяйку острова, поднимали руки, что-то кричали. Драгана тоже махала им рукой и продолжала развивать свои мысли:

— Арсений Петрович тоже гений. Я это поняла ещё там, в Москве. И когда вернулась в Штаты и отец купил мне остров, а дед предложил деньги на создание лаборатории, написала письмо в Москву и пригласила Арсения Петровича. Он тут же и прилетел.

Драгана посмотрела на Бориса. Минуты две ехали молча. Но потом она вновь заговорила:

— Это вас пришлось вылавливать крючьями, точно сома, и тащить сюда насильно, а наш с вами учитель умный, он приехал добровольно. И всё было бы хорошо, он даже хотел тут жениться,— жена-то у него умерла давно,— но случилась эта авария. «Облако» вырвалось из рук и шарахнуло по всем сотрудникам. Я в это время была на материке, Бог меня уберёт. Теперь вот я вам всё должна рассказать. Сегодня-то уж будем отдыхать, а завтра с утра начнём разбирать бумаги.

— Я уж кое-что посмотрел, вспомнил наши искания там, в Москве. И скажу вам откровенно: я опасюсь продолжать наш прежний проект. «Облако подавления» может попасть в чужие руки.

Драгана посмотрела на него серьёзно и сказала:

— Ну, а это вот для меня большая новость. Такое настроение — плохой помощник в работе. От него надо избавляться. Если можно, расскажите подробно: что вас смущает?

И Простаков отвечал:

— «Облако» Арсения Петровича — оружие массового поражения, и хотя оно не лишает человека жизни, но подавляет его энергию, ввергает в состояние болезни, а этого я для людей не желаю. Одно дело поражать волю врага, но ведь «Облако» действует и на всех других людей. Сегодня оно в наших руках, а завтра им завладел враг и применил против наших соотечественников.

— Вы всё это говорите серьёзно?

— Вполне серьёзно.

— А как же ваши учёные работали над атомным оружием? Как ваш Королёв изобретал ракеты?..

— Тогда бы и я изобретал. Тогда у нас был Сталин, была система власти, охранявшая секреты. Сейчас такой власти нет. Что бы я ни изобрёл, всё попадёт в руки врагов моего народа. А я не хочу рыть могилу для наших с вами родных славян.

— Ну, ладно. Мы подъезжаем к Белому дому. Мы сейчас расстанемся, я буду думать над всем, что вы сказали. До свидания.

Простилась сухо и не провожала взглядом вышедшего из машины Бориса, не помахала ему ручкой, как она обычно делала.

Драгана ничего не сказала на предложение встретившей её служанки поужинать или выпить чаю, а прошла к себе в спальню на втором этаже, переделалась в халат и вышла на балкон, где в летнее время у неё стояла кровать и она спала на открытом воздухе. В этих южных широтах, где находился остров, климат был мягкий и тепло держалось с ранней весны и до глубокой осени. Девушка, занимавшаяся с детства гимнастикой, игравшая в волейбол и теннис, любила природу и перед тем, как заснуть, смотрела на звёзды, провожала взглядом плывущие куда-то облака, слушала несмолкаемый в любую погоду шум моря. И только с наступлением холодов приказывала заносить постель в комнату, но и в такое время дверь на балкон оставалась открытой и рокот волн прибрежных был её привычной колыбельной песней; океан продолжал рассказывать ей нескончаемые сказки о своей загадочной и никому не понятной жизни.

Как и все девушки, особенно уже в возрасте, Драгана любила предаваться мечтаньям, порой очень смелым и самым неожиданным. С появлением на острове русского учёного она после каждой встречи находила в нём всё больше привлекательности и тех самых качеств, из которых складывался образ человека, достойного её любви. Как-то так вышло, но она до сих пор ещё не встретила своего идеала. И вдруг он появился, да ещё необыкновенно талантливый. Но вот он распахнул перед ней душу, и она поняла: нет, и его не полюбит, и не полюбит по той причине, что он вдруг, в одну минуту, предстал перед ней как человек рядовой, ординарный, и никакой не гений, каким обрисовал его Арсений Петрович. Он, конечно же, ничего не знает, ничего не может, и её надежды на его одарённость и какую-то сверхталантливость рухнули в одну минуту, а с ними исчез и тот романтический ореол, которым она мысленно окружала своего избранника. Он рядовой, такой же как все, а рядового она полюбить не может, — не может уважать его, восхищаться им. В какие-то там нравственные мотивы она не верила. Учёные всех стран ищут оружие, способное уничтожить как можно больше людей и как можно скорее. А если не иметь такого оружия — значит, иди в рабство, заранее сдавайся в плен врагу, которому ты не нужен и который, скорее всего, тебя уничтожит.

Интересно устроена природа человека, особенно женщины, и уж совершенно особенно — девушки. Всего лишь полчаса назад её душа, открытая всем ветрам океана, ликовала, она была счастлива, полна неизъяснимой сладкой надежды; сидела за рулём автомобиля, но ей чудилось, что она парит в небесах и над головой у неё плывут куда-то розовые облака. Душа пела, смеялась и готова была обнять весь мир, но тут вдруг её гость из России, источник её нового крылатого настроения, объект закипавшей в её сердце любви, вдруг сказал две-три фразы, и все оборвалось, всё упало куда-то, и мир потускнел и стал обыкновенным, и сидевший рядом пассажир, собеседник уж не манил её взора, и даже голос его показался мрачным и бесцветным. Надежда, подобно чайке, взмахнула крылом и растворилась в рокоте волн. К ней вернулось недавнее состояние, когда ни впереди, ни сзади не было ничего такого, что бы могло воспламенить её любовь.

Надежду нелегко обрести, но ещё труднее её терять.

Драгана, жившая в неге и роскоши, имевшая к своим услугам всё возможное и невозможное, любимица отца — губернатора штата, и деда, знаменитого в Америке богача, приятеля последних трёх-четырёх президентов, юная славянка, поражавшая всех своей белокурой, синеглазой красотой, баловень природы и судьбы, в эту минуту вдруг оказалось, что и она подвержена всем чувствам обыкновенного человека, и про неё можно сказать словами известного фильма: «Богатые тоже плачут».

Она долго не могла заснуть. И вот что странно: вечно дышащий океан, шумящий и гремящий своим исполинским существом, обыкновенно завораживал её слух, заглушал все мысли и даже тревоги, теперь он словно бы примолк; Драгана не слышала его, не ощущала валившего с его стороны влажного солоноватого воздуха; она ворочалась с боку на бок и от досады, от какого-то неистребимого нетерпения не могла заснуть. Однако всё проходит. К рассвету приутихли и тревоги сердца. Девушка забылась.

Борис же, войдя в дом и направившись к себе в спальню, услышал за спиной шаги. Обернулся: за ним идёт Ной. Сказал:

— Вы ко мне?

— Да, я иду тоже на второй этаж, мне надо с вами говорить.

Простаков пожал плечами: его всё время удивляла бесцеремонность врача, и он пытался умирить его рвение, но тот был непоколебим. Ной выполнял инструкции и ни на шаг от них не отступал.

Балкон был открыт, и океан, точно живое существо, встретил Бориса весёлым шумом катящихся волн и криком каких-то больших, серых и неизвестных Простакову птиц. Они словно встревожились появлению в спальне человека и со свистом гигантских летучих мышей носились вблизи балкона.

Борис сел в углу дивана, облокотился локтем на валик.

— Ну-с, господин доктор, я вас слушаю.

Это было невежливо, но Простаков с первой же встречи с доктором решил с ним не церемониться. Ной же словно бы и не слышал его раздражительного тона, сел за круглый стол, устремил на пациента взгляд своих выпуклых коричневых глаз и начал свой решительный и, как он думал, принципиальный разговор:

— Я имел случай вам уже сказать: у вас есть работа, за которую вас кормят и платят деньги, у меня тоже есть работа.

— Денег я ещё не получал.

— Да, не получали, но получите. И это будут хорошие деньги. О-о-о!.. Такие хорошие, что я бы мог сказать: мне бы ваши заботы. Я за свою работу никогда не получал хороших денег, а вы будете получать. Ну, ладно. Сейчас дело не в этом. Вы приехали в свой Белый дом, — президент Америки тоже живёт в Белом доме, — вы в него приехали, и я уже увидел, что на лице вашем написано что-то не так. Да, я психолог, и если с моим пациентом что-то не так, я уже должен это видеть. Иначе какой же я доктор?.. Гиппократ был первый в мире врач, и он оставил нам завет: если после вашего разговора с больным ему не стало лучше, вы уже никакой не доктор. Ну, может быть, он и не совсем так говорил, но что-то подобное он сказал. Я это слушал на лекции в институте. Лекцию я не запомнил, а эти слова у меня остались. Так вот и я должен сказать вам слова, от которых душа ваша станет на место. Вы не слушайте, что говорит вам эта красивая девица, дочь губернатора и хозяйка острова, а ещё у неё есть дед, который имеет сто мешков денег и который где-то сказал: «Моя любимая внучка будет наследовать мои миллиарды». И приставил к ней этих парней, которые её охраняют. Вон... смотрите в окно: это её вертолёт, хозяйки острова. И если он уже тарыхтит, значит завтра она полетит на материк. Если кто-то её огорчит или в голову вспрыгнет плохое настроение, она летит к отцу и там идёт в дискотеку. Если она уже идёт в дискотеку, так её охраняют не три парня, а целый взвод таких богатырей. Да, у нас иначе нельзя. В России можно, там люди смиренные, как овцы, а у нас молодёжь, как порох, как у вас чечены; чуть что — и в ход пошли ножи, пистолеты. У меня тоже есть внучка, и она ходит на дискотеку. Я всегда дрожу, когда она идёт на свои танцы.

— Но вы что-то хотели мне сказать? — прервал поток его красноречия Борис.

— А я вам разве не говорю? Если хозяйка острова полетела к отцу — об этом вам знать не надо? Э, нет, ещё как надо! И скоро вы в этом убедитесь. И будете говорить спасибо за то, что я вам это говорю. Да, да. Вы потом узнаете. Ну, а если говорить о самом важном, — пожалуйста. И вы потом скажите спасибо. Не слушайте вы эту капризную девицу. Она сербка и помешалась на своих братьях из бывшей Югославии. По глупости кому-то сказала: «Я буду мстить за своих братьев, сербов. Каждому, кто бросал туда бомбы, отомщу». А теперь вы мне скажите: она должна была это говорить?.. Нет, не должна, но она сказала. А журналисты услышали и на выборах в губернаторы чуть было не завалили её отца. Дедушка пустил в ход большие деньги, и его сын, он же отец этой

бешеной девицы, победил. У нас так: если есть деньги, то есть всё: и власть — тоже. Наши ребята и у вас наладили такую малину, и скоро никакого другого хода во всех странах, — и в Африке тоже, — у людей не будет. А ход этот один: если есть деньги — живи, а если нет — помирай. И пусть умирают больше. Земля не может держать много людей, как, например, китайцев. Умные люди, увидев такую кучу, испугались: вдруг как и русских станет так же много, как и китайцев. А там ещё индусы — их тоже миллиард. Слышите: миллиард! Ну, хорошо, если долларов миллиард, а если людей? Там миллиард, там, и там. А?.. Куда бежать от них? Они же разорвут на части, и съедят, да так, что и косточек не оставят. Английская премьерша, она же баронесса Тэтчер, испугалась и сказала: русских оставить пятнадцать миллионов, остальных извести. Под корень, что сейчас и делают умные ребята из Кремля. Они там все ивановы, но они наши и знают, что надо делать. Баронесса Тэтчер может не беспокоиться; эти ивановы, как немцы во время войны, выкашивают по миллиону русских в год. А?.. Как вам это нравится? Никто не стреляет, и не кидают бомбы, как это делают глупые американцы, а десять миллионов за годы реформ как корова языком слизнула. Вот вам ивановы! Никто не скажет, что это Коган или Циперович. Это Иванов! Он и министр обороны, и министр иностранных дел... И другие министры. Вот только Греф не успел залезть в чужую шкуру, и Чубайс тоже, и Гайдар... Ну, так на них и валятся все шишки. А если Иванов, так он уже может спать спокойно. Что бы ни натворил, а всё равно — Иванов...

Ной Исаакович в эти минуты походил на лесную птицу глухаря; закрыл глаза и токует. И не чувствует опасности, он, видимо, забыл, что перед ним русский человек, и — токует, токует... Простаков слушает молча, но душа его полнится гневом; он держит руку в кармане и как бы сжимает там пистолет. И выстрел прогремит, но нескоро. Пистолета пока нет, но есть в душе гнев, и подступает к сердцу обида за безвременную гибель тех десяти миллионов русских, что извели за годы реформ демократы, и за сотню миллионов неродившихся. За стон и слёзы родимой русской земли. И думает он в эту минуту: напрасно он сказал Драгане, что не будет работать над «Облаком». Будет он работать! Да ещё как работать!.. Пусть скорее возвращается она с материка. И он ей скажет. Он скажет!..

Борис оживился; он сейчас понял, что длинные монологи Ноя о сущем всего на свете — уж не такая-то и пустая говорильня. За характерным для евреев многословием кроются сокровенные мечты этого племени о мировом господстве, об устройстве жизни по их образцу, о желаемом для них отношении всего человечества к ним, евреям. Простакову явилась мысль о неслучайности и стиля выражения мысли для всех евреев. Недаром же говорят, что стиль — это человек. Русский говорит просто, кратко, и за его словами густо рассыпаны мысли. «Пуля — дура, штык — молодец!» — говаривал Суворов, великий полководец и истинно русский человек. И для солдата, слушавшего его, открывалась целая наука боевых действий, наука побеждать. Еврей ничего подобного тебе не скажет. У него замысел разговора глубоко спрятан, он развёртывает его не сразу, подходит издали, напускает всякого тумана, а уж затем начинает показывать свой гешефт. И потому его речь кажется вам неясной и невразумительной, и вам даже чудится, что он плохо знает русский язык, он малограмотен, — не торопитесь делать свои выводы. Наберитесь терпения и внимательно слушайте собеседника, как вот сейчас начинает слушать его Борис Простаков. У еврея тоже есть своя пуля, но вот покажет он её вам не сразу.

Ной говорит:

— Вы человек молодой и забрали себе в голову много ума. Ум-то есть, но только он у вас особый: что-нибудь там придумать, изобрести, как делал ваш Ломоносов или Попов, Ползунов, Королёв. У вас тоже есть ум, но вот как им распорядиться, куда его направить — такие уже вещи знаем только мы, евреи. Я вижу: вы порядочный человек и если я вам скажу большую тайну, то вы не выдадите старого еврея и не станете говорить, если вас об этом спросят. Дайте мне обещание у иконы вашего Бога, и тогда я вам скажу.

Ной показал на иконку Иисуса Христа, висевшую над кроватью Бориса. Икона висела на ярко-красном ковре, и сама была того же цвета,— Борис её не сразу разглядел. Он подошёл к ней, перекрестился и, как принято, у верующих русских людей, поцеловал. Повернулся к Ною и сказал:

— Я бы вам пообещал, но меня могут подвергнуть испытанию, как это сделали с моим учителем, то есть допросить у детектора лжи, и тогда...

— Да-а, вам так сказали?.. Не надо верить человеку, который говорит неправду. Никакого детектора к вашему учителю не приставляли. Он сам себе приставил детектор; у него из рук вырвалось его «Розовое облако» и поразило всех сотрудников лаборатории. Их лечат в военном госпитале и скоро поставят на ноги. Там же в госпитале находится сейчас и Арсений Петрович. У него дела похуже — это потому, что он старый, а старых людей «Розовое облачко» ранит больше.

— Ной Исаакович! Но скажите мне, пожалуйста: если Арсений Петрович сделал такое «Облачко», зачем тогда я вам понадобился?

Простаков впервые назвал доктора по имени-отчеству, и в его голосе, в словах слышались сердечность и доверие. Доктора обрадовал вопрос Простакова, и особенно тон, прозвучавший в голосе. Он стал рассказывать:

— «Облако» есть,— да, оно есть — и это очень хорошо. Тут я снова должен говорить вам великую тайну, уже такую тайну, что если узнают, что я вам её сказал, то не будет и моей головы, и головы моих детей, и только моей супруге Доре не будет страшно. Она умерла в прошлом году, и ей уже нечего бояться, но всем остальным... О-о-о! Лучше бы ничего вам не говорить, но я, все-таки, скажу: «Розовое облако» есть, но никто не знает, как его доставить туда, куда надо. Нет такого прибора, «пушчонки», как говорит Арсений Петрович. Чтобы её сделать, нужны знания не только физики, химии, но и чистой математики. Такие знания есть у вас, он это сказал, и нас за вами послали. А детектора никакого нет, и вы его не бойтесь. Я им сказал: если будем пугать молодого русского, он не сможет делать расчёты и вы получите не прибор, а большую фигу. Большую и грязную, как и бывает после всякой глупости. И ещё сказал: он должен жить, как Бог, и тогда вы получите всё. Я знаю русских, я родился в России, женился в России, учился в России — я знаю характер русских. И вот вы здесь, и вы живёте, как Бог. У вас даже есть гарем, как у турецкого паши. Мне бы ваши заботы!..

Ной замолчал и с минуту загадочно смотрел на Бориса, а потом, спохватившись, продолжал:

— Да, да — «Розовое облако»!.. Оно есть, но пока маленькое и способно поразить дом и всех, кто в нём живёт, штаб полка, дивизии и даже Пентагон или Генеральный штаб российской армии. Но этого мало. Хорошего всегда мало. И денег много не бывает. К сожалению, так. Не бывает. Вот у меня и совсем денег нет. У Ивана Ивановича они есть, и у дедушки Драганы есть, и у самой Драганы есть — ведь у неё на острове двенадцать первоклассных отелей, и у адмирала есть, но у него немного, потому что много ему отец не даёт, говорит: учись сам делать деньги. Человек, не умеющий делать деньги,— не человек, а мусор, бомж. А если это женщина, то — халда и неумеха. У нас в местечке Серобаба под Гомелем, где я родился, таких евреев, кто не умел делать деньги, называли чукеркой. Что это значит, чукерка, я до сих пор не знаю, но чукерка — и в этом слове всё. Ты не человек и незачем тебе жить. А-а?.. Но о чём же я говорил? Ах, да — «Облако». Это проклятое и ужасное «Розовое облако», которое если прилетит, то лучше не надо. Оно лизнет какую-то там часть мозга — и ты уже не человек, а баран, овца, бессловесный телёнок. Ты будешь ходить, но плохо, как малое дитя, ты будешь мычать, блеять... Вот такое «Облако» изобрёл Арсений Петрович. Не знаю, но, по-моему, лучше бы он его не изобретал и припрятал для других времён, когда надо будет пустить это «Облако» в форточку соседа по даче, который чем-нибудь тебе досадил. Ну, ладно — «Облако» изобрели, и там, в Белом Доме или Пентагоне, ребята сказали, что это хорошо, но этого мало. «Облако» должно быть такое, чтоб накрыть целую страну,— ну, не такую большую,

как Россия, Австралия, а поменьше — к примеру Японию или Корею, а то и Египет, Иран, Ирак, Сирию. Они враги Америки и Израиля. Их надо накрыть, и пусть они ведут себя так, как будто они уже не люди. И когда эти шустрые ребята в погонах сказали Арсению Петровичу, он им ответил: «Нет, такого сделать не могу. Такое сделать может мой ученик Борис Простаков». И тогда мы приехали в станицу Каслинскую, а там нам сказали: «Простаков удит рыбу. Он у нас большой любитель рыбалки». И показали место, где вы сидите. Не знаю, клевала у вас рыба или нет, но рыбак на нашу наживку клюнул, и вот вы здесь, в таком уже райском месте на острове, который тут почему-то назвали Русским. Могли бы назвать еврейским, но назвали Русским. Тоже хорошо, потому что я родился в России и тоже немного русский.

Борис перебил Ноя:

— Но вот вы сказали, лучше бы это «Облако» не изобретать. Мне тоже всё чаще приходит мысль: лучше бы это «Облако» не изобретать.

— Э, нет! Этого ни мне, ни вам никто не позволит. Если уж «Облако» размером маловато, его надо увеличить. У нас, евреев, два принципа жизни: мы дадим вам кредит, а вы нам процент. И второй принцип: нам всегда мало и нам всегда плохо. Вам в голову забежала плохая мысль. Если она у вас будет сидеть, ребята из Пентагона сильно обозлятся. Мне перестанут давать деньги, а вас начнут таскать по Америке и вышибать из головы дурную мысль. Вам сейчас понравились адмирал Ян и Драгана, но стоит вам сказать, что не хотите делать «Облако», и тогда вы увидите, что это за люди папаша Ян и красотка Драгана. Открою вам ещё один секрет: «Большое облако» очень нужно отцу Драганы, губернатору штата. Через год он будет выставлять свою кандидатуру на выборах в президенты. И тогда «Большое облако» будет для него самый большой козырь. Он махнёт им перед избирателем и получит все голоса. Американский оболтус бежит за тем, кто имеет, чем махнуть перед глазами. У нас в России много оболтусов, но в Америке их больше. Да, да — больше. В Америке все оболтусы, и даже президент у них тоже оболтус. Ваше «Облако» может сделать президента.

— А что, если это «Облако» упадёт на город, где живут ваши сыновья и внуки?.. Что вы тогда мне скажете?

Ной задумался, но, впрочем, ненадолго. Откинулся на спинку стула, сказал:

— А разве будет лучше, если на этот город они сбросят водородную бомбу?.. Я знаю: вы думаете о России; русские все думают о России. Я живу в Америке, а думаю о том, в какой бы стране мне подсмотреть надёжный банк и заложить в него немного денег, что недавно мне дал Иван Иванович. А кстати: вам скоро дадут деньги и вы не держите их в кармане. И не надо держать деньги в американских банках. Вы спросите: почему? Я вам отвечу. Если уж я вам поверил и рассказал два-три секрета, то ещё скажу и об этом. Америка валится в колодезь,— ну, как вы со своей Россией повалились в девяносто первом. Пришёл Ельцин — и вы повалились. В Америку никто не пришёл, и никто не знает, что тут происходит, но еврей своим длинным носом учуял: да, происходит. И это говорю тебе я, который и сам еврей. Сейчас в Америку не надо ехать, и не надо класть деньги в её банки. Они шатаются, и скоро парни из газет и телевидения,— а там, как и у вас в России, тоже наши парни,— так они на весь мир закричат: доллар обвалился! Он и раньше не был никаким долларом, а просто фантиком из-под конфет, а теперь и совсем обмяк и за него уже ничего не дают. И даже у вас в России, где живут одни дураки и ещё вчера за пачку фантиков можно было купить Эрмитаж или дворец Меншикова, теперь и у вас ничего не купишь. За него вам даже не дадут протухший гамбургер. Да, так будет, а почему это так будет, я знаю, но вы у меня не спрашивайте, я ничего не скажу. Ну, так вот: вы получите деньги и назовёте страну, и даже банк, где их надо положить.

— Но я пленный, я узник вот этого Белого дома,— как же я попаду в другую страну и положу там деньги?

— Теперь не надо попадать в страну, а можно сделать там вклад. Вы получите деньги, и я вам всё скажу. На ваше имя уже поступила куча долларов, но они лежат в

кармане Ивана Ивановича. Когда приходят деньги на моё имя, они тоже долго лежат в его кармане. Евреи любят держать деньги в своём кармане, даже и тогда, когда эти деньги им не принадлежат, даже и тогда, когда держать в кармане чужие деньги опасно,— они всё равно держат. Такова наша природа. И даже я её не очень хорошо понимаю, но она такова. Мы, евреи, видим друг друга насквозь, но Иван Иванович хотя и еврей, но он Иван Иванович. Он как густой туман — непроницаем. Его я не вижу. И не вижу людей, которым мы с вами служим. Их много, и они между собой чего-то делят. У нас так: если что-то нам привалило, мы делим. Не всегда понимаем, как надо делить, но знаем: делить надо. Хотелось бы, конечно, знать, кто там заваривает для нас кашу,— мы же, как дети: всё хотим знать, но... это наше любопытство не всем надо. Мы иногда слышим, кое-что понимаем, но — лишь кое-что. Слышать можно, но видеть нельзя. И когда однажды вас или меня, как котёнка, схватят за шкурку и тряхнут как следует, тогда... Но нет, мы и тогда ничего не увидим. В Америке всё перемешалось: кто под кого копает яму и кто кого трясёт за шкурку — ничего не видно. Только слышно, как трещат кости и лопаются по швам ваша шкура. Ты слышишь, но не видишь. Я был в Америке тридцать лет назад, тогда было иначе, сейчас так. Такова тут жизнь. И если бы не деньги, которые тут можно зачерпнуть, я бы сюда не приехал. Скоро в России мы тоже наладим такую жизнь. Там есть Ходорковский, Жириновский, Хакамада, Гайдар — они знают, как и что надо налаживать. Правда, они скоро покинут Россию, уедут туда, где у них лежат деньги, но на их место придут другие. Их лица будут похожи на ваше лицо, и фамилии будут русские,— почти каждый Иван Иванович, но Гайдар-то ведь тоже родственник уральского сказочника Бажова. Вы человек смыслённый, и скоро многое вам откроется. Только не надо так, как вы думаете сейчас: я дам Америке оружие и этим оружием она завоюет Россию. На это я вам скажу: если уж дойдёт до того, что надо и на Россию, как на Ирак, бросать бомбы, так уж лучше пусть они кинут на Москву ваше «Облачко», чем атомную или водородную дуру. После «Облака» человек хотя и очумеет, но только на время; он затем поправится, а после бомбы... Ой-ой, не надо об этом и думать. В Петербурге живёт мой средний сын, а у него растут три моих внука. Не надо бросать на них водородные бомбы. Скорее вы изобретайте своё «Облако», и тогда я буду спокоен. Скорее, скорее.

Ной поднялся и в радостном возбуждении потёр руки. Он был уверен, что блестяще провёл с пациентом свой психологический сеанс. И стал прощаться.

— Сегодня вы отдыхайте, а завтра мы продолжим наш разговор.

— Не надо продолжать наш разговор. Вы меня убедили, и я буду искать «Большое облако». Так и скажите своему начальству: русский учёный будет работать, хотя я и не уверен, что мне удастся найти «Облако» больших размеров. Ну, ладно: я буду работать. Так что до свидания, до новой встречи.

Довольные друг другом, они расстались.

Над островом сгустились сумерки, и Борис лег в кровать. Он подвинул к себе стул с бумагами Арсения Петровича, но читать их не хотелось, в мозгу рекламной плывущей строкой летели слова доктора-психолога. Борис уверил его обещанием приступить к работе, но сделал он это для того, чтобы доктор успокоился и ничего не докладывал начальству. Доктора Борис успокоил, а вот Драгана его тревожила. Она, конечно же, расскажет отцу об их разговоре. И что же тогда следует ждать от губернатора? Об этом теперь думал Простаков. Впрочем, большой тревоги в его сердце не было. Если губернатору уж так нужно «Большое облако», он поступит так же, как и поступил доктор Ной: будет уговаривать, увещевать, и если Борис станет упираться, тогда губернатор примет другие меры. И уж, конечно, он не приставит к русскому учёному детектор лжи, после которого надолго и, может быть, навсегда ломается психический строй человека. До этого не допустит и Борис; как только ему будет угрожать детектор, он пообещает засесть за работу, а уж потом придумает, как ему поступать дальше. Он будет советоваться с

Арсением Петровичем, а может быть, и с адмиралом, к которому проникся большим доверием.

На том Борис и успокоился. И подвинул ближе стул с бумагами Арсения Петровича.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В плотно упакованной папке лежали две стопки бумаг; первая стопка толстая и тяжёлая, как кирпич. Большими и неровными буквами — заглавия: «Заметки к “Облаку”». И вторая потоньше: «Мои сомнения и предчувствия».

Хотел было углубиться в чтение второй части — личной, духовной, но интерес к научной оказался сильнее, и Борис начал с неё. Арсений Петрович беглым, но ещё молодым и красивым почерком писал:

«Любопытный разговор произошёл у меня с генералом-негром. Он привёз нам для лечения большую партию сильно истощённых, нервных парней в форме пехотинцев. Сказал мне:

— Хотел бы знать, профессор: когда вы закончите собирать свою волшебную пушчонку? Говорят, она заменит все атомные и водородные бомбы, которые и у нас, и в России, хранятся глубоко под землёй. Так ли она сильна, эта ваша детка?

Я смотрел в его широко открытые глаза и думал: «Что за птица, этот чернокожий генерал, и откуда он знает про наши работы? А если знает он, то завтра могут раструбить обо всём газеты. И что мы тогда будем делать?»

Сказал ему так:

— Никакого нового оружия мы не открыли, и, к сожалению, атомную бомбу наша “пушчонка” не заменит. Вам известно, что такое рентгеновские лучи?

— Да, конечно. Если врачам нужно осмотреть мои кишки, они меня просветят.

— Верно: просветят. Просветят весь организм. Но если вам нужно остановить развитие опухоли — есть другие лучи, тоже невидимые: лучи радия. Это, я надеюсь, вам тоже понятно?

— Профессор! — развёл руками генерал. — Я хотя и далек от науки, — пожалуй дальше, чем от луны, — но эти славные лучики: рентген и радий — я про них слышал.

— А теперь будет ещё и наш лучик. Будет, если мы его поймаем. Он затерялся в сонме других излучений, и его надо ещё изловить. Так вот: если мы его поймаем, то направим в ту область головы, где живёт у нас центральная нервная система. И лучик приведёт в порядок нашу головку. Если вы плохо спали, вы будете спать хорошо и крепко, если вы часто раздражаетесь и по пустякам заводите ссоры с товарищами или семейными, вы будете спокойны, слабому поможете, бедному дадите деньги. А всех добрых людей на свете вы будете уважать: и чёрных, и белых, и жёлтых, а родных и близких любить. Вот такие успокоительные лучики для человечества готовит наша лаборатория.

— Профессор! — вдруг вскричал медведеподобный негр и так хватил меня ладонью по плечу, что оно у меня и до сих пор болит. — Профессор!.. Так это же и есть оружие массового поражения — самое грозное и могучее, какое только было на свете! Оно посильнее будет той дуры, которую наши парни сбросили на Хиросиму. Зачем крушить города и убивать людей, когда их можно превратить в ягнят. Пусть они живут, жуют и блеют, как овцы. Так вам же, профессор, надо поставить золотой памятник повыше статуи Свободы! Вы гений! Вы спаситель человечества! Да не открой вы свои лучики, нашлись бы бешеные парни в погонах и забросали бы всю землю ядерными бомбами. Уж тогда бы жизнь и совсем заглохла. От ядерной пыли и грязи не спаслись бы и самые малые твари.

Генерал хотел снова огреть меня ладонью по плечу, но вдруг стих, опустил на стул и с минуту смотрел в промежутки между своими ботинками. И потом, подняв на меня испуганные глаза, проговорил:

— Вот только я бы не хотел, чтобы вы и меня ожгли из этой своей штуки.

Но потом он снова развеселился, и мы пошли с ним обедать к адмиралу Станишичу».

Простаков читал дальше:

«Компетентные органы Штата мне представили совершенно секретные сведения о работах "Хьюстонской биологической лаборатории". Как я и ожидал, она очень большая и работы поставлены на широкую ногу, ведутся спешно и содержатся в секрете. Штат строго подобран по национальному признаку — до пятого колена отслеживается чистота британской расы,— чужаков и на пушечный выстрел не пускают. Особенно боятся "граждан мира" и афро-мексиканцев, которые работают на тех, кто больше платит. Лаборатория составляет компьютерный атлас, в нём запечатляются характерные черты портрета десяти основных национальностей и четырёх рас: белой, чёрной, жёлтой и промежуточной. Последняя мне пока непонятна, но, очевидно, это народы, вроде кано (смешанных), мексиканцев, кубинцев... Проблема глобальная, почти космическая — в доподлинности она ведома одному Богу. Отсюда и количество умов, привлечённых к её решению».

Другая запись и на другую тему:

«Я теперь наладил антенну-тарелку и смотрю наши российские программы. Нас теперь тащат в Евросоюз. Русский медведь упирается, но ему нашептывают в ухо: раствори двери дома, запусти в него всяк пришлого, желающего. И русские люди уже готовы открыть ворота. Забыли они завет предков: что немцу хорошо, то русскому смерть. Вот он, дьявол. В иные времена такую силу наберёт, что и сам Бог одолеть его не может. Ведь был же в своё время Вавилон! И люди знают, чем он закончился. Ныне сатана снова нам его налаживает. Вот тут в Америке уж двести лет кряду, как перестали блюсти границы. И что же вышло?... Солянка сборная, коктейль получился. Радио, телевидение не включи: там-там африканский по ушам бьёт. В тёмное время на улицу не выйди: тебя разденут и ограбят. Денег много, и еда недорогая, и флот и армия в страхе весь мир держат, а ладу ни в чём нет. Без души она живёт, Америка».

«Вчера беседовал с Драганой. Сказал ей: "Девочка моя! Национальность не трогай, это уже вопрос политики, а точнее социологии. Мы же должны заниматься наукой, и только наукой. Нам уместно изучать биологию человека, и если задачу решать комплексно, то потребуются слишком большой коллектив учёных. За неимением же таких сил нужно перейти на изучение немногих главных черт генетики человека". На что эта смелая девица с присущей молодости решимостью заявила: "Надеюсь, Господь мне отпустит для моих дел, если они богоугодны, много времени. Я смогу решить свои задачи". Драгана расширяет лабораторию, стягивает на остров всё новые и новые силы. Биологов приглашает из славянских стран,— и, прежде всего, из России. Наладила механизм отбора по талантам и моральным качествам».

И ещё запись:

«Сомнение. Оно часто является мне во сне и наяву, терзает душу, отбивает охоту работать и даже жить: кому попадёт мое открытие? Раньше я думал, что создаю такое оружие, которое придёт на замену атомному и водородному, хочу дать военным такое же могучее средство поражения, но не смертельное для людей и всего живого. Людей оно

лишь на время выводит из боевого состояния. Поначалу у меня была радужная надежда на то, что ядерные страны, заполучив мое «Облако», совсем откажутся от атома, а только поставят его на выработку полезной энергии. Теперь же я окончательно понял, что ничто и никто не принудит политиков и военных отказаться от своих страшных ядерных бомб. Они лихорадочно ищут и другие виды оружия, а с тех пор, как прознали о моих опытах, возгорелись желанием обладать ещё и «Облаком». А в самое последнее время ко мне стали наведываться глобалисты, представители какого-то Мирового правительства. Они примеривают мои открытия для своих целей,— то есть хотят знать, не смогу ли я для них соорудить ещё и такое миниатюрное устройство, которое можно было бы вживлять в тело человека,— ну, к примеру, в палец руки, или в ладонь, или за ухо,— вроде пластинки, которая бы несла в себе всю информацию о человеке. Один такой шустрый заказчик живописал мне время, когда такой пластинкой будут помечены все люди, и тогда уж не спрячешься от полиции. И не надо таскать с собой паспорт, эта пластинка всегда при тебе. И если надо снять со счёта деньги,— пожалуйста, зайди в любой ближайший банк, прислони к аппарату палец, и этот аппарат снимет с твоего счёта любую сумму, и тут же выдаст её тебе.

Меня при этих мыслях в жар бросило: это же концлагерь! Кто-то, где-то и когда-то,— наверняка это будут негодяи, и сбегутся они по одному-единственному признаку: этническое родство, своя родная национальность,— и вот такая дружная бандитская шайка создаст Мировое правительство и будет держать под контролем любого человека на планете. Не угоден ты этому правительству — оно послало пучок электронов на пластинку в твоей ладони и поразило твою волю, энергию, превратило тебя в инвалида. Концлагерь! Да ещё какой!.. Всемирный! Каждый человек на виду и под прицелом созданного тобой оружия. А что это за Мировое правительство? Ты знаешь его? Ты его выбирал?

И тут снова и снова я себя вопрошаю: в чьи руки попадёт моё оружие? На кого я работаю?»

Простаков отложил записки, задумался: он теперь окончательно понял, зачем, для какой цели приглашают на остров русских учёных. За ужином адмирал говорил, что Арсений Петрович изобрёл прибор лечебного характера, а надо расширить его действие до степени оружия массового поражения, то есть помочь Арсению Петровичу довести до ума его грозное «Облако». Оно будто бы не будет убивать, и даже не покалечит человека, но «вытряхнет» из него все злые помыслы, алчность и агрессию. Человек был способным соврать, украсть, убить, а стал правдивым, благостным и не желающим вас обижать и причинять даже малейшую неприятность. «Облако» как бы осуществит заповедь Христа: даст человеку смирение и любовь, а это автоматически устранил из жизни человечества войны.

Мысли Простакова шли дальше, принимали масштабы глобальные. Он хотел понять, а как такое оружие, если оно появится, сообразуется с планами глобалистов. Поможет оно им или затруднит их замысел оставить на земле всего лишь один золотой миллиард населения? Заметьте: миллиард! И ни человека больше. За бортом они оставляют и своих, полагая, что они — «пожухлые листья», в роду которых завелась плесень, чужая кровь. Им в наказание за грех кровосмешения вечно оставаться рабами, то есть обслуживать их, глобалистов, умных и богатых.

Губернатор и адмирал подошли к проблеме с другой стороны: они решили не убивать, а исправлять людей, в том числе и тех, кто там, в Мировом правительстве. И таким образом покончить с войнами; вначале затруднить, нейтрализовать планы глобалистов, а затем и самих новоявленных гитлеров превратить в ласковых овечек.

Простаков вообразил, как Бжезинский и Сорос, и президент Буш, и Кандолиза Райс, и даже престарелая баронесса-людоедка мадам Тэтчер будут смиреннько сидеть в своих виллах и замках, а российский клоун Жириновский вылезать на экран телевизора и

орать о любви к человеку, и требовать от политиков честности, скромности и миролюбия. Олигархи отдадут все свои деньги детским домам и приютам для престарелых, бывшие президенты — предатели русского народа Горбачев и Ельцин — пойдут в церковь отмаливать свои грехи, просить у Бога прощения.

И молодой русский учёный делал для себя утешительный вывод: не только его лечебный приборчик, но и «Облако» Арсения Петровича, способное облучать массы людей, пойдёт, в конце концов, на пользу человечества.

Утешением ему служило и то, что братья Станишичи, адмирал и губернатор, хотели бы иметь такое оружие, которое сработало бы лишь тогда, когда кнопка управления лучами будет находиться в руках порядочного, честного и незлобного человека. Новое биологическое оружие не поступит на вооружение бандитов, террористов, наркоманов или больных; в их руках оно просто не сработает. Такова у него будет электроника и автоматика. Создать её, конечно, непросто, но именно для этой цели они пригласили на Русский остров гениального физика Павла Неустроева.

Что это? Фантазия наивных людей или великих мечтателей-гуманистов? На этот вопрос способно ответить только время.

Так или иначе, но лишь под такое оружие готовы отпускать деньги и отец Драганы, и сама Драгана, и главный денежный попечитель дедушка Драган. Кстати, читатель, может быть, недоумеает: почему это у дедушки и внучки — одно имя: Он Драган, она — Драгана. А это как у нас, у русских, есть имена: Валентин и Валентина, Валерий и Валерия... Дед Драган, давая деньги для развития лаборатории, не однажды говорил внучке: ваши лучи не должны отнимать жизнь и огорчать людей. Ни одна слезинка ребёнка: ни чёрного, ни белого, ни жёлтого пусть не прольётся от ваших открытий. И не бойтесь, что людей на Земле будет много. Важно, чтобы это были добрые, честные и порядочные люди. Земля многих прокормит, а когда ей будет трудно, астрофизики, физики и механики найдут средство перебрасывать людей на другие планеты или построят города в космосе. Мы найдём средства и на развитие вашей физико-механической лаборатории. Хороший человек Альфред Нобель завещал деньги на поощрение учёных, но кого теперь награждают-то его деньгами? Я же вложу деньги в создание двух гигантских центров: биолого-химического и физико-механического. И пожизненным начальником этого двойного центра назначаю мою внучку Драгану.

Так не однажды говорил дед Драган, и на то он оформил соответствующие документы.

Борису спать не хотелось. Он снова взял папку и читал записки Арсения Петровича:

«Обстановка на острове мне не нравится. Негры, мексиканцы и всякого рода мулаты работают всё хуже, дневные задания не выполняют, сроки сдачи объектов задерживают. И, как мне рассказывают прорабы, в смету не укладываются, требуют всё больше и больше денег. И на нас, белых, смотрят волком, даже позволяют себе дерзко говорить с Драганой. Кажется, тут может закипеть косовский котёл. И что с этим поделать — ума не приложу.

Наш остров — капля в океане. А ведь расово-этническая ситуация имеет мировой характер. Такая же картина и на всём американском материке. Да и у нас в России иноземцы напозают со всех сторон. Москва уже наполовину только русская. Там русская женщина в коляске катит одного малыша и больше рожать не собирается, а за пришедшей женщиной восточного типа точно цыплята за курицей пять-шесть ребятишек бегут. А тут ещё Евросоюз налаживают, чтоб уж и для китайцев, и для негров открыть двери России.

Пушкинская мысль о русском бунте на глазах вызревает. Иностранцы-иноверцы, как саранча, ползут в Россию, грабят, режут, убивают. Здешняя газета написала: «Москва начинает приобретать облик Нью-Йорка: в ней теперь одиннадцать миллионов человек, и

только четыре миллиона русских осталось. Одних азербайджанцев полтора миллиона. Почти миллион чеченцев. В школах, на рынках, на улице закипают межэтнические разборки. Появились детские боевые отряды: скинхеды. Русские дети первыми вступают в борьбу. И уже президент сказал: идёт война! Сказал и умыл руки, отвернулся от народа. Но если война, то нужна мобилизация, нужен клич: всё для фронта, для Победы! Но клича такого нет. Значит, кому-то нужно, чтобы столица России была нерусской. И самого русского народа чтобы не было. Так для кого же я работаю? Не для тех ли, кто из моей любимой Москвы делает Вавилон?..

Прежде чечен лез к нам с кривым кинжалом, теперь у него пистолет, граната, пластиковая бомба. А дальше злодейства малых, обделённых судьбой этносов станут ещё страшнее. Недавно в Японии показала себя секта Аум-Сенрикё, она распылила смертельный газ в метро. Я не пугаю, но вижу, как уже сейчас над русской землёй нависает чёрная туча мора и погубления. С Кавказских гор и с гор Памира ползёт беда героиновая; мара и мрак сгущаются над морями Японским и Китайским, над морем Балтийским и даже над морями северными. И тучи над русской землёй будут сгущаться всё более. Русский медведь пока ещё дремлет в своей берлоге, но он уже слышит опасность, тревожно рычит и скоро вылезет наружу, увидит своего погубителя — и пойдёт ломить и крушить всё вредоносное и чужое. Так и случится этот самый русский бунт. Он будет жестокий, но не бессмысленный, а вызванный к жизни самой природой вещей, стремлением охранить свою жизнь и жизнь будущих поколений».

Несколько страниц пропущены, а затем снова пошли записки:

«Ко мне приставлен доктор-психолог Ной Исаакович,— очевидно для наблюдения за моим психическим состоянием, поддержания во мне постоянной деловой активности, радостного настроения. Он еврей и, как всякий еврей, не похож ни на каких других людей. И, конечно же, не представляет, что имеет дело не только с биологом, но и психологом. Я изучаю его на клеточном уровне, отслеживаю и оцениваю каждый его шаг, накапливаю о нём целый банк наблюдений.

Прелюбопытная личность, этот доктор! В долгой моей жизни в науке я много встретил его соплеменников; они, по большей части, все защищены высокими званиями, укоренены на важных должностях, олауреачены, с головы до пят обвешаны эпитетами: талантливый, известный, ведущий и прочее. Понизить его трудно, вышибить из седла и того труднее. Недаром певец еврейской непотопляемости Константин Симонов в одном из своих стихотворений написал: "Никто не вышибет нас из седла, такая поговорка у майора была". И замечу тут кстати: научный потенциал еврея, как правило, обратно пропорционален его положению. Чем громче о нём гвалт, тем он ничтожнее на самом деле. И в то же время не скажу, что еврей в науке бесполезен. Он в нашем мире бывает даже необходим. Им как тараном прошибается всякая нужная идея, точно кузнечным молотом проталкиваются открытия. Правда, еврей присвоит себе и авторство, поднимет ещё выше свой авторитет в науке, может взлететь до Нобелевского лауреата, но это пустяки в сравнении с пользой, приносимой открытиями.

Мой милый доктор не из таких деятелей, он другой, он из рядовых, и даже будто бы незаметных, но, впрочем, именно он ближе всех других людей придвинут к великому открытию. А ну-ка, создай я своё «Розовое облачко»! — какой тут гешефт запросится в карман Ною! Какие награды посыпятся ему от тех, кому он поможет заполучить это «Розовое облачко»?

Ну, ладно, я отвлекся; не о том моя речь. Мы однажды заговорили с ним об особенностях племён и народов, насквозь реакционных, вредных для всего человечества. Я привёл где-то вычитанное высказывание Маркса или какого-то другого великого учёного о наличии среди людского сообщества национальностей агрессивных, хитрых и коварных, заботящихся только о себе и о людях своего племени. Ной возражал,

кипятился, срывался на крик и даже оскорбления. Я тоже в пылу спора бросил обвинение в адрес евреев,— вроде того, что дескать в мире нет национальности, которая бы лезла в душу живущих с ними народов, а евреи лезут, и во власть лезут, и все деньги захватывают, и даже ищут случая, чтобы и имущество отобрать у гоев. Не то ли сейчас и делается у нас в России? По количеству миллиардеров мы быстро обогнали Америку! И кто они, эти наши миллиардеры? Почти все евреи!..

Для пущей убедительности привёл высказывания великих людей. Вот что сказал о евреях живший ещё до нашей эры Марк Цицерон: "Евреи принадлежат к тёмной и отталкивающей силе. Кто знает, как многочисленна эта клика, как они держатся вместе и какую мощь они могут проявлять благодаря своей спаянности".

И уж совсем поразительное признание мы находим у философа Страбона, жившего тогда же, до нашей эры: "Едва ли на всей земле найдётся такое место, где бы не правили евреи. Еврейское племя сумело уже проникнуть во все государства..."

К чести Ноя надо сказать: под напором неопровержимых доказательств он смиряется и даже сдаётся. И тогда сам что-нибудь добавит к характеристике своего племени. Однажды признался:

— Это верно, мы лезем в душу. Мне иногда досадно становится, когда я смотрю телевизор. Все артисты-смехачи — наши люди: жванецкие, хазановы, клары новиковы... А недавно два старых бесталанных иудея обрядились в платье русских крестьянок и уж так их представляют, так высмеивают. А спросить бы их: ну, откуда вы знаете русскую женщину-крестьянку? Может быть, вы её и в глаза не видели. Да и не грешно ли это вышучивать, высмеивать женщину, которая кормит вас и поит?..

Ной замолчал и долго сидел, в раздумье опустив голову. Потом вдруг словно очнулся, продолжал:

— А и то верно: во власть наши тоже лезут. И когда приближаются к трону, не могут совладать с искушением занять его. А уж этого делать бы и совсем не надо. Ну, какой это царь на русском престоле, если он иудей? Да мы и обличьем совсем другие, и характер наш, привычки — всё другое!.. Вот поэтому ничего нам так не вредит, как если мы вскарабкаемся на трон. Лех Валенса, наш человек, взобрался на трон польского короля, но недолго там продержался. Уже низложенный, он поехал в Америку и в кругу своих говорил: не надо было нам брать власть. Стояли бы у трона и делали б свою политику, а теперь нас вон как далеко турнули. Опять же Ельцина возьмите; тоже вспрыгнул на трон. И что же?.. Он тогда больше стал вредить своим же, чем кому-либо. Да, Ельцин принёс вреда нам, евреям, больше, чем русским. Ну был бы человек, а то — мешок костей и мяса. И дурак круглый. А если дурак со всех сторон, то он и опасен всем,— своим тоже.

Ной замолчал. Но потом, словно очнувшись от горьких, мучительных дум, продолжал:

— Ельцин такой, он много дров наломал. В России теперь антисемитизм, как на дрожжах, вспучился. Одно меня утешает: Россия это ещё не весь мир, с Россией мы скоро поладим и вместе с ней пойдём на чёрных, жёлтых и всяких цветных. Мы хотя и семиты, но по цвету кожи ближе к белым, а борьба скоро сюда переместится; на белых навалятся все цветные. Вот тогда вы ещё вспомните о нас. Чтобы спастись от китайцев, вам понадобится наш многовековой опыт. И мы придём к вам на помощь, потому что одолей вас китайцы, они и нас не пощадят. Это как во время войны с немцами; мы очень скоро поняли, что Гитлер для нас страшнее Сталина, а уж что до русских людей, с ними-то всегда поладим. Но теперь войны будут только этнические, расовые. Раса, которая начнёт побеждать, никакую другую расу, кроме своей, на земле не оставит. К тому идёт дело. Кончились войны великанов, начинаются войны пигмеев. В людском сообществе случилась какая-то поломка; Бог зачем-то попустил к жизни разные народы, много народов. Бог, конечно, умный, но он не знал, что много народов на одной планете жить не могут. Я так думаю, а как думаете вы — не знаю.

Я такие взгляды Ноевы не разделяю, но спорить с ним не стал. Над этой проблемой тоже стоит задуматься.

Чаще всего сомнения являются ночью. Сон теперь у меня некрепок. С вечера вроде бы и уснул, а через два-три часа просыпаюсь. Глаза закрыты, а сон не идёт. И всё думаю, думаю. И думы об одном: как же я распоряжусь открытием, когда оно будет завершено? Ну, ладно, если остановлюсь на стадии «Облака» небольшого, способного поражать жильцов одного дома, сотрудников института, лаборатории, экипаж самолёта, корабля. А что как если приедет Простаков и применит свой математический метод, расширит границы «Облака» на километры, а то и на сотни километров? И это могучее оружие попадёт в руки врага?

И тут мои глаза растворяются, я смотрю в потолок или на дверь балкона, и хотя дверь заперта, но мне грохот моря разламывает голову, шум такой, будто я стою на палубе корабля и на меня со свистом, с холодными брызгами налетает ветер. И сердце колотится, как двигатель. Я открываю балкон, и тут на меня наваливается океан реальный со своим извечным шумом и рёвом, плеском волн, глухим рычанием каких-то таинственных сил, всё время рвущихся наружу и не находящих выхода.

Удивительное действие производит на меня этот шум океана. Он встречает меня как живое существо, заглушает тревоги, гонит прочь сомнения; мысли освещаются и душа оживает. Обыкновенно вместе с этим живительным шумом влетают в голову другие мысли,— бодрые, освежающие; они выплывают из небытия, как звуки контрапункта при исполнении музыкального произведения. Основная печальная мелодия отступает, а вдалеке вначале тихо, а затем всё заметнее выплывает вторая мелодия, фоновая. Она-то и придаёт музыке красоту и бодрость, зовёт вас в ту синюю или розовую даль, где вам будет хорошо, и все тревоги растворяются, а на смену им придёт жизнь прежняя, молодая, здоровая.

Таким контрапунктом обыкновенно звучат мысли о том, что подобные сомнения являлись и Курчатову, и Королеву, и академику Семёнову, и другим учёным, создававшим атомные и водородные бомбы — страшное оружие массового поражения. А как же его не создавать, если в мире так много людей, рвущихся к богатству, власти, мировому господству. Не будешь иметь такого оружия — тебя сомнут, обратят в рабство, уничтожат сёла и города, и весь твой род.

Ах, эти вечные сомнения — тягостные, мучительные, рвущие на части душу и сердце».

Борис прочитал всё это, приуныл. Нельзя сказать, что он открыл для себя что-нибудь новое. Примерно эти же мысли терзали и его во всё время работы над прибором. Под тяжестью этих дум и сомнений он и убежал из московской лаборатории, очутился на Дону в станице Каслинской. И сейчас он видел, что его бывший начальник, учитель и старший товарищ думал о том же самом. И что же он придумал? Как разрешились его сомнения и разрешились ли они вообще?..

Простаков снова стал читать записки Арсения Петровича. На этот раз читал медленно, будто боялся пропустить какое-либо слово. А когда прочитал, положил листы в папку и устремил взгляд в потолок. Сон к нему не шёл. «Вот штука! Вот ещё незадача. Этак-то и вовсе сон потеряешь. И шум океана перестанешь слышать. И звёздное небо, если на него взглянешь, покажется с овчинку. И подумаешь после этого: жил-жил на свете, и радовался жизни, вот Драгану встретил,— кажется, полюбил её, а тут вдруг интерес к делу пропадает, смысл бытия теряется.

Но позволь,— возражал он сам себе,— а разве не о том же ты сказал и Драгане?.. О том, о том.

Борис хотя и говорил Драгане, но сам-то до конца не верил в свою правоту, а говорил ей единственно для того, чтобы услышать и её мнение на этот счёт. Но тут вот

учитель и о чипах ведёт речь. Борис слышал о планах глобалистов, но не принимал эти планы всерьёз. А учитель вот посмотрел вперёд, нарисовал перспективу.

Борис при этих мыслях и вовсе упал духом. Конечно же, он не станет дальше работать. Под страхом смерти не станет. Что бы с ним ни делали — не станет!

Долго ворочался на койке, и шум океана слушал, и на небо звёздное смотрел,— и мысль о том, что не станет он работать над своим прибором и над «Облаком» Арсения Петровича, укрепились в нём окончательно.

Под утро он наконец заснул.

Не пришла к нему на другой день Драгана, и в лаборатории она не появилась. А в полдень с острова поднялся вертолёт и взял курс на материк. Иван Иванович и Ной Исаакович, бывшие с Борисом в лаборатории, открыли окно и долгим молчаливым взглядом провожали стального кузнечика. Иван Иванович в раздумье проговорил:

— В левую сторону взяли курс,— к отцу полетела.

И потом с явным недовольством:

— Она и всегда так: стукнет в голову каприз, и — подавай ей вертолёт. А то катер запросит, на соседний остров к подружке помчится. И за рулём сама сидит, особенно в шторм любит волну резать. Она, кажется, и вертолёт освоила. Надо бы узнать, зачем она полетела на Большую землю?

Ной тоже думал о Драгане, пытался определить маршрут вертолёта.

Может, они для отвода глаз влево забирают, а там дальше вправо возьмут, к дедушке Драгану полетят. Он в соседнем штате живёт. Но, может, и к военному госпиталю повернут. Хозяйка острова давно ребят не навещала.

Но тут же Ной вспоминал:

— Для ребят она обыкновенно гостинцы везёт, любимые всеми пирожки с творогом. Я был в пекарне, там для неё ничего не пекли. Впрочем, на этот раз, может, и без гостинцев покатила.

Так они размышляли до тех пор, пока вертолёт не скрылся в туманной дымке. А Драгана тем временем сидела в своей крохотной кабине у окна в грустном раздумье, смотрела вдаль, где за лёгкой синей пеленой скрыты были материк и родительский дом, к которому она летела. Из головы не выходили тяжёлые, как камни, слова, которыми оглушил её Борис Простаков. Уж от него-то она не ожидала этих горестных сомнений, которые терзали всех сотрудников лаборатории, и больше всего Арсения Петровича.

Состояние Драганы нельзя понять, если не знать её тайных помыслов, мечты, заключавшей в себе смысл всей её жизни. Она жила в Москве, работала в лаборатории Арсения Петровича, когда американцы напали на Югославию, стали бомбить Белград, крушить жилые дома, мосты, заводы. Потом разыгралась Косовская трагедия, албанцы — пришлые инородцы и иноверцы — убивали извечных хозяев земли, сербов, рушили их храмы, жгли жилища. Кровавый спектакль разыгрывался на родине её праотцов, и она впервые услышала зов крови и отчей земли. И хотя родилась она в Америке, и будто бы даже гордилась своим американским подданством, но тут вдруг поняла, что истинная родина её — Югославия, и ей стало больно за судьбу своего отечества, захотелось поехать туда,— и она поехала. Три месяца жила у дяди Саввы, третьего сына дедушки Драгана, ходила на молодёжные собрания, митинги, выбирала партию, которая ближе ей была по духу. И выбрала. Это была либеральная партия — наподобие партии Жириновского, которая была в России. Стала ходить к ним на собрания и даже записалась в её ряды, получила членский билет. Ей было крайне любопытно, и даже казалось знамением свыше, что партию возглавлял молодой человек по имени Вульф Костенецкий — почти Жириновский. А скоро она заметила, что и в манере поведения Костенецкого было много от нашего «сына юриста»: он и кепку носил такую же, и держал себя нагло, и вещал с трибуны архипатриотические лозунги, но голосовал всегда вместе с отъявленными врагами сербского народа. Удивительно, как они похожи — евреи всего мира!

Как-то после очередного собрания Костенецкий пригласил к себе в кабинет новенькую девицу, которая бросилась ему в глаза своей необыкновенной красотой и независимым видом. Драгана зашла к нему. Над его рабочим креслом висел портрет Жириновского, а выше, над портретом, лозунг: «Всё дозволено».

Костенецкий сверлил Драгану чёрными выпуклыми глазами, но, впрочем, не зло, а с явным и пристрастным интересом. Он знал, что она живёт во дворце университетского профессора философии Саввы Станишича, а Савва будто бы родной сын американского магната Драгана Станишича. Кто же она такая, эта Драгана Станишич? Конечно же, прямая родственница!

— Я заметил, вы бываете у нас на собраниях.

И пытался польстить собеседнице:

— Вас нельзя не заметить.

Откинулся на спинку стула, сверкал глазами.

— Не всегда, но иногда бываю,— сказала Драгана.

— Ну, и как? Как вы отнеслись к призыву, с которым я сегодня обратился к молодым членам партии? Как вам мой главный лозунг: «Думай одно, говори другое, а делай третье».

— Я слышала, такой принцип был у английского политика Черчилля. Он будто бы этому поучал дипломатов.

— Да. Да, но не только дипломатов, а и всякого умного человека, и особенно политика. Этот принцип был излюбленным у Чемберлена. И Ленин, и Троцкий, и все президенты Америки поступали так же.

Потом была пауза. Костенецкий ждал, что ответит американская гостья, но она молчала. И Костенецкий продолжал:

— Если хочешь вести за собой массы, надо с трибуны бросать дерзкую ложь.

— Но ложь скоро раскроется, и политик будет посрамлён.

— Этого не надо бояться. Этого не будет. Люди глупы и слишком заняты своими мелкими делишками. Завтра же они забудут, что вы им говорили вчера. Но они запомнят, как вы говорили. И ещё будут помнить, что вы всегда говорите что-то яркое, необыкновенное. Да, ложь это хорошо уж потому, что это красиво и заманчиво. Я с экрана телевизора говорю: «Сербы! Югославия принадлежит вам, вы здесь хозяева, а всем остальным мы поможем перебраться домой». Я знаю, что говорю чушь, но — говорю. Сербов в Югославии много — шестьдесят пять процентов, и они за мной пойдут. В армии говорят: плох тот солдат, кто не носит в своём ранце жезл маршала. Политик — тоже; он должен стремиться быть вождём. А вождём может быть лишь тот, кто сумеет привлечь на свою сторону титульную нацию, то есть главную: если в России, то русских, если в Германии — немцев, в Югославии — сербов. И прочих славян. Если сложить всех славян, живущих в Югославии, то получишь девяносто процентов. Умный политик это должен понимать, а неумный политик — это авантюрист вроде Пиночета или Полпоты. Я не хочу быть Полпотой.

— Но вы не серб, а как же поведёте за собой славян? В России очень скоро узнали, что Жириновский нерусский, а «сын юриста». И как только он сказал об этом, над ним стали смеяться. На последних выборах он едва прошёл в Думу.

Услышав слова «...вы не серб», Костенецкий потемнел. Его ничто так не оскорбляло, как явное или нечаянное указание на его подлинную национальность. Дослушав до конца тираду Драганы, он сказал:

— Мы все тут сербы! А вот вы... говорите с акцентом. Американским. Вы жили в Америке? Может быть, вы нам скажете, зачем это вдруг Америка забросала бомбами Югославию? А теперь, точно пёс голодный, кинулась на Ирак?..

— Да, я жила в Америке. А теперь живу в Москве. А по окончании университета хочу поселиться в Белграде. Югославия — моя Родина, и я хочу жить дома.

— Вы будете жить во дворце Станишичей?

— Не знаю. Может быть.

Костенецкого это признание успокоило; он хотел было и дальше расспрашивать Драгану, но в кабинет вошли люди, и Драгана, воспользовавшись суматохой, вышла. Она и потом ходила на собрания партии, читала их газету, слушала речи Костенецкого и скоро поняла, что среди всех политических партий на свете нет силы опаснее и зловреднее, чем партии так называемых либералов. И тогда в голову ей влетела шальная мысль: «Шарахнуть бы по этому собранию лучами Арсения Петровича, тогда бы она послушала, какие песни запоёт Вульф Костенецкий» и в кого превратятся собравшиеся в этом зале либералы.

Шло время, Костенецкий продолжал разлагать доверчивых сербов, и особенно молодежь, а в груди Драганы не стихало, а всё больше укреплялось желание очистить Белград от этой бесовской силы — от либералов. А потом, когда эти силы, точно голодные волки, стали разрывать Югославию на части, а в Косово убивать сербов, жечь их дома, рушить православные храмы,— и, как слышала Драгана, либералы всеми силами раздували этот разрушительный процесс, и Костенецкий громче всех требовал отдать под трибунал президента Милошевича, а сам рвался на его место, Драгана стала подумывать и о том, как бы отомстить всем антинациональным партиям в Югославии, а потом отомстить и Америке, и не той великой и прекрасной стране Америке, в которой она родилась и где у неё было много друзей, а той Америке, которая бомбила Югославию, добила, наконец, того, что президента Милошевича выкрали из собственного дома и тайком доставили в тюрьму Европейского трибунала. Драгана втайне от отца и от бабушки вынашивала ещё и мысль организовать в Югославии партизанские отряды, вооружить их аппаратами, выстреливающими «Розовое облако», а затем, подобно Жанне д'Арк, и самой возглавить всю освободительную борьбу на своей прародине.

Да, всё это были мечты Драганы, составлявшие смысл её жизни, и она с нетерпением ожидала молодого учёного из России, чтобы с ним вместе закончить работы над «Розовым облаком»,— и вдруг: признание Простакова! Его нежелание продолжать работы.

Она даже не вступила с ним в дискуссию, не пыталась переубедить; она заметила, что Простаков верующий, он при случае поминает Бога, а увидев перед входом в лабораторию золочёный крест, помолился на него и поцеловал; знала так же и то, что если уж человек верующий и он решил, что его склоняют к делу небогоугодному, он его продолжать не будет. Ей вдруг стало ясно, почему это он уехал из Москвы на Дон и занялся там строительством храма.

Девушку это потрясло, у неё оборвалось всё внутри, а когда ей бывало плохо, она летела к отцу, а затем и к деду,— им поверяла свои тайны, у них только и находила ответы на волновавшие её вопросы. В данном же случае окончания работ по «Облаку» ожидал отец и те близкие ей люди,— в основном, это были сербы, болгары, русские, то есть все славяне, заинтересованные в победе её отца на выборах в президенты,— в этом случае беспокойство Драганы было особенно сильным, и даже мучительным.

Но и всё-таки, она вначале прилетела в госпиталь, чтобы проведать лечившихся тут ребят из их лаборатории и Арсения Петровича, но, к её большой радости, уже на посадочной площадке, где приземлился вертолёт, ей сообщили, что всех ребят выписали и они на катере ушли на остров.

На радостях Драгана полетела к отцу.

Ной Исаакович доложил Простакову о прибытии с материка всех русских парней, которые работали в лаборатории. Закрыв балкон,— неизвестно зачем он это делал каждый раз, приступая к беседе с русским учёным,— и устроившись поудобнее в кресле, стоявшем у стеклянной балконной двери, врач сообщил ещё и о том, что Арсения Петровича оставили на длительное долечивание в госпитальном профилактории. И как бы между прочим заметил:

— Арсению Петровичу — шестьдесят. Если вы хотите: это уже возраст. Я читал одну книгу,— её написал антисемит, но ничего, там есть несколько страниц, которые можно и читать,— так этот автор привёл слова одного татарина: «Шестьдесят лет пришла, ума назад пошла». Д-а, я знаю это по себе. Мне ещё нет и пятидесяти, но стали появляться страхи. Какие страхи?.. Я знаю? Если бы я знал! Я сижу на пляже или на скале у берега океана, а они идут. Их никто не просит, а они идут. Заскочит в голову мысль, что жизнь прошла, уже прошла, почти прошла. И что же? Что может быть от этого хорошего? По шкуре идут мурашки. Прошла жизнь! А чего же ты хочешь? Зачем порошки, капли, сеансы с больными?.. Больной смотрит тебе в глаза и видит, как они бегают. Иногда спросит: «Доктор, что с вами?..» — «Со мной»? — «Да, с вами. Вы чего-то испугались». Ну, вот — он видит, я чего-то боюсь. И тогда я вспоминаю, что это я доктор, а не он, и ещё вспоминаю лекции, где нам, студентам, говорили: «Не надо ничего бояться. Если ты чего-то или кого-то уже боишься, то знай: это кто-то или что-то к тебе уже пришло». Ну, вот: знаю, а всё равно боюсь. И если вы хотите, чтобы что-то осталось от моих бесед с вами, то запомните: не надо ничего бояться. Страх, залезший вовнутрь человека,— главное, с чем борется наука психология.

Простаков сидел в кресле по другую сторону балкона и внимательно слушал врача. С некоторых пор отношение к Ною у него переменялось; Борис сказал себе: этого чудака надо слушать. В многословии болтуна виден его характер, а это уже полезная информация, но главное — перед ним был типичный иудей и молодому учёному выдалась счастливая возможность вблизи наблюдать самый таинственный экземпляр человеческой популяции.

А Ной Исаакович был польщен вниманием молодого человека. Наконец-то,— думал он,— я подчинил его своему влиянию и теперь могу лепить из него то, что мне захочется. Втайне врач ещё в самом начале надеялся не только диктовать пациенту свою волю, но и подвести его к желанию при начислении Простакову гонорара за его открытие,— а это будет несомненно внушительная сумма,— отстегнуть и ему значительную долю. Кроме того, он испытывал на молодом русском недавно открытый им метод «доверительных откровений», то есть такой характер бесед, который бы указывал пациенту на сердечную дружественность врача, на такую меру доверия, которая может существовать только между людьми близкими, и даже родными. И надо сказать: это врачу удавалось. Как всякий русский человек, Простаков доверчив, и сам готов был душу выкладывать, и если видел встречную отзывчивость, проникался уже не одним только доверием, но и готовностью посвящать в тайны, которые бы следовало держать подальше от посторонних ушей.

Борису нетерпелось знать, а что собой представляет Иван Иванович, и он уже хотел задавать вопросы, но врач-психолог точно угадал его намерение и сам заговорил об Иване Ивановиче. И начал с того, что сидело занозой в его душе, составляло суть недовольства своим товарищем.

— Я знаю, вы немножко антисемит, как всякий русский, смотрите на нас с Иваном Ивановичем и думаете: вот они, эти евреи: придумают что-нибудь такое, что и не знаешь, как и что тут понимать и откуда это растёт. Врача назвали Ной. А почему Ной? Ну, почему?.. Ну, ладно: этот — Ной. Но он ещё Исаакович. А это уже сразу видно, кто есть кто. Человек если уже он еврей, так это еврей и никакой не киргиз, не эфиоп и не русский. А рядом с ним ходит тоже еврей, но он Иван Иванович, как бы вроде и не еврей, а русский. А разве так бывает, что если человек русский, а фамилия у него Шляппентох?.. Ну, скажите мне, пожалуйста: так бывает?.. Нет, конечно. А тут вот именно такой и выдался апперкот: человек наш — и лицом, и всем остальным, а зовут не по-людски: Иван Иванович. Мне такой камуфляж не нравится. Он при новом знакомстве как скажет: Иван Иванович, и я вижу, как тот улыбается. Не очень заметно, но... улыбается. Это хорошо, скажите мне? Разве такое, например, может быть, что вы русский, а зовут вас Султан Гирей Ахмет Паша?

— Я встречал такое: человек русский, а зовут Абрам.

— Встречали? Да, это может быть. И хотя редко, но бывает. Я однажды встретил такого: на нас не похож, а имя имеет наше: Абрам Моисеевич. Я ему говорю: «Какая твоя национальность и почему ты Абрам?». А он отвечает: «Я русский, а почему Абрам?.. У нас все Абрамы. Это потому, что ещё в давние времена вся деревня приняла иудаистскую веру. И нас всех стали называть евреями. Один старый человек мне сказал: "Русские люди любят что-нибудь отмочить, вот и отмочили: записались в евреи. И если у них спросят: вы кто, они говорят: мы еврей". Это хорошо? А если хорошо, то тогда что же плохо? Нет, вы как хотите, а я это не люблю. Но я же хотел сказать, что он за человек, Иван Иванович? О-о!.. Это не человек, как обычно надо понимать. Это оркестр! И не какой-нибудь, а симфонический. Вы знаете, что сказал Ленин, когда умер Свердлов?.. Нет, не знаете. Вы молодой и многого не знаете. Так вот у гроба Якова Михайловича он сказал: заменить нам Свердлова некем. Это был не человек, а оркестр. Да, оркестр. Этот — тоже оркестр. И больше я ничего вам не скажу, а только держитесь от него подальше. И если уж нельзя вернуться — тогда вы молчите. Он говорит, а вы молчите. Почему?.. Ну, об этом я вам не скажу, а вы сами потом узнаете. Арсений Петрович его знает. Немного, но знает. И потому молчит. Молчать умеют не все, я — не умею, а вы молчите. Так будет лучше. А почему?.. Ну, вы потом узнаете. Вот так. Вот такой он человек, Иван Иванович. Я даже фамилии его не знаю. И вы не пытайтесь узнавать. Так будет лучше. Вы изобретайте своё «Облако», а всё остальное за вас доделает Иван Иванович. Он из тех, кто умеет доделывать то, что уже сделано. И поверьте мне: вот это своё дело он делает хорошо.

Ной Исаакович поднялся и раскрыл дверь балкона. Выйдя на балкон, потянулся, потёр ладонями шею и проговорил:

— Почаще массируйте шею и затылок. Помогает от усталости.

С минуту постоял на балконе, потом вернулся.

— Ну, я пойду. Меня в лаборатории ждёт Иван Иванович.

Простаков широко растворил дверь балкона, закрепил её и оставил в таком положении на ночь. Влажный прохладный воздух валил с океана; Борису нравилось это состояние, когда океан могуче и шумно заполнял его жилище, заключал в объятия, призывал к жизни свободной и вечной.

Завалился в постель и почти тотчас уснул.

От военного госпиталя до виллы отца Драгана летела одна. Высоту держала небольшую — метров триста-четыреста. И скорость тоже небольшая. Она знала, что отец не любит и даже строго запрещает дочери летать без пилота, ведь она не имеет прав лётчика и в случае какой неприятности её, а вместе с ней и его журналисты обвинят во всех грехах, развонят на всю страну, и это повредит репутации отца, которую тот стремился содержать в абсолютной чистоте, особенно теперь, когда приближалась выборная кампания. Драгану журналисты знали как единственную наследницу отца и деда, владевших большими капиталами. Она летела безо всякого предупреждения, не звонила отцу по радиотелефону, дабы не возбуждать любопытства журналистов.

Обыкновенно в полёте она испытывала чувство радости, почти восторга. Сегодня же у неё было состояние, которого она не знала. Подобное чувство к ней являлось и раньше, и даже почти в детском возрасте, но оно быстро проходило, оставляя по себе приятные, и в то же время грустные воспоминания. На этот же раз она ещё испытывала и тревогу: вдруг как и эта любовь окажется минутно вспыхнувшим увлечением? Нет, нет,— говорила она себе,— только не это, только бы навсегда осталась в её сердце так внезапно и так стремительно залетевшая волна радости от встречи с русским учёным.

Драгана искала любви, она ждала любви и теперь уж была почти уверена в том, что любовь к ней, наконец, пришла. Русский парень явился в каком-то нереальном розовом сиянии, в образе принца с диадемой на лбу, и не выходил из головы. Она летела к отцу по делу, ей надо было о многом переговорить, она могла бы отправиться попозже, но летела именно сейчас, гонимая нетерпением рассказать о своих чувствах человеку, который был

для неё и отцом, и другом. Сейчас, в эту минуту, для неё во всем свете были два человека: отец и русский учёный. Она даже матери о нём ничего не сказала. Образ Бориса всё время стоял перед глазами; она думала о нём и видела перед собой его лицо, его глаза... Он улыбался. И будто бы говорил: я знаю это чувство, я любил, теперь вот и ты влюбилась.

И улыбался. Он радовался. Она это видела. Но, может быть, радовался оттого, что и сам влюбился? В неё, конечно. В кого же больше? Иначе, зачем бы ему улыбаться? Он, конечно же, влюбился в неё! Она знала,— многие ей говорили: в неё нельзя не влюбиться. И он влюбился. Влюбился так же, как и она. И оттого был весел.

Слева по курсу показался Дом Волка. Дедушка Драган построил его шестьдесят лет назад, когда у него появились первые миллионы долларов от эксплуатации купленной им в Кувейте нефтяной вышки. Тогда дедушке было двадцать восемь лет, сейчас ему, как он говорит, две восьмёрки. Строил он свой дом три года по рисункам писателя Джека Лондона. В газетах он прочитал историю, которая потрясла дедушку Драгана, будто писатель вложил в строительство дома весь гонорар, полученный им за книги, и когда он был построен, положил на повозку весь свой нехитрый домашний скарб, и уж подъезжал к дому, как он вдруг вспыхнул, будто облитый бензином. И писатель стал погонять лошадь, торопился, но не успел и подъехать, как дом, объятый пламенем, догорал. В газетах писали, что дом подожгли враги, которых у Джека Лондона было немало.

Годы спустя газеты ещё писали, что Джек Лондон, и раньше увлекавшийся спиртным, после постигшего его несчастья и вовсе запил и умер, едва ему исполнилось сорок лет. Дедушка Драган тогда дал себе зарок: не пить спиртного. И если он за свою жизнь так далеко продвинул нефтяное дело и стал одним из самых богатых людей Америки, то в этом несомненно ему помогала трезвость.

В семидесятых годах, когда в Штатах умами людей овладела истерия от страха перед ядерной войной, дедушка построил себе другой дом на том же западном берегу океана, но вдалеке от больших городов, и возле этого дома, скорее похожего на средневековый замок, построил ещё и дворец подземный с автономным снабжением чистым воздухом и водой, с обширными складами для продовольствия на многие годы. Это тоже была дань времени и результат нагнетаемой тогда военной истерии. Дом же Волка он отдал сыну.

Драгана много раз слышала эту историю. Она ещё в детстве глубоко страдала и от того, что у любимого дедушкина писателя сгорел дом, и оттого ещё, что писатель так рано умер от пьянства. И уже тогда, как и дедушка, она решила не прикасаться к рюмке, и маму свою, и папу беречь от увлечения вином. А Дом Волка она полюбила уже только за то, что в таком же доме хотел жить ставший и её любимым писателем Джек Лондон.

От ангара, куда техники завели вертолёт, она шла по берегу океана к родному дому, балкон которого уж показался под тенью старого дуба. Она шла не спеша; по каким-то ей одной знакомым признакам почувствовала, что у них в доме её ждет Элл Битчер,— с ним, по воле родителей, она была помолвлена ещё в школьные годы. У ствола дуба стояли две легковые машины: длинные лимузины с тяжёлыми стальными боками, с затемнёнными стеклами — обыкновенно они сопровождали Битчера. В них плотными рядами сидели до зубов вооружённые парни из охраны Эллы. Где-то здесь рядом были и другие машины. Охранников много — целый взвод, и почти все негры. И лишь начальник и два-три его помощника белые, из бывших офицеров армии и полиции. Элл был хозяином шести нефтеперерабатывающих заводов и по слухам обладал состоянием в три-четыре миллиарда долларов. Ещё недавно главой этой нефтяной империи был его отец, но на него напала мафия. Завязался бой, и охрана магната уже побеждала, развеяла, разметала всех бандитов, но тут налетел вертолёт и прошил из пулемёта машину Битчера-старшего. Несколько пуль по касательной попали в голову олигарха и повредили речевой аппарат и двигательный центр. Отец вскоре умер, завещав все капиталы и дела своему единственному сыну. Охрана с тех пор увеличена; в кавалькаде машин появилось два автомобиля со спаренными зенитными пулемётами для отражения налёта с воздуха.

Между деревьями и за кустами шиповника, точно духи, сновали чернокожие парни, но, завидев идущую к дому девушку, они прятались и наблюдали за ней из-за укрытий. Она же старалась на них не смотреть и хотела бы не думать об их хозяине, но ей было неприятно сознавать, что «Чёрно-Золотой король», как называла печать Эллы, был уведомлен о её полёте на материк и загодя поспешил в Дом Волка, чтобы как бы невзначай встретить её и в очередной раз — в сотый или тысячный — заговорить о свадьбе, которая, в конце концов, должна же когда-нибудь состояться.

Элл сидел в плетёном кресле губернатора у крошечного озерца, на берегу которого «росла» беломраморная лилия. Из середины цветка бойко вылетал кристально чистый фонтанчик и, распадаясь на четыре струйки, падал на лепестки цветка, стекая в озеро. Это озерцо и лилия будто были и у того писательского дома. Губернатор приказал сделать точно такие же и у своего дома. И в любое время года, возвращаясь с работы, любил посидеть тут и подумать о своих делах, о жизни, которая складывалась у него хотя и удачно, но протекала неровно, и было в ней много забот, хлопот, а иногда и опасностей. Рядом с креслом стояла качалка, и Драгана, весело кивнув Элле, села в неё.

— Это невежливо, сеньорита Дана, и я не однажды имел удовольствие делать вам на этот счёт замечание.

Элл ещё с детских времён называл Драгану, как и её семейные, Даной.

— Что невежливо? — спросила Драгана.

— Невежливо так прохладно приветствовать Господина своей жизни; я мог бы рассчитывать и на поцелуй... хотя бы в щёку.

— Ах, Элл! Вы всё шутите, а мне не до шуток; русский чудодей, которого мы все так ждали, оказался обыкновенным бакалавром, и никаких открытий за душой у него нет и не было. Вот сейчас заявится отец, и я вынуждена сказать ему об этом, и вы увидите, как он огорчится.

— Я и раньше был уверен, что парни из ЦРУ засунут в мешок не того, кого надо, и приволокут его к тебе на остров. А мне приятно, что ты не будешь пялить на него глаза и восхищаться гением какого-то балбеса. По мне так, если он русский, так непременно балбес и ничего путного придумать не может. А тебе в очередной раз скажу: выбрось свои розовые очки и не смотри на каждого русского, как на икону. Русские всегда были алкашами, а сейчас они показали всему миру не только свою пьяную рожу, но и свой врождённый идиотизм. Они запустили в Кремль полсотню бжезинских, и те установили над страной свою власть. Раньше я платил за привезённый из России танкер с нефтью пятьдесят тысяч долларов, а теперь ко мне приплыл тот же танкер и с меня за него запросили триста тысяч. Я позвонил капитану танкера и попросил разъяснить мне такой неприятный фокус. Капитан сказал: раньше танкер принадлежал русскому государству, а теперь его купил гражданин Америки Яков Коган. А?.. Как тебе это нравится? Раньше этот Яков был обыкновенным Коганом, а теперь он превратился в капиталиста. Парни из ЦРУ мне всё рассказали, и я хорошо знаю, что происходило и происходит сейчас в России.

Драгана давно слышала подобные разговоры,— и не только от Эллы, но даже и от своего отца, и от бабушки, которому она во всём доверялась. Сейчас же ей было радостно от сознания, что баснями о никчёмности русского учёного ей так легко удалось усыпить Битчера, погасить его интерес к Простакову. Она не хотела, чтобы Элл принимал какое-то участие в судьбе Бориса, а что её женишок со своими миллиардами мог влиять на судьбу Простакова, да и всех учёных, работавших на Русском острове — этого Драгана всегда опасалась.

Позвонила отцу. Тот обрадовался ей, но сказал, что приедет поздно вечером. Предложил отдохнуть, а затем вместе с горничной приготовить ужин, во время которого он намерен с ней обсудить важные дела.

Элл сказал:

— Я знаю, какие это важные дела намерен обсудить с тобой папаша, а сейчас поедом ко мне и я буду кормить тебя обедом.

Драгана охотно с ним поехала.

У Битчера в городе было два дома: один небольшой в центре города, другой на берегу океана в тридцати километрах от губернаторского дома. Сейчас они ехали в город, и Драгана, прижавшись в углу заднего салона, видела перед собой широкую спину Битчера и, пользуясь тем, что Элл не отвлекает её своей болтовнёй, сладко дремала. Впереди и сзади шли автомобили с охраной магната. В последние годы участились случаи нападений на богатых людей. За Эллом, как богатейшим человеком штата, начиналась охота нескольких мафий. Элл всё больше жил в городском доме, потому что разведка донесла ему, что к охоте за ним подключаются вертолёт, а теперь вот уже и морские катера. По загородному дворцу, что был у берега океана, могли выпустить ракету, а может, что-нибудь и ещё пострашнее, и Элл всё больше этого боялся; боялся настолько, что ночью подолгу не мог заснуть, и уже серьёзно подумывал о том, чтобы уехать куда-нибудь в старый свет, и поселиться там инкогнито, и жить в своё удовольствие. Вот только Драгану он не мог оставить. И сегодня решил с ней окончательно объясниться, потребует ответа: да или нет.

Именно об этом он думал и сейчас, когда вдруг над крышами домов затарахтел вертолёт, под брюхом у него ослепительно блеснуло, и раздался взрыв, от которого машину выбросило далеко за обочину шоссе. Драгану что-то ударило в плечо, она не сразу поняла, что их автомобиль перевернулся и, может быть, не один раз. У неё на коленях лежало что-то мягкое и тяжёлое. Это был Элл. Он стонал, протягивал вперёд руки. Драгана попыталась высвободиться, и он от прикосновения её рук закричал и повалился на пол у сиденья. Потом затих, а Драгана толкнула ногой дверцу и очутилась на зелёном газоне. Машину заволкло дымом, от которого перехватило дыхание, и она отбежала в сторону на свежий воздух. Но тут вспомнила: в машине лежит Битчер и побежала к нему. Он видел её, тянул к ней руки и повторял одну и ту же просьбу: не отдавай меня в больницу, вези домой, я хочу быть у вас, только у вас, иначе меня отравят.

Уронил голову на грудь, потерял сознание.

Подбежавшие охранники вытащили его из машины, перенесли в свою. И тут Драгана успела сесть за руль, развернула автомобиль и на большой скорости понеслась к своему дому. Битчера подняли на второй этаж и положили на диван в гостиной комнате на половине особняка, принадлежавшей Драгане. Через несколько минут появились врачи. Началось обследование пострадавшего.

Драгана для себя врача не звала, она с помощью горничной приняла душ, переделалась и только тогда, когда под села к зеркалу и приводила в порядок причёску, услышала никогда ранее не бывавший у неё звон в ушах и тяжесть во всём теле, тогда только и пригласила врача.

Но прежде к ней вбежал взволнованный отец, припал на колени у изголовья, гладил волосы:

— Что? Как ты?.. Что-нибудь ушибла? Нет? Слава Богу!..

— Нет, ничего. Я здорова. Как там Элл?..

Вошёл личный врач губернатора профессор Шлиман. Он с раннего детства наблюдал Драгану, она любила доктора, поверяла ему все свои тайны.

— Ну-с, красавица, как мы живы и здоровы?

Доктор стал осматривать Драгану. К счастью, она отделалась лёгкими ушибами, но стресс был тяжёлым; девушка хоть и улыбалась, но продолжала дрожать, и звон в ушах оставался, её тошнило, и голова кружилась. Профессор дал ей снотворного и посоветовал хорошенько выспаться.

Проснулась она в двенадцатом часу следующего дня и к ужасу своему убедилась, что состояние её не только не улучшилось, но стало хуже, у неё болели голова и сердце, и тошнота не проходила. Отец сидел у постели и радостно приветствовал её пробуждение.

— Как Элл? Что с ним?..— приподнялась она на подушке.

Отец стал серьёзным, глухо проговорил:

— Зашиб позвоночник. Как бы не было перелома. Я вчера же вызвал из клиники врачей, они привезли аппаратуру, проверяли весь день и сегодня продолжают обследование. Пока ничего не говорят, но боюсь, что дела у него плохи. Об одном меня просит: не отвозить его в «Клинику золотых пациентов» — так называют в городе лечебницу для миллионеров. Он сильно боится, что его отравят. Вот это хуже всего, если привяжется страх или тревога.

— На то есть основания; у него большая компания, много держателей акций. Они как пауки в банке. Ты, папа, не заводи акционеров. Я тоже их боюсь. За тебя, конечно.

— А ты, моя доченька, не забирай в свою головушку неженские мысли. У тебя и своих забот хватает. Ты вот не вышла замуж за Эллу. А теперь и вообще, как у вас всё будет, неизвестно. А ты ведь знаешь, как важно бы для нас объединить нефтяное дело. Без его-то заводов мы как без рук, он все южные штаты топливом, маслами и мазутом снабжает, а теперь в чьи руки попадёт — неизвестно. К тому же и флот танкерный...

Драгана отвернула голову и смотрела в потолок. Она не любила разговоров о своём замужестве, умом понимала важность создания родственного концерна танкеров и заводов, но сердце её не лежало к Эллу, она и думать о нём не хотела.

— Ладно, ладно,— понял её состояние отец.— Не время теперь ворошить щекотливую тему. Сейчас к тебе придут врачи, расставят тут аппараты и будут тебя обследовать. Но, может быть, ты попьёшь кофе, чаю или горячего молока?..

— Нет, папа, я хочу встать и походить по комнате. Подай мне, пожалуйста, халатик.

Драгана поднялась, но долго ходить не могла. Голова закружилась сильнее, и она вернулась в постель. Отец внимательно наблюдал за ней, но девушка старалась не показывать своей слабости. А тут пришли врачи и начали обследование. Она тоже не хотела ложиться в клинику, и отец устраивал обоим молодым людям лечение на дому. Благо, что положение губернатора позволяло это делать.

Потянулись дни лежания и лечения. Через две недели Драгана утром, когда врачи, сделав распоряжения, удалились, прошла в комнату Битчера. Он лежал на специальном матрасе, устроенном для больных с повреждённым позвоночником,— полусидя-полулёжа,— и смотрел на дверь, точно кого-то ожидал. Похудел, осунулся, и лицо его было бледным. Смотрел на приближающуюся к нему Драгану, и взор его, и черты лица ничего не выражали. Дана подошла к нему, приклонилась лицом к щеке и вздрогнула от подступавших рыданий. Элл молчал; смотрел в растворённое окно, за которым глухо и недовольно шумел океан. Почувствовал на своём лице горячие слёзы девушки.

— Ты чего? — спросил тихо.

— Прости. Прости меня за всё. За всё.

— Не за что мне тебя прощать. Наоборот: спасибо тебе за то, что ты есть. Я всегда о тебе думал. Это счастье для меня сознавать, что ты живёшь на свете и я время от времени могу тебя видеть. Разве ты этого не понимаешь?..

— Отец говорил: ты доверчивый, неосторожный. Прости нас обоих: не смогли тебя уберечь. Эти противные миллиарды! Не было у тебя их — и как было хорошо! Куда хотели, туда и ехали. Никто за нами не охотился. Я теперь понимаю внуку греческого миллиардера Онассиса, он ей в наследство оставил шестьдесят два миллиарда. Она разместила на своих счетах четыре миллиона, а остальные отдала государству. И нам с тобой — зачем нам так много денег?..

— Денег никогда не бывает много, а внучка Онассиса... Она глупая, но и все-таки — оставила себе четыре миллиона.

Элл улыбнулся, взял руку Драганы, поднёс к губам, горячо целовал. Тихо заговорил:

— Я вот тебя потерял... Это ужасно, это катастрофа, но мне придётся и с этим жить.

Со щеки Элла на руку Драганы скатилась слеза, он вздрогнул всем телом, притих. С минуту они молчали. Потом он продолжал:

— Но ты и сама чуть не погибла. Как себя чувствуешь?

— Ничего. У меня, слава Богу, ничего не болит, только немного кружится голова и поташнивает. А ты как?..

— Не знаю. Встать не могу. Ноги... будто ватные. Страшно мне — вдруг как и совсем не встану. Ты тогда и приходишь ко мне не будешь.

— Буду. Я всегда буду к тебе приходиться.

Драгана приоткрыла угол одеяла, погладила ногу. Он отвернулся, спазмы подступили к горлу. Тихо, беззвучно заплакал. Потом сказал:

— Я слабый. Ничего не могу. Я теперь как ваш русский Николай Островский. Помнишь, ты мне книгу его давала: «Как закалялась сталь». Тот лежал и писал. Я не смогу. Скажи отцу... И тебя я прошу: никому меня не отдавайте. Боюсь я людей. Они все злые. Верить никому нельзя.

— Я слышала, у тебя были компаньоны.

— Да, были. Вчера меня навестили. Боятся за свои вложения, говорят, что соберутся и послушают отчёт бухгалтерии. Хищники! Они теперь что угодно насчитают. Если пойдут на подлость, я найму самых дорогих адвокатов, ничего им не отдам. Только бы не подобралась ко мне, не отравили. Я их боюсь.

— Не бойся. Ничего не бойся. Я буду с тобой рядом.

— Не надо. Вот этого — не надо. Боже упаси!..

— Да почему же?

— Нет, нет — не надо! Упаси Господь. Пока я боюсь только за себя, а тогда и за тебя буду бояться. Я изведусь. Сердце не выдержит.

— Мой дедушка говорит: Бог не выдаст, свинья не съест. А страх — плохой советчик. Во всех делах — и в семейных, и в бизнесе. Если страх, то пиши пропало. Жизни не будет. Ты всего боишься и не живёшь. От страха есть таблетки. Но главное — друзья! У нас много друзей.

— У меня нет друзей. Кроме тебя, твоего дедушки и отца. А откуда взялись твои друзья? С неба, что ли, упали?

— На острове живёт много русских. И — сербов. Они все мои друзья. Нет, не друзья. Они родные. Они — моя семья.

— Ну, это я слышал. Это твоя блажь. Ты молодая и всякого встречаешь улыбкой. Как младенец. Было такое время, и я улыбался. Но когда один за другим умерли мои родители, мне сказали: их отравили. Я не верил, но теперь верю: да, отравили. У меня на флоте одиннадцать компаньонов. Столько же танкеров — футбольная команда! Шестидесят процентов прибыли идёт на мои счета, остальное — на счета компаньонов. Вот чего они не могут пережить. Хотят иметь больше. Я смотрю им в глаза и вижу: да, они недовольны. Потому и отравили родителей. И ракетой по нам ударили — это они, компаньоны. А теперь вот будут подкупать врачей, чтобы добить меня.

Элл замолчал и отвернул голову к стене. Тонкие ноздри его побелели, нервно дрожали. Дышал он тяжело, края одеяла туго сжимал в кулаках. Потом вдруг оживился, повернул лицо к Дане.

— Да, Дануш, друзей у человека нет, и если есть, то не друзья, а союзники на почве деловых интересов. А ещё есть люди забавные. Таких людей мало, но они есть. Вот и ты... забавная. Наверное, за то я тебя и люблю. Но если ты думаешь иначе — думай на

здоровье. У тебя от таких мыслей всегда хорошее настроение. Верь людям, но и оглядывайся. Если подставят ножку, то падай не так больно, как упали мы с тобой.

Пришла медицинская сестра. Дважды в день она делала Битчеру уколы. Драгана удалилась. Встреча с Эллом не прибавила ей хорошего настроения. Она сейчас думала: неужели всю жизнь вот так — лежать на койке без движения?

В полдень домой приехал отец. Позвал Драгану вниз, в свой кабинет, где горничная для них накрывала обед. Отец её встретил словами:

— О Битчере не беспокойся. Профессор мне сказал: ему нужно заменить два сегмента позвоночника. Подберут хорошие сегменты и сделают операцию. Президент Кеннеди тоже имел такие сегменты. Оттого он не мог долго сидеть на совещаниях. Когда встречался с Хрущевым, ему через каждые два часа делали укол, и тогда он мог продолжать переговоры. Эллу не грозит президентство, и длинных разговоров он ни с кем заводить не станет.

— А его танкерный флот? Его дела? Насколько я понимаю, от них зависят и наши заводы.

— Да, это так. Все установки на наших заводах рассчитаны на русскую нефть. Многие из них бесперебойного цикла. Случись перебои — и мы сядем на мель. Нам грозят многомиллионные, а может быть, и миллиардные убытки. Я потому так боюсь охлаждения в ваших отношениях. И дедушка боится.

— Теперь вам ничего не угрожает. Я не из тех, кто бросает в беде друзей. Элл по сути дела спас меня; принял удар на себя. Взрывная волна не достала. Он прикрыл меня своим телом. Так, папа. Такая вот история. Элл хотя мне никогда не нравился, но давно заметила: он хороший парень. И вы напрасно с дедушкой опасаетесь: Битчер никогда нас не подведёт, он не способен на подлость. Но я к тебе прилетела за тем, чтобы сообщить неприятную новость: русский молодой учёный не хочет расширять «Розовое облако». Маленький приборчик для улучшения психики он имеет, а вот усиливать его он, кажется, не станет.

— Почему?

— Говорит, это страшное оружие и он не хотел бы давать его врагам своего народа.

— Честный и хороший парень. Мы с тобой тоже не хотим работать против славян. И американцы не хотели бросать бомбы на Белград. И на Ирак они тоже не хотели бросать ракеты. Но весь вопрос в том и состоит, что есть на свете Америка, но нет американцев. И Франция пока ещё есть на свете, но давно уж нет во Франции французов. И вся старая Европа пожелтела и почернела — там тоже европейцы растворились в полчищах мигрантов и себя не узнают в зеркале. Держится пока русский народ, а вместе с ним и все наши братья-славяне. К управлению миром подбираются невидимки-глобалисты. Они теперь взялись за арабов и за нас, славян. На пути глобалистов возникли два народа: русские и арабы. Покончив с нами, они возьмутся за китайцев и индусов. Оставят лишь тех из них, кто будет трудиться на чёрных работах. Но это только планы. У нас свои планы и свои цели, нам для их выполнения нужны не только бомбы и ракеты, нам нужно новое оружие. «Розовое облако» и является таким оружием. Мы с тобой должны всё это разъяснить русскому парню. Нам важно зажечь «Розовое облако», а уж как его удержать в своих руках — это вопрос особый. Надеюсь, и его мы сумеем решить с помощью того же русского учёного. Как его фамилия?.. Ах, да — Простаков. Ишь ведь, фамилия какая! У них, у русских, много таких фамилий: Лаптев, Горшков, Телегин, Оглоблин, Грибов, Редькин — чёрт знает что! А этот Простаков. Но заметь: тут тебе и поговорка подоспела: на всякого мудреца довольно простоты. Говорят, он молодой, этот твой Простаков?

— Почему мой?

— Там, на острове, все твои. Дядюшка Ян волю тебе дал большую. Любит он тебя до беспамятства. Да и как не любить тебя! Ты как солнышко красное: и светишь, и

греешь. Против таких красавиц, как ты, у мужиков воли нет. Есть в нашей природе механизм какой-то: мы на женскую красоту, как корабль на маяк, идём. Ну, ладно. Скоро я на остров приеду, разберусь с вами. Ну, а этот — Простаков, как он? Хорош собой или так себе: как говорят в Закарпатье, не тэ, не сэ? А?..

Заглянул в глаза дочери: смутилась Дана, лёгким румянцем зашлась. Подошёл к ней, привлёк к себе головку, целовал волосы.

— Ладно, ладно. Если влюбишься, перечить не стану. Женишка-то, суженого с детства, вижу не приняла душой, а теперь-то уж... Мне президент Кеннеди рассказывал: он после повреждения на фронте позвоночника лет пять на ноги встать не мог. У него два сегмента заменили, а тут у Элла, как мне доложил профессор, третья часть позвоночника зашиблена. Боюсь, он и вовсе не встанет на ноги. Да... Не повезло парню. Доллары на счетах на пятый миллиард полезли, а судьба ножку подставила.

— Пап, я давно хотела у тебя спросить: зачем человеку так много денег?.. Тем более такому, как наш Элл?

— Что значит, такому? Чем Элл отличается от нас с тобой?

— Ну, разница, как я понимаю, между нами большая. У нас Родина есть, народ большой,— можно сказать, семья родная. Ты сам мне об этом говорил. И дедушка деньги на Русский остров даёт. Всё время спрашивает: много ли детей рожают славянские женщины? Стипендию на каждого ребёнка обещает давать. Пока не даёт, но обещает. Элл же одинок. Родители рано умерли, а Родины нет, и народа своего нет. Родился в Бразилии от смешанного брака: мать — чернокожая мулатка, отец из Шотландии, но национальности своей не знал. В семье не любили говорить о родстве по крови; и каждого, кто затрагивал эту тему, считали человеком недобрым, опасным, старались держаться от него подальше. И Элл, потеряв своих родителей, почувствовал себя человеком одиноким. У него кроме меня, тебя и нашего дедушки никого нет. И если бы не большие деньги, не заводы и танкерный флот, которые достались ему по наследству, он бы возненавидел весь свет и легко мог бы стать человеком, промышлявшим каким-нибудь тёмным делом. Тяжёлым камнем лежит у него под сердцем вопрос: кому достанутся после смерти его капиталы?..

Губернатор откинулся на спинку кресла, смотрел на дочь испытующе. Старался понять, насколько дочь его, такая ещё молодая, и будто бы не очень серьёзная,— насколько она повзрослела с тех пор, как живёт на острове и трудится в химико-биологической лаборатории. Речь её о смысле денег ему нравилась, и он решил побольше внимания уделять дочери, растолковать ей многие процессы в их стране и в мире, которые, словно снежный ком с горы, валятся на их головы и грозят в ближайшие годы изменить весь мир, вносят коррективы и в их личную жизнь.

Сказал Драгане:

— Элл тебя любит. Как ты относишься к этому факту?

— А никак. Мне его любовь не мешает.

— Это так, но парень страдает, ждёт от тебя ответа.

— Он мне никаких вопросов не задавал. А если любовь доставляет ему страдания, это его проблемы. Но только не понимаю, как это любовь может доставлять страдания? Я мечтаю о любви, но она ко мне не приходит. А если бы пришла, я была бы счастлива. Любить кого-нибудь... Даже того, кто тебя не любит. Это ведь такое счастье! Так пишут в книгах. Да я и сама так понимаю.

На это отец сказал:

— Драгана! Мне не нравится твой стиль и твоя манера говорить со мной на такую важную тему.

— Почему, папа?

— Ты взрослая, и я вправе ждать от тебя серьёзного обсуждения этой важной для нашей семьи, и даже для нашего дела темы. Танкерный флот Битчера пополнился новыми судами, купленными по дешевке в России, там же он наладил закупку более качественной нефти, чем у него была прежде. Доходы его полезли вверх, его ценные бумаги, суда и

хранилища горючего достигли астрономических размеров, он вот-вот войдёт в клуб миллиардеров, членом которого имеет честь быть твой дедушка. Ты теперь представляешь, какого масштаба человек удостоил тебя своей любви?..

Девушка смотрела в раскрытое окно, за которым вечно плескался, ворчал и шумел океан. Лицо её было задумчивым и печальным. Не поворачиваясь к отцу, она тихо проговорила:

— Странно устроены люди! Любит меня, знает, как я нуждаюсь в деньгах, и никогда не предложил помощи. Это от такой-то денежной горы... и — не предложить. Странно.

— А тебе нужны деньги?

— Очень.

— Для чего же?

— Для борьбы. Я должна бороться за свой народ, а для борьбы нужны деньги.

— Я знал, что ты у меня патриотка. Такой я воспитал тебя. Но я не знал, что для какой-то там химерической борьбы, где невозможно достичь победы, тебе нужны деньги. Я ведь тоже человек не бедный. Готов дать тебе нужную сумму. Но ты мне скажи: для какой-то такой борьбы понадобились тебе деньги?

— Я знаю, что ты будешь ждать отчёта, а потому и не прошу у тебя денег. И у дедушки не прошу. Я вас люблю обоих, вы для меня самые дорогие люди на свете, но если уж говорить честно — не понимаю, почему вы не вкладываете хотя бы небольшую часть своих денег в святое дело борьбы сербского народа за своё выживание.

Губернатор поднялся и сказал Драгане:

— Дочь моя! Спасибо тебе за то, что повела со мной такой серьёзный и мужественный разговор о судьбе нашего народа. Я рад, что ты пошла в меня и в дедушку. Да и матушка твоя истинно русская и благородная женщина. Но вопросы твои слишком серьёзны, чтобы обсуждать их накоротке. Мне сейчас нужно ехать на службу, а ты действуй по своим планам, только имей в виду: ни на каких аппаратах, даже на автомобилях, сама ты теперь ездить, плавать и летать не будешь. Для тебя уже составлены правила передвижения, которые ты будешь исполнять беспрекословно. И всюду тебя будет сопровождать охрана. Это моя воля — воля твоего отца и губернатора. А я скоро приеду к вам на остров, и мы там о многом с тобой поговорим. Что же до «Облака» — пусть твой Простаков не тревожится. Было бы оно, это «Облако», а уж как вручить его в нужные руки — мы эту проблему вместе решать будем. Она уже отчасти решена у нас, но мы не будем делить шкуру неубитого медведя. Этой проблемой займёмся тогда, когда будет у нас «Облако».

В правом крыле нижнего этажа у Драганы был свой «уголок» — три небольших комнаты, обставленных родной сербской мебелью. На полках книги национальной сербской и русской литературы, на стенах картины сербской природы. Это был подарок отца ко дню возвращения дочери из России, где она проходила практику в лаборатории Арсения Петровича. Сюда сейчас и зашла Драгана, взяла томик Пушкина и легла отдыхать. Скоро она уснула и проспала до вечера. А вечером к ней тихо зашла горничная и присела на край дивана. Дана проснулась и, точно в детстве, когда горничная Жанетта была совсем молодой, протянула к ней руки, обняла, прижалась щекой и долго этак держала её, ощущая тепло молодой женщины, заменявшей ей мать, когда та уезжала в Белград к своим родителям. Временами мать прилетала в Дом Волка, посещала дочь на острове, навещала дедушку Драгана, но затем так же внезапно улетала. У мамы были непростые отношения с мужем, и она часто отлучалась из дома. Иногда дедушка задерживал её у себя, и тогда к ним прилетала или приплывала на яхте Драгана и они жили втроём, ухаживали с мамой за дедушкой, встречая и провожая гостей, которых у дедушки всегда было много.

Дедушка любил свою невестку, но признавался, что «никого так сильно не любит в целом свете, как внучку». А в другой раз за утренним или вечерним чаем, или сидя у горящего камина, подолгу смотрит то на невестку, то на внучку и в раздумье скажет: «Я ещё не решил, кому оставить свои миллиарды,— скорее всего, разделю их поровну между сынами и внучкой».

О дедушке говорили, что он член клуба трёхсот самых богатых людей Америки; если ему нездоровится, тогда об этом пишут газеты, а президент страны звонит и спрашивает: «Не прислать ли вам моих врачей?»

Мама Драганы, сорокатрёхлетняя Русина, «ослепительная красавица», как её называют журналисты всех мастей, неизменно вежлива и даже ласкова с отцом мужа, с мужем и дочерью, не повышает тона в отношениях со всеми подчинёнными ей людьми, но как бы не по своей, а по чужой воле держит всех на дистанции, и оттого иногда кажется чужой, недоступной и даже будто бы чем-то недовольной. В русских сказаниях о таких говорят: «красавица с холодным сердцем», «светит, но не греет», «снегурочка» и так далее. Одного только мужа она одаривала постоянной и неизменной любовью, нежностью, каковой обыкновенно пользуются только горячо любимые малые дети. Но недавно между любящими супругами вдруг произошло охлаждение. Все это замечали, но никто не знал причины такой перемены. И лишь Драгана догадывалась, что мама к кому-то приревновала отца. Однако заговаривать об этом ни с отцом, ни с матерью не смела. Вот после этого Русина и стала часто уезжать из дома.

Русиной её назвал отец в честь матери, наполовину сербки, наполовину русской по происхождению.

Драгана поднялась с дивана и села на мягкий стульчик перед зеркалом. Жанетта подошла к ней и по заведенной с детства привычке стала расчёсывать волосы.

— Жаннушка,— заговорила с ней Дана,— ты всегда и всё знаешь: скажи мне, пожалуйста, что случилось с моим отцом? Он сегодня был со мной строг и холоден, ничего не рассказывал, а только предостерегал и советовал.

— Ах, нет тут никаких секретов; он за вас сильно напугался. Уж так он вас любит, барышня, так любит!.. Намедни звонила госпожа Русина. Она в Белграде, и неизвестно, когда вернётся в Штаты. У них и разговоров только о тебе и о тебе. Госпожа пытается: когда у вас свадьба с Эллом, а отец будто и не хочет вашей свадьбы. Господин губернатор остыл к нему; говорит, жадный, не даёт денег на славянскую общину. Как-то угощала их пельменями, а господин и говорит ему: сербскую общину надо расширять, еще пятьсот новых семей из Косово завезём на остров. А Элл возражает: община да община, прорва какая-то! Этак ваши сербы все деньги у нас поедят. А господин страшает Элла: подберётся к тебе желторотая саранча,— так он мексиканцев называет,— я посмотрю тогда, как ты запрыгаешь со своими деньгами.

— А что Элл? Он боится этих к,ано?

— Негров больше боится. Говорит, с мексиканцами найду общий язык; человек тридцать в охрану к себе возьму,— они верными умеют быть,— а вот негры... этих я боюсь. Теперь же вот, как вас ракетой подорвали, папаша ваш и вовсе испугался. Спит плохо. Всё сидит в кабинете и пишет. Его сейчас выборы беспокоят. Я слышала, как он сказал: Америка раньше России в тартарары полетит. Мигранты прихлынут к нам новой волной, она и закачается. С мигрантами цунами придут, ураганы разные, смерчи да потопа, и не такие, как прежде, а целые города с побережья снесут. Говорит, у Бога терпение вышло, долго он художества наши прощал, а теперь беды страшные наслёт. Россию-то он уж наказал, а нам всё на будущее заготовил. Всё чаще ваш папаша об этом говорит, а я таскаю со стола да на стол угощения разные, а сама во все уши слушаю. Страшно мне становится.

Потом замолчала Жанетта, и надолго; любовно прибирала головку госпожи,— с выдумкой, как художник, как театральная парикмахерша. Потом неуверенно, сбивчиво заговорила:

— Тут человек один — не молодой, не старый, я его давно знаю, из наших он, косовский. Он сейчас по заданию вашего папеньки отряд ополченцев к полёту в Белград готовит, давно меня просил, чтобы вам его представила.

— Так в чём же дело? Я многих земляков своих знаю, и хоть втайне от отца, но бываю у них и в спортивном лагере, и на квартирах. Помогаю, чем могу...

— Мне известно, барышня. Говорят они — и как деньги вы им даёте и многосемейным помогаете. Но всегда опасаясь, вдруг как папенька прознает и гневаться станет. Я уж и ребятам всем говорю, чтоб молчали больше, не подводили вас.

— Да не надо за меня бояться. Папа знает обо всём, о каждом моём шаге. Недавно он мне на мою благотворительность и на прочие расходы полезные сто миллионов долларов перевёл. И дедушка даёт. Что же до меня: все свои доходы от двенадцати пляжей и отелей, и от мебельных фабрик вкладываю на развитие двух лабораторий и на привлечение учёных из славянских стран. Элла хотела бы раскошелить, — он-то сказочно богат, — да не могу к нему подступиться. Теперь-то вроде и неудобно уж. Сильно его зашибло, и не знаю, когда поправится. Ну, а этого своего знакомого зови сейчас. Мы в его обществе завтракать будем.

Сходила Жанетта на свою половину и привела мужчину: не старого и не молодого, не малого ростом и не высокого, однако ладного, весёлого и на серба не очень похожего.

— Ёван Дундич, — представился он.

— Фамилия у вас звонкая и в сербском мире известная, но обличьем-то вы...

— Я серб, но отец мой с цыганскими кровями.

Жанетта добавила:

— А уж какой он патриот — сказать нельзя.

— Ну, ты, Жанна, помолчи, — грубовато прервал её Дундич. — Я в адвокатах не нуждаюсь.

Повернулся к Драгане, поклонился в пояс.

— Благодарить вас просили... земляки косовские: за всё, что для нас делаете. Господь не забудет доброты вашей, таких-то, как вы, он близко у своего престола держит. Мы все молимся за вас. И за вашего папеньку, и за дедушку, и за дядюшку Яна. Он для нашего землячества всю свою зарплату адмиральскую отдаёт, а мы и сами не сидим сложа руки. Почти все к делу приставлены, деньги за свой труд получаем. Женщины наши много детишек рожают. Мы роду славянскому не дадим загдохнуть.

Драгана качала головой, улыбалась. Служение своему народу было целью её жизни, она и своим островским славянам помогала, и здешних материковых не забывала. Сербскую общину многотысячную считала своей семьёй, радовалась, когда из Сербии и новые люди приезжали, помогала им вид на жительство, а то и гражданство получить. Здесь, в южных штатах, в лагерях спортивных и разных детских заведениях, боевое ополчение сербов готовилось. И каждый целью своей жизни полагал: освободить все земли, захваченные албанцами.

Дундич рассказывал о том, как они готовятся к полёту в Белград, какую операцию по освобождению косовской земли задумали.

— Но оружие? — восклицала Драгана. — Для такого дела новое оружие нужно. У наших ребят из физической лаборатории кое-что есть, но насколько оно готово? И дадут ли вам они его?.. Я вот поеду на остров и буду говорить с ними.

Дундич загадочно улыбался, в глазах его вспыхивал победный блеск.

— Есть у нас оружие. Есть.

— А если есть, то и я с вами поеду. Я буду драться на главном рубеже — на передовой.

Дундич посерьёзней, насупился. В голосе его зазвучала тревога.

— А это уж, любезная госпожа, как я понимаю, ваш отец будет решать.

— А я что — маленькая? Я разве несовершеннолетняя?.. Вы меня в свой отряд запишите, и не каким-нибудь рядовым бойцом, а командиром... хотя бы младшим. И звание должны присвоить, для начала ефрейтора. А уж потом я в лейтенанты выйду.

— Будете у нас комиссаром,— пообещал Дундич.

— Когда вы отправляетесь туда, к нам на Родину?

— От вас с острова оружие ждём. Какое-то «Облако», а ещё лазерную пушку нам обещают. Этакая кроха, в карман уместится, а по вертолёту стукнет — он, как уточка подбитая, хлоп на землю. Вы там не видели такую пушку? От вас-то они, наверное, ничего не скрывают.

Дундич посмотрел на часы. Сказал:

— Вот только сейчас к вам на остров небольшой теплоход отошёл, триста молодых физиков повезли,— наши ребята говорят, что все они специалисты по лазерному оружию. Вам-то они всё расскажут.

Глаза Драганы загорелись, но тотчас и погасли. С печалью в голосе проговорила:

— Отец, конечно, всё знает, он и пригласил их, этих физиков, а мне ничего не сказал. Не доверяет. Считает несерьёзной, всякие тайны от меня заводит. Но я сейчас пойду к Эллу, он тоже должен знать.

Порывисто встала и пошла к Битчеру. Он лежал высоко на подушках, листал какой-то журнал. Книг, газет он не читал, но любил смотреть в них картинки. Особенно его интересовали журналы, в которых помещали красочные фотографии девиц. Увидев Дану, он поспешно сунул журнал под матрац. Дана поцеловала его в щёку и незаметно вынула из-под матраца книжку. Элл выдернул её из рук Даны и засунул под матрац с другой стороны. При этом недовольно проворчал: цензура. Драгана поправила одеяло, подушку, посмотрела ему в глаза.

— Что такой невесёлый?

Элл отвернул голову, смотрел в окно. Заговорил тихо и глухо:

— Повезут в Россию к знаменитому целителю всяких костей и позвоночника. В какой-то уральский город Курган. Ты слышала о таком городе?

— Кто решил? Кто повезёт?

— Сопровождать будет профессор Шлиман.

— А папа?..

— Он и предложил мне своего врача. И сказал: «Делать нечего, покорись. Худого ничего не будет, а что до уральского доктора, он известен во всём мире, о нём говорят: волшебник». Ну, я и смирился.

Элл взял Драгану за руку, заговорил неожиданно окрепшим голосом:

— Дануш! Я знаю, ты никогда меня не любила,— я видел это, знал и уж потерял всякие надежды. Но для меня ты была и остаёшься самым дорогим человеком на земле. Мне теперь очень бы хотелось для тебя что-нибудь сделать. Не могу дать много денег — они в ценных бумагах и под контролем совета директоров, но один-то миллиард я, все-таки, разместил на своих счетах. Хочу поделиться с тобой, выпишу чеки на любую половину. Ну, а тебя прошу выделить в своём дворце две-три комнаты, найми повара, врача...

— Хватит! Замолчи!.. В моём лице ты имеешь верного и вечного друга — всегда буду с тобой и буду любить тебя как брата.

Элл уткнулся в её тёплые руки и зарыдал. Дана слышала, как по рукам её текут горячие слёзы.

— Ладно, ладно — а теперь скажи: ты что-нибудь знаешь о физиках из России? Для них, говорят, отец хочет расширить физическую лабораторию и готов выделить на неё большие деньги.

— Папаша твой — жадина-говядина, он денежки не любит выпускать из своих рук, а вот дедушка — тот, будто бы, дал распоряжение такое: превращать твою лабораторию в большой научный центр по исследованию психологии человека. Я твоего деда знаю, мне

ещё мой отец говорил: Белый Драган если уж за что возьмётся, то удержу ни в чём не знает. И денег не жалеет.

— А почему Белый. Я не слышала, чтобы так его называли.

— Ну, Белый потому, что он белый; то ли поседел рано, то ли от природы такой. Ты тоже белая. Вы, сербы, все такие: вас точно мукой обсыпали. Ну, так вот: кажется, дед Драган теперь к нефти интерес теряет, он, конечно, завоеванных позиций и тут никому не уступит, но теперь ещё и за Русский остров взялся. Будто бы отцу твоему сказал: ныне в науку нужно деньги вкладывать. Тут, в науке, золотое дно. Он кроме твоей биологической лаборатории будет создавать и самый мощный в Штатах центр электронно-физических исследований. Ты физика молодого Павла Неустроева видела?.. Его будто бы дед Драган в России нашёл — ему шпионы доложили: самый умный и самый мощный талант в России, этот Павел. Ну, вроде вашего Простакова. Дед Драган и предложил ему место на твоём острове. Вот под него и будут создавать этот физический центр. В Англии и Франции какие-то приборы дорожные заказали, из России тоже везут. Там-то демократы всю науку под нож пустили, в институтах игральные автоматы устанавливают, всякие дискотеки и шоу-клубы наплодили. Ну, твой дед и приказал скупать в России новейшие аппараты и технологии. Он, дед Драган, далеко свой интерес видит. Ну, да ладно: поедешь на остров, там всё увидишь. Я тоже, если ты позволишь, на острове жить буду. Мне видеть тебя надо, знать, что ты рядом, где-то здесь, поблизости.

Элл замолчал и отвернулся. Потом тихо проговорил:

— Какие-то иголки лазерные делать будут. Твой отец особо в них заинтересован. Говорит, оружие это сильнейшее: кто им овладеет, тот и волю свою всему миру диктовать будет.

— Ну, а ты?.. Будешь как-нибудь участвовать в делах моего отца?

— Я?.. А что я? Мне и своих забот хватает. Впрочем, деньги на создание лазерных «иголок» и я дам. Раз уж они так сильны, эти иголки, будем делать.

— А в чём их сила? Как устроены, эти иголки? От меня папаша все секреты прячет. Не нравится мне это.

— Ты девица, зачем тебе забивать голову ещё и этим. Берегут тебя дедушка и отец. И правильно делают. Копаешься ты в своих клетках и геномах, ну и копайся. Хватит с тебя и этого. А иголки... Ну, вот летит ракета, а у тебя электронный глаз, вроде радара,— он все видит и всякую опасность за сотни километров углядит. Ну, и пустит эту самую иголочку. А она тончайшая, будто нить волосная, а силу имеет страшную. Любую дуру водородную на распыл пустит. Имей мы с тобой такую иголочку, нас бы так не шарахнуло.

— Говорят, в России много таких хитрых средств русские мудрецы придумали, да только все они за рубеж утекают,— к нам в первую очередь и в Израиль. Я от дедушки слышала.

— Вот твой дедушка и нашел в России такого парня. Ну, ты с ним скоро познакомишься поближе. Только не влюбляйся в него; говорят, он женат и четверых ребят имеет.

— Ладно,— пообещала Драгана.— Так и быть, влюбляться в него не буду. Да я же видела его. Он мне и не понравился: смурной какой-то, а я люблю весёлых. Вот как ты, например. Ну, да ладно: тебе лечение нужно, а не лазеры. Ты лечи свой позвоночник, а когда уральский волшебник поставит тебя на ноги — тогда займёмся и оружием. Мы с тобой молодые, нам долго жить надо, а без оружия в нынешнем мире не проживёшь. Я бы тоже на острове иголки такие поставила. Пусть никто не суётся к нам. И не бойся никого, доверься окружающим тебя людям и укрепляй дух. Налаживай хорошее настроение. Не дай Бог, если к тебе, как змея, заползёт уныние! Тогда уж и никакой доктор не поможет.

Драгана трижды, по-славянски, поцеловала парня и направилась к двери.

Она дождалась отца, и поздно вечером, почти в полночь, они с ним вдвоём сели ужинать. Драгана как бы между прочим сказала:

— А зачем Элли лететь в Россию к уральскому доктору, его можно же и сюда позвать. Пошлём к нему персональный самолёт, пусть возьмёт с собой свои приборы и летит к нам.

Губернатор смотрел на дочь с явным интересом и удовольствием; ему нравился её смелый и гуманный проект. Он сказал:

— Я как-то об этом не подумал. Мы сейчас пойдём к нему и предложим твой вариант.

Минут через десять они сидели возле постели Элла и губернатор говорил:

— А что, если доктора сюда к нам позвать?.. Это она вот такой вариант предлагает,— он кивнул на Драгану.— Зачем тебя мучить. Пусть он к нам летит, а мы ему хорошенько заплатим.

— Хорошо бы, да боюсь, у него там приспособления громоздкие.

— А вот мы сейчас узнаем и обо всём договоримся.

Губернатор позвонил своему чиновнику по особым поручениям и попросил сейчас же связать его с уральским доктором. А уже через десять минут доктор был на проводе. Предложение губернатора ему понравилось, и он изъявил готовность лететь немедленно.

— Ну, ты всё слышал.

— Да, слышал. Большое вам спасибо.— Посмотрел на Драгану: — Тебе, Дана, благодарность особая. Хорошая мысль пришла в твою умную головку.

На том они расстались и пошли спать. Но сон в эту ночь ко всем им долго не приходил. Они думали, они надеялись, что Элл скоро встанет на ноги и совсем поправится.

Курганский целитель прилетел через три дня и сразу же принялся за дело. Вначале он изучал рентгеновские снимки, анализы, затем приступил к процедурам. Ему ассистировали прилетевшие с ним два молодых парня. Лечение продолжалось несколько дней. Драгана вечерами приходила к Элли. Вместе с ним она ужинала, сидя у его постели, читала ему книги, газеты, новые журналы. Ощутимых результатов пока не было, но доктор говорил: «Не сразу, не сразу, однако же чего-то мы, а добьёмся». Элл просил Дану заниматься своими делами, но Драгана оставалась. А когда Элл стал беспокоиться её вынужденным бездельем, она сказала:

— Ты прав, у меня как раз в это время много дел, но и оставить тебя одного я не могу. Вот если бы можно было тебя безболезненно переправить на остров, и если бы ты этого захотел?

Элл согласился, и они стали готовиться к перелёту.

Подлетая к острову, ещё издали Драгана увидела белоснежную, как чайка, яхту своего дедушки. Обрадовалась. Дедушка Драган был самой большой любовью внучки, и она, увидев его яхту, была счастлива.

Хозяйку острова у входа в её дом встречали дедушка, дядя Ян, Арсений Петрович, Простаков и недавно прилетевший физик Павел Неустроев. В таком составе они решили объехать остров и выбрать площадки для строительства новых поселений, но узнав, что скоро прилетает Драгана, решили подождать её и ехать вместе. Когда же увидели Элла и уральского доктора с его приборами и помощниками, то решили на несколько часов отложить поездку и помочь прилетевшим устроиться в доме.

Дед Драган похвалил внучку за то, что привезла Элла, и сам выбирал для них комнаты, помогал разместиться. Наперебой хвалили доктора за первые успехи в лечении, которые были налицо и очень всех обрадовали.

После этого вышли на улицу и разошлись по машинам. Драгана села рядом с дедушкой, с ними же ехали Борис Простаков и Павел Неустроев. Арсений Петрович и Дундич сели в машину адмирала. Всего лишь месяц не была хозяйка острова в своих владениях, а всюду видела, какую бурную деятельность развернули тут дядя Ян и его помощники. По многим приметам, которые не ускользнули от Драганы, она могла судить о боевом настроении Простакова. Было видно, что он бодр, весел и полон желаний

действовать, принимать всё новые и новые пополнения учёных и, конечно же, вместе с Неустроевым трудится в лаборатории, совершенствует свои целебные импульсы. Большая радость прихлынула к сердцу Драганы, когда она узнала, что в лечебном корпусе Простаков ежедневно пролечивает тридцать, а то и сорок больных и с каждого облучённого берут по двадцать пять тысяч долларов. Прикинула, какие деньги потекут на их счета и какие возможности появятся у них для развития всей жизни на Русском острове. А тут ещё дедушка словно бы между прочим обронил:

— Через два-три месяца закончим пристройку к лечебному корпусу и мы будем пролечивать уже сотни человек в день. Я позволю на Кубу — там у меня много друзей — и предложу наши услуги. К нам будут приезжать жители и других островов Карибского бассейна.

Проехали мимо корпусов биологической и физической лабораторий. Достраивался новый корпус экспериментального цеха, — тут уже производились лечебные приборы Простакова. На склонах холмов, точно шлемы древних рыцарей, тянулись в ряд недавно поставленные палатки и возле них трудились женщины, резвились ребяташки. Тут временно размещались прибывающие каждый день новые партии учёных, строителей и всякого рода работников.

В самой верхней точке острова на высоте семисот метров в долине между бурыми скальными столбами машины остановились. Дедушка Драган показывал рукой границы будущего поселения, которому тут же и дали название Светлый — это от специальности физиков: все они были лазерщиками и трудились над какими-то лучами, способными прожигать любую толщину металла и внутри самолёта, ракеты или снаряда создавать огромную температуру. Для лазерных пушек не нужно громоздких аппаратов, они, как и приборы Простакова, умещаются в кармане, — можно себе представить, какое могучее средство обороны получит страна, обладающая этим оружием!

Дед Драган спрашивал у своего сына адмирала:

— Сколько времени вы отводите на строительство посёлка?

— Полгода.

— Это много. Триста типовых домиков — полгода. Да вы свяжитесь вот с этой строительной фирмой...

Достал из кармана блокнот и сообщил адмиралу координаты директора фирмы.

— Скажите, что я его просил поставить здесь сборные дома за три месяца.

— Да, я слышал, что можно ускорить, но будет дороже.

На это дедушка Драган ничего не сказал. Деньги он умел считать и ценил тех, кто умел их экономить.

В полдень вернулись домой, а Драгана пошла с Арсением Петровичем в лабораторию. Старик был бодр, весел, — ему нравился размах, с которым дед Драган разворачивал все дела на Русском острове. Говорил Драгане:

— Ну, дед у вас, ну, человек, ну, характер!

— А дядя Ян? Он тоже человек, тоже характер. У меня и ещё есть дядя — тот живёт в Белграде. Он профессор и преподаёт философию. Всегда и всем на свете доволен. Говорит: таков ход истории, такова наша стезя. Народы, как люди: они рождаются и умирают. Наш народ заплесневел, обмяк, из него вышел дух — он тоже может умереть.

— Ну, такая философия мне не нравится.

— Мне тоже, но дядя таков, он философ. А зовут его Саввой. Я его тоже люблю. Не знаю почему, но дедушка и все его сыновья мне нравятся. Папа — тоже.

— Ты добрая, — сказал Арсений Петрович, открывая кабинет и пропуская вперёд Драгану. Завидую тому человеку, которого ты полюбишь.

Учитель не ведал, конечно, что словами этими задел самую чувствительную струну её нынешнего состояния. Она вспоминала о дядях, а думала о Простакове. Она и во время поездки лишь украдкой взглядывала на него, но думала всё время о нём, и только о

нём. На материке у неё происходили бурные события: потерпели катастрофу с Эллом, было много важных разговоров с отцом, но именно там она окончательно убедилась, что Простаков — её судьба, без него нет для неё жизни, и она не представляет, как сможет жить дальше, если убедится, что он её не любит. А что такое может случиться, она вдруг с какой-то пугающей ясностью убедилась вот сейчас, во время поездки по острову. Он был с ней холоден, встретил её, как чужую, и во время поездки на неё почти не смотрел. Она ждала его взглядов, улыбок, но их не было. Борис проявлял несвойственную ему серьёзность и деловитость, уделял ей столько же внимания, сколько и другим. И сейчас она пошла за учителем с единственной целью что-нибудь узнать, что-нибудь выведать о настроении молодого биолога, о том, как он к ней относится. Но позволь! Ты ещё совсем недавно себе говорила: способна полюбить человека необыкновенного, гения или героя, рыцаря, идущего по жизни без страха и сомнений. Теперь же тебя и вовсе не интересует, будет он работать над своим «Импульсатором» или, как сказал ей перед отъездом на материк, бросит все свои работы. Но где же твои мечты о герое?.. Тебе совершенно безразлично, чем он будет заниматься, как и где собирается жить? Ты любишь его, и этим всё сказано. И не просто любишь, а вся трепещешь от желания знать, а как он относится к тебе? Есть ли в его сердце хоть маленький уголок для тебя? Ах, как это ужасно, что вынуждена оставаться наедине со своей мукой! Учитель, склонившись над столом, что-то пишет и чертит, он равнодушен к их отношениям, он, кажется, и не догадывается о её чувствах к молодому учёному. Впрочем, тут же она себя спрашивала: а почему Арсений Петрович должен догадываться о каких-то её чувствах к Простакову?

Не в силах справиться со своим нетерпением и каким-то внутренним иссушающим жаром, она поднялась с кресла, ходила по кабинету. Подошла к учителю, обняла его голову:

— Я рада вас видеть такого.

— Какого?

— А такого, как сегодня. Я рассталась с вами на месяц, и как вы за это время помолодели. Вы какой-то новый, бодрый и сильный; видно, врачи вас хорошо подлечили.

— Не только меня, но и всех наших ребят. Драганушка, милая. У нас такая радость, что и сказать боюсь: как бы не сглазить. Адмирал перевёл на счёт лаборатории большие деньги. Я послал в Россию ребят, дал им задание: завербовать ещё триста специалистов. А?.. Как это тебе нравится?

— Драгана улыбалась, кивала учителю, но слов одобрения и, тем более, восхищения не находила. Ей как раз в эту минуту пришла в голову мысль: а как же Элл? Ты совсем о нём забыла. Ты должна его выхаживать, ты не можешь его обидеть.

Покалеченный Битчер возник перед ней как ещё одна проблема,— почти неразрешимая. Она должна помочь ему встать на ноги. Она не может его огорчать. И если вдруг завтра откроется, что Простаков её любит, как она поступит с Битчером?..

А между тем Арсений Петрович продолжал:

— Ваш дедушка — удивительный человек! Вызвал с материка две строительные бригады, нам везут лес, кирпич, отделочные материалы. А сверх того, в Англии мы заказали новейшие приборы, много самых дорогих реактивов,— у нас с тобой теперь целый институт будет. Но позволь: ты, кажется, не разделяешь мои восторги? Ты чем-то озабочена?

Драгана на ходу придумала отговорку:

— Меня огорчает конспирация отца и дяди. Я-то почему обо всём этом узнаю последняя?

— Ах, дурочка! Девочка моя!.. Да они и не говорят тебе обо всём этом, не желая загружать твою головку такими пустяками. Я им доложил, какие новые открытия ты совершила в последние три месяца. Они теперь лягут в основу всех наших будущих исследований.

— Какие же это открытия? Я что-то не понимаю вас.

— Да, да — мы ведь, кажется, ничего не говорили о твоих последних будто бы незначительных наблюдениях, а они, между тем, с головы на ноги переворачивают все наши прежние представления. Геном национальности, а также и расовый геном приказал долго жить, ты его прихлопнула, опрокинула. Изучая таблицы твоих последних наблюдений, я пришёл к выводу, что национальная структура клетки чаще всего имеет свою единую формулу, но отдельные элементы этой формулы встречаются и у людей другой национальности. Исследуя двадцать немцев, ты нашла у трёх из них русский, сербский геном. С чего бы это? А?..

— Нет тут никакой тайны: человек считает себя немцем, а того не знает, что среди предков у него есть русские или сербы. Вот и залетел от них этот самый... славянский геном. Из пяти арабов один тоже русские элементы имеет. И тут замешались предки.

— Ну, это ты так думаешь, красавица моя, а я имею смелость с тобой не согласиться. Тут, девочка моя, замешана сила Божественная. Да, да — Космическая сила. Оттуда идёт, сверху.

И Арсений Петрович поднял палец к потолку.

— Божественная это сила! А проще сказать — духовная. Геном — явление не столько материальное, сколько духовное. Да, моя радость: духовное. И если мы это признаем, то полетят вверх тормашками все наши представления о природе человека. Вот на какую жилу ты напала! Вот какую глубину копнула! Да ты теперь у нас не Софья Ковалевская, не Мария Кюри-Складовская, а птица в науке этак раз в пять и покрупнее будешь! И это в твои двадцать три года! Вот она, в чём штука, моя родная! И почему я показался тебе таким бодрым, весёлым и могучим. Я в лице своей юной ученицы вдруг увидел гиганта, перед которым в одночасье сникла вся классическая биология. И физиология тоже. А с ними и — психология человека, из которой, как из океана, вытекает вся художественная литература, все виды искусств. Мы теперь можем утверждать: все межнациональные отношения объясняются уже иным образом. И природа войн, истоки патриотизма, ручейки трусости и могучие реки героизма — вся суть поступков человека представляется теперь иначе. Вот что ты сотворила! Какую глыбу сдвинула с места!.. Оттого я и такой весёлый, и такой сильный. Величием открытия твоего на меня пахнуло, восторг неопикуемый распирает моё сердце!..

Арсений Петрович достал из сейфа толстенную папку, смахнул с неё тряпочкой пыль и, положив на неё, как на Библию, руку, сказал:

— Я стар, со мной всякое может случиться, а вот здесь мои записки, мысли мимолётные и мысли, нажитые за всю жизнь,— бери её себе и на досуге просматривай. Одну такую папку я уж передал Простакову, а теперь вот ещё и тебе даю. И физику Неустроеву дам, и Ёвану Дундичу... Копий с таких папок я решил сделать десяток. Секретов тут никаких нет, властей я не боюсь, одного только хочу, чтобы люди молодые знали, как я смотрел на события своего времени, на деятелей больших и малых; где-то я, может быть, и ошибаюсь, но за целую-то жизнь и кое-что дельное отпечаталось в сознании. Ошибки уходящих поколений служат в поучение будущим. Читай, Дануша, и думай, а когда пройдёт много-много лет, и облик мой сотрётся в вашей памяти, тут мои фотографии напомнят обо мне. На листах тетрадей я много фотографий наклеил, весточек моего времени. Пусть и они напоминают вам о двадцатом веке, когда отцы ваши и деды сделали прорыв в космос и вовнутрь атома.

И Арсений Петрович протянул Драгане свои папки.

Вечером Драгана рано легла в постель, раскрыла одну из папок учителя. Она любила читать лёжа. Вот и теперь придвинула к себе настольную лампу, читала:

«Что меня поразило и во что я с трудом верил:

За время сталинского правления из русских высшее образование получал лишь один процент. Девяносто девять процентов было дипломников у евреев. Вот вам Сталин,

вот вам сталинская эпоха! И тот же единственный процент русских совершал почти все открытия в науке и технике. И как бы двинули науку и технический прогресс, если бы русских с дипломами было хотя бы двадцать человек на сотню!..

Слышу, как завопили, забились в истерике мои вечные противники и оппоненты — из тех девяноста девяти: национализм, шовинизм, враньё и зазнайство!.. А куда вы денете академиков Тамма, Зельдовича, Векслера, Иоффе?..

Успокойтесь, господа! Недаром ещё древний историк Плиний сказал: "Евреи любят шум и смятение". А что до Тамма, Зельдовича и прочих титанов науки, так разве не о них сказал Сталин: "Это те самые академики, которые много обещают и ничего не дают". А уж не он ли, Отец народов, так нежно любил и пестовал ваше племя?.. И разве не он поставил вас на директорство едва ли ни во всех академических институтах?..

Кстати, процент дипломированной молодёжи и среди прибалтов, и кавказцев составлял примерно цифру тридцать. Русский народ в порыве своей извечной доброты выпускал вперёд своих младших братьев. Сам же у станков и на колхозных полях горбатился, одевал, поил и мостил дороги в братских республиках. Сталин и тут проявлял свою гениальность, кстати напрочь забытую теперешними русскими патриотами, тоскующими по "сильной" руке. Замечу тут мимоходом: да, сейчас сильная рука на русском троне как никогда нужна русскому народу, но, может быть, мы посадим на трон Саакашвили или западенца Ющенко?.. На русском троне нужен русский человек — и в этом заключена вся Русская идея, которую так старательно, днём с огнём ищут политологи сплошь нерусского происхождения. России — русская власть, и тогда все проблемы разрешатся сами собой. Вот в чём дело, господа хорошие. Свой человек в Кремле нам нужен, а не кавказец или польский шляхтич, и даже не украинец. Когда уж вы поймёте, доверчивые и глупые русские люди?.. Если уж Господь сподобил вас завести семью и собственный дом, так будьте в этом доме хозяином, а не отдавайте жену свою и детей малых заезжому молодцу.

И пусть не обижаются на меня наши бывшие братья из советских республик: горбачевская перестройка показала нам силу вашего братства. Суд истории над вами ещё впереди. Мы помним, как грузины, армяне и послы прочих народов на коленях ползали у трона русских царей и просили взять их под свою опеку и охрану; и цари брали, а русские люди верили, что будут они нам верными друзьями. И только теперь увидели: как волка ни корми, а он всё в лес смотрит. Куда смотрит, зачем смотрит, чего он ждёт от леса — и сам того не ведает. Орала о свободе, независимости, а как только освободились, так тотчас же и попали в объятия к американцам. А те на границах с Россией построили военные базы, подтянули самолёты, ракеты. Спасибо вам, дорогие наши вчерашние братья грузины, азербайджанцы, чеченцы, латыши и прочие таджики. Нерадивых плетью лечат, а дураков сладкими посулами. Речей от вас сладких мы слышали довольно. Но, может, теперь-то хоть умнее станем. И тогда скажем вам: спасибо за науку.

За освобождение Польши от немецких захватчиков мы положили на полях сражений шестьсот тысяч своих парней, а что же получили?.. А в одной только битве за Будапешт полегло восемьдесят тысяч ребят. А сколько наших погибло в Болгарии, Чехословакии, в странах прибалтийских?... И что же?.. Ныне та же Польша с мольбой и со слезами на глазах просится в Евросоюз, то есть к тем же немцам, которые дотла спалили Варшаву, и готова окружить нас заморскими военными базами. В Будапеште срыли памятник советским воинам, даже в нашей славянской Болгарии хотят сбросить памятник русскому Алёше!.. Спасибо вам, братья славяне! Да только есть ли в ваших жилах хоть капля славянской крови?..

Во время войны с немцами наши отцы и деды свернули шею Гитлеру, вырвали из газовых печей евреев, не дали Гитлеру окончательно решить еврейский вопрос, — и ради этого положили двадцать миллионов солдат и столько же мирных жителей, и ко всему прочему благодаря бездарным генералам откатились к Волге, позволили сжечь и разрушить пол-России... И что же взамен?.. А взамен бесшумная война с агентами

влияния, полная катастрофа, оккупация и власть олигархов, среди которых ни одного русского! Спасибо вам, господа евреи! Отплатили, научили, а вам, русским дуракам, так того и надо. Как сказал взлелеянный Кремлём поэт Гангнус: вы — навоз, солома, другой судьбы и не заслужили.

Наши нынешние господа евреи, читая эти мои строки, посмеиваются: как же! Иван признаёт нашу победу! А умники из русских ворчат: де, мол, резковато, не такая-то уж и победа. Диссиденты и раньше гнездились в Кремлёвских палатах, среди сталинских соратников и раньше не было русских, а если копошились там Ворошилов, Молотов, Хрущев — так женушки у них из тех же... а русский под сапогом жидовочки — самый что ни на есть палач и мерзавец. Они таковыми и были, сталинские соратники. Сталин — не Екатерина Вторая, приличных людей возле себя не держал, он их или высылал, как выслал на Урал подлинного творца Победы Жукова, или запирали в тюремную камеру и морил голодом, как это сделал с величайшим из русских учёных и благороднейшим из людей академиком Николаем Ивановичем Вавиловым. Представляю, как при этих моих словах завопят нынешние патриоты. А мне не страшно. Говорить то, что думаю, я своё право выстрадал всей своей жизнью. Вот и говорю. А вы, друзья хорошие,— и те, что власть в Кремле захватили,— там нынче много Ивановых, но ни одного русского!.. И те, кто в патриотах ходит, но многого ещё не понимает, слушайте и на ус мотайте. И тем и другим наука жизни нынешней пригодится».

Драгана и ещё бы читала, но служанка доложила:

— К вам пришли.

И она с радостью спустилась вниз и увидела Простакова и Неустроева.

Села в своё легкое любимое креслице, пытливо оглядывала гостей. Начала с неожиданного вопроса:

— Я слабая бедная женщина, а вы заставляете меня заниматься хозяйственными делами. Науку забросила, сижу за расчётами и совсем в них потерялась.

Павел Неустроев сказал:

— По всем хозяйственным и денежным вопросам я обращаюсь к адмиралу. Он будто бы главный распорядитель. И слава Богу! Он пока ни в чём мне не отказывает. Со дня на день мы ожидаем теплоход с новой партией физиков и семьями наших сотрудников. Дома для них строим. Я хотел доложить вам об этом.

— И хорошо, что мой дядя забрал все бразды правления. Я об этом его просила. И в первые же дни после выхода в отставку он проявил свой мужской и военный характер: в два раза увеличил стоимость санаторных путёвок и всего комплекса услуг. Мне он сказал: «У нас клиенты всё больше из "новых русских", а у них деньги краденые; они в России все банки ограбили,— говорят, за время новой власти три триллиона долларов из казны русской умыкнули. Вот мы их карманы и почистим».

Хозяйка острова отстранилась на спинку кресла, сжала кулачки на подлокотниках, смотрела подолгу — то на одного, то на другого. Свою сентенцию заключила словами:

— Да, я вот так решила. А недавно в мои карманы упали новые деньги, хорошие деньги, будем и их тратить. Для надёжности разместим их в разных странах, и в белградские, и в московские банки заложим. Там теперь правители боятся народов, потому как славянский мир ненавистью дышит. Там лет на десять и финансы, и экономику в покое оставят. Вы скажете, откуда она, такая зелёная, всё это знает? На этот вопрос отвечу: умных людей умею слушать. И память у меня хорошая. А теперь задавайте свои вопросы, а если нет вопросов, будем чай пить.

Простаков спросил:

— И все-таки непонятно, почему мы так скоро должны тратить деньги? Наша лечебница принимает много больных, будем принимать ещё больше,— деньги, я надеюсь, мы заработаем. Хорошо бы их с толком тратить и не торопясь.

Драгана устремила взгляд в открытую дверь балкона, задумалась. Потом тихо проговорила:

— Доллар падает в цене быстрее, чем мы ожидали. Скоро и Америку, и Европу поразят дефолты, а там и кризис пожалует. В мировое правительство залезли молодые ребята, поражённые бешенством реформаторства,— ну, такие, как Чубайс и Гайдар в России. Им не терпится, неймётся поскорее известить население теперь уже не одной только России, а и всей планеты. Они торопятся. А и нам надо спешить. Я хочу каждому из вас выделить средства из своего личного бюджета. Распоряжайтесь сами, двигайте свои проекты, улучшайте жизнь сотрудников, стройте школы, больницы, ясли: в районе каждого посёлка разводите фруктовые сады, заводите по нашему славянскому образцу огороды, расширяйте посадки красного дерева и стройте мебельные фабрики. Пусть наша мебель из красного дерева покорит все южные штаты Америки, а там и шагнёт в Европу. Мы должны научиться делать деньги,— много денег! Дядюшка хорошо это придумал, что дерёт шкуру с «новых русских». Я буду отдавать часть денег на содержание русских и сербских сирот. Мы привезём на остров несколько тысяч беспризорных детей и на эти деньги будем их кормить и учить.

Каждого из гостей Драгана огорошила неожиданностью своих предложений и смелостью суждений, однако раздумывать долго не давала; озарила всех дружеской улыбкой и пригласила к столу.

Украдкой бросала чуткие взгляды на Простакова; с радостью заметила: он смотрит на неё пристально и сердечно и как бы говорит: вы наша госпожа и мы готовы вам во всём покоряться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Адмирал Ян получил зашифрованную телефонограмму от брата-губернатора: «Срочно вышли ко мне Драгану и Павла Неустроева».

Драгана хотела бы связаться с отцом, но он для своих близких завёл правило: по телефону не звонить. Никто не должен знать, кто из семьи губернатора где находится и что делает. Так он прячется от журналистов и всякого рода противников; телефоны прослушиваются, врагов у губернатора становится больше,— особенно их стало много теперь, когда Урош Станишич решил бороться за пост президента. И недавно, когда Драгана жила у отца и с ней и с Эллом случилась ужасная катастрофа, губернатор сказал дочери: захочешь куда поехать или пойти, дай знать Жанетте: у неё всегда найдётся два-три парня для твоего сопровождения. Теперь, после нападения с вертолётки, губернатор решил усовершенствовать и усилить охрану свою собственную и своих близких.

Дядюшка Ян приказал через час вылететь на материк. И в точно назначенное время хозяйка острова и русский физик Павел Неустроев поднялись в воздух и взяли курс на Дом Волка, где их ждал губернатор.

Павел сидел на диване рядом с кабиной пилота, а Драгана расположилась напротив у окошка, из которого любовалась небом и океаном. Она могла бы пройти в свой собственный салон и пригласить к себе физика, но предпочла общий салон. Изредка поглядывала на Павла, хотела бы знать, о чём он сейчас думает. И знает ли он хотя бы приблизительно, зачем это их пригласил к себе её отец. Поманила Павла, предложила ему сесть с ней рядом. Сказала:

— Вы очень важный, и я вас стесняюсь. Но мне бы хотелось сойтись с вами поближе и втереться к вам в доверие.

— А вот этого я бы не советовал вам делать. Меня самого тяготят секреты, которыми окружена тема моих занятий, а тут ещё и вам вешать на себя мои проблемы.

Помолчав с минуту, добавил:

— В России я заключил контракт на работу в Штатах, а ваш остров будто бы и не в Америке, а на Багамах.

— Да, на Багамах, но американские военные арендуют у нас территорию. На острове у них какая-то секретная лаборатория, её зовут физической.

— Ну, если так, а то я уже было намылился...

— Что значит, намылился? Ах, да — собрались возвращаться домой.

— Извините. Я, кажется, выразился не совсем литературно, но я человек простой, в молодости занимался спортом. Там у нас и лексикон попроще.

— Спортом? Каким же видом?

— Гонял в футбол, а попутно толкал штангу. Потом бросил и то и другое. Физика и футбол не стыкуются, а штанга тем более.

— У вас фамилия интересная. С каким-то таинственным значением.

— Я к ней привык. Она мне даже кажется поэтической. Будь я Есенин, я бы стихи о ней написал.

«Есенин,— подумала Драгана.— Наверное, Простаков ему сказал о том, что Есенин — мой любимый поэт».

Павел заметил, что она улыбнулась, решил, что производит на неё странное впечатление. И он не ошибся: большой, громоздкий, он не знал, куда себя деть, как вести себя и что говорить. Обыкновенно смешливый, ироничный, он в беседе с друзьями в карман за словом не лез, но тут не знал, о чём говорить с этой молодой и такой яркой девицей. Он будто бы даже и робел, чего раньше за собой не замечал. А Драгана смотрела на него со всё возрастающим интересом и ждала, о чём же он будет с ней говорить. Но он продолжал молчать, и это несколько смущало девушку. Стороной сознания у неё шли мысли: странные они, русские ребята! Вот и этот... Глаза цвета неопределённого — то ли серо-синие, то ли зелёные. И весь он какой-то нескладный, несобранный, и будто бы даже растерянный. А между тем, ей отец говорил: «Этот физик очень важная птица. На него наши военные возлагают большие надежды». Но вот чего не могла понимать Драгана: парень вроде бы и грубоватый, на учёного мало походит, а она о нём думает. Давно заметила в себе какую-то странную черту: её больше, чем другие, интересуют русские люди, особенно парни.

Мысли эти ей казались не вполне деликатными, она в такие минуты словно бы смотрелась в зеркало и не очень-то себе нравилась. И начинала думать о другом. Но и всё-таки, мысли о любви, о кандидатах в мужья ей всё чаще теперь являлись, и почему-то в этих своих тайных думах предпочтение каждый раз отдавалось ребятам русским. И это был вопрос, на который ответа она не знала. Впрочем, иногда являлись догадки, что тут помимо её воли работает глубинный и неодолимый механизм генетики — та первородная основа, которая служит фундаментом всех наших побуждений, особенно если это касается стороны деторождения. Тут несомненно просматриваются корни древнейших племенных формирований; подтверждение того факта, что русские являются коренным народом, из которого со временем истекли все малые племена славянского людского потока. Драгана имела в своей судьбе два несчастья: одно, что отроду была наделена умом пытливым и глубоким, а второе — Бог привёл её в науку о природе человека и всего живого, в биологию. Здесь она ещё молодой девочкой, едва окончив школу и учась на первом курсе биологического факультета, узнала из лекций и книг о вещах, поразивших её воображение и на всю последующую жизнь ставших руководящими в её поведении. Первое, что овладело умом и сердцем: узнала о последствиях бездумного подхода к замужеству и продолжению рода. Записала себе в тетрадь высказывание английского премьера Дизраэли о том, что смешение людей разных национальностей ведёт к вырождению. Дизраэли был евреем, он много думал о сохранении своего племени, вынужденного жить в рассеянии по всей земле. Лидер мирового еврейства предупреждал своих соплеменников: женитесь и выходите замуж только за своих! Не смешивайтесь, иначе погибнете. Храните свой народ, своё племя, свою семью!

Профессор, читавший лекции, подкрепил эту мысль крылатым изречением: женитьбу русского на нерусской, а тем паче на девушке другой расы или цвета кожи, наши прадеды называли собачьей свадьбой.

Грубовато, конечно, но народ в поисках истины слова находил крепкие, разнотолков не допускавшие.

На счастье или на беду, Драгана встретила на своём научном пути Арсения Петровича. Он был прилежным учеником гениального Николая Ивановича Вавилова и продолжал его учение о генетических кодах, о том, какие таинственные вещи творит генетика с человеком. Поразила её страшная для каждой семьи, для народа в целом, а затем и для всего человечества генетическая чехарда, связанная с открытым недавно явлением, названным телегонией, то есть эффектом первого самца. Побыл он с самкой и потомства не произвёл, а следы свои оставил. И кого бы затем ни рожала самка, а черты внешние и внутренние того первого самца из рода в род передаются.

Время пролетело быстро, и наши друзья опустили к домашнему причалу. Здесь они узнали, что встреча с губернатором состоится у них лишь поздно вечером. Разошлись по своим комнатам, и Драгана прилегла на диван и попросила служанку никого к ней не пускать.

Усталость и недавно перенесённый шок от ракеты клонили ко сну, и Драгана, закрыв глаза, уж засыпала, но тут снова закопошились мысли о генетических катастрофах и о необходимости для девушки вести себя строго, целомудренно и до брака никого не допускать к себе,— эти старые, как мир, девические проблемы являлись к ней всё чаще, её стал посещать страх, как бы она нечаянно или по какой-нибудь оплошности, минутной слабости не нарушила эти святые и вечные законы природы и не начала бы производить людей слабых, несчастных, обделённых в самом главном и святом — в принадлежности к роду. Вот и её нареченный с детства в женихи Элл Битчер. Уж на что богат, владеет миллиардами, а как жалок, ничтожен и неинтересен этот человек! Он редко бывает весёлым, чаще всего мрачен, задумчив, а то и впадает в депрессию. Это в его-то годы, когда парню нет и тридцати, когда все радости жизни впереди, а он мрачен, как туча, не заговорит с тобой весело, не засмеётся. И это при том, что он меня любит, безумно любит! А что же будет с ним через двадцать, тридцать, через сорок лет?..

В такие минуты Драгана старается понять, что же с ним происходит, подступает с расспросами, кто его родители, какая у него национальность. А он смотрит на неё и не может понять, что она такое спрашивает. В раздумье заговорит:

— Национальность?.. Откуда же я знаю, какая у меня национальность. Отец мой наполовину ирландец, а наполовину мексиканец, в роду у матери ещё больше намешано. Ну, а я... кто же такой? Да и не всё ли равно, кто я такой. Вы вот сербы какие-то, и знаете, что вы сербы, и часто у вас голова болит за этих сербов, а мне всё равно, кого бомбят, а кого газом травят. Элл Битчер никого не любит и никому ничего не должен. Элл Битчер свободен, он человек мира. Таких любит Америка!..

Мысли текут вяло, сон не берёт Драгану в свои объятия, но и не отпускает из своего храма, где царствуют покой и нега, где душа как бы оставляет нас на время, но далеко не отлетает, а парит рядом и, как нежная мать, нашёптывает сказки, где всё случается к общей радости, к жизни светлой и бесконечной. Драгана от природы человек жалостливый, заботливый и к людям добра и участлива. При мыслях о несчастьях и всяческих нестроениях,— особенно о тех, которые являются к человеку безо всякой на то его вины,— ну, вот к тем, например, кто, как Элл Битчер, рождается без рода своего и отечества, она испытывает мучительное сострадание. И, разумеется, ни в чём она их не винит, и малейшей неприязни к ним не испытывает,— думает лишь о том, как бы устроить жизнь всего человечества, чтобы несчастий подобных было меньше.

Но вот она засыпает и во сне явственно слышит, как под днищем гидроплана раздаются глухие удары волн и машина поднимается в воздух. Шумов становится меньше, и даже реактивные двигатели как будто бы затихают. Драгана смотрит в иллюминатор и

видит, как под крылом в лучах вечернего солнца клубится розово-золотой вязью океан, а высоко в небе бесконечной чередой плывут кудрявые и тоже розовые облака. Драгана то задремлет, то вновь откроет глаза, мечтательно устремляет взгляд к черте горизонта.

Проснулась она в полдень и попросила служанку приготовить ванну. Лежала в тёплой воде и думала о том, зачем их пригласил отец. А ещё являлись ей мысли о «бунте» Простакова. Он будто бы повеселел и, может быть, забыл о своём обещании «не работать», но, может быть, и не забыл, а затаился и не хочет больше откровенничать с Драганой. Вот эти мысли её серьёзно беспокоили. Она боялась, как бы русские парни не замкнулись в себе и не отключили её от своих тайн. А тайны, как известно, дразнят разум, особенно разум женский, который, помимо всего прочего, ещё и природой сильнее, чем мужской, запрограммирован на любопытство. А и в самом деле, являлся вопрос, такой естественный и логичный: кто может поручиться за то, что тёмные силы Америки не возьмут под контроль любое изобретение и не обратят его на пользу только своей страны? Отец говорит: Америка накачивает мускулы, но теряет волю. Её точно корабль в штормовую погоду раскачали волны мигрантов, и она превращается в Содом и Гоморру, желтеет и чернеет цветом кожи, наполняется злобой и жадной убивать. Как-то ночью вблизи от губернаторского дома на улице под фонарём собралась группа бездомных ребятишек и по ним из проезжавшего автомобиля ударила автоматная очередь. Приехал полицейский патруль, собрал их, словно дрова, и отвёз куда-то. Отец пытался узнать подробности и последствия этого эпизода, но полицейский комиссар ему сказал: ах, господин губернатор, стоит ли вам беспокоиться по таким пустякам. Были бы они люди, а то — мигранты, и что же прикажете с ними делать? Отец поспешил перевести разговор на другую тему, но мне сказал, что боится, как бы этот эпизод не стал достоянием прессы. Он скоро начнёт предвыборную кампанию, а тут такая дикая история. Но история никакая не дикая, она становится обычной в жизни современной Америки.

И что же будет с человечеством, если «Облако» русских учёных попадёт в руки американцев? А теперь вот ещё и группа русских физиков во главе с Павлом Неустроевым сотворит какое-то диво!..

Являлось нетерпение скорее обсудить эти вопросы с дядюшкой Яном и Борисом Простаковым и с ними поискать надёжный способ защиты открытий от врагов России и всего славянского мира. И постепенно у неё крепла уверенность, что такие решения они общими силами найдут.

Но вот настал вечер и они собрались в кабинете отца «для серьёзного разговора». Отец начал с прямого вопроса к Неустроеву:

— В каком состоянии находится ваш «Лазер»?

«Лазером» он называл устройство, над которым работал Павел. И тот ответил:

— В самом зачаточном. В сущности у нас даже в голове нет никакого устройства, а только мечты о нём.

Губернатор был категоричен:

— Мечты о таком устройстве есть у многих; наши физики тоже бредят о карманной пушке, способной сбивать ракеты. Но только в Москве в вашем институте близко подошли к проблеме. И, по нашим сведениям, вы работали в группе физиков, решавших эту тему.

— Да, работал. Но уверяю вас: мы не намного ближе других подошли к созданию мини-пушек. У нас сделана «Игла», которая попала к чеченцам, и ею они сбивают наши вертолёты, но «Игла» поражает цели, когда они летят близко. Радиус её действия невелик. Другого пока наш институт ничего не выдал.

Драгана видела и слышала, что разговор ведут двое настоящих мужчин и они другу другу не уступят. Отец смотрел на Павла своим пронзительным гипнотизирующим взглядом, но и Павел взора от него не отворачивал. Драгана слышала сердцем, что Павел близко подошёл к решению темы, но он свой «Лазер» за здорово живёшь не отдаст в руки противника. И девушка мягким вкрадчивым голосом спросила отца:

— А если бы русские ребята уже имели свой «Лазер», неужели мы должны его отдать в руки Америки? Ведь она же враг славянского мира!..

Последние слова она произнесла с нажимом, почти со страхом. И губернатор обратил на неё свой взор, но на дочь он не смотрел так строго. И долго ей не отвечал. Он будто бы даже и пожалел, что и дочь свою пригласил для серьёзной беседы. Но решил говорить с предельной откровенностью:

— Да, ребята, вы правы; Америка — враг славян, она также враг и всех других народов. Она открыто присвоила себе право распоряжаться судьбами стран. Но, видимо, так было угодно Богу. Видимо, Творец отдал ей в руки такое право. И сейчас наступает момент: кто возглавит эту страну на новом витке истории? Мне выпал шанс, и я бы хотел встать у руля этого страшного корабля и, насколько это будет в силах капитана, умерить жестокость пиратской команды. Ваш «Лазер» нужен мне как средство привлечь на свою сторону военных в борьбе за кресло президента. Вы можете сказать: нет, не отдадим мы американцам свой «Лазер»! Но никому другому вы и не можете отдать своё грозное оружие. В России-то у руля — тоже наши ребята. Так куда же вам деваться со своей мини-пушечкой?..

— А куда! — воскликнула Драгана. — Не делать её, и тогда не будет проблемы.

Драгана сидела близко к отцу, и он любовно обнял её за плечи. И, обращаясь к Павлу, сказал:

— Вот видите, какая Жанна д'Арк моя дочь?.. Что вы на это скажете?

И тут же серьёзно заключил:

— Лазерную мини-пушку сделают другие парни. И тогда уже она не сработает на наши интересы. Вот так-то, друзья. А теперь пойдёмте ужинать. Я попросил повара, чтобы он хорошенько накормил моих дорогих гостей.

Он тепло улыбнулся и повел ребят в столовую.

Назавтра они рано утром полетели на остров. По дороге не обсуждали свою беседу с губернатором; было ясно, что он даёт им время подумать. И оба понимали, что думы эти будет нелегко привести к какому-нибудь решению.

На острове Драгану ждал сюрприз: отец по электронной почте прислал адмиралу письмо; в нём содержался приказ: Драгане перебраться на постоянное жительство к дяде Яну и отныне строго исполнять все его распоряжения, а поездки на материк, а тем более к дяде Савве в Сербию, предпринимать только с его, губернатора, разрешения.

За обедом спросила дядюшку:

— Чем вызваны такие строгости?

— Твой отец прав! — чеканил дядя Ян. — И если бы от него не последовало таких распоряжений, их бы ты получила от меня.

Наливая себе вина, постукал пальцем по краю бокала, говорил:

— Ну, а если ты приписана ко мне на корабль, я тебе и вот ещё что скажу: не пей-ка ты, девка, вина. Ни глотка, ни капли. На эскадре случалось, когда я устанавливал сухой закон, а теперь вот и здесь хочу, чтобы ты, моя любимая племянница, напрочь отказалась от спиртного. А?.. Что ты мне скажешь на это?

Адмирал полагал, что Дана воспротивится и даже обидится на такую строгость, но она сказала:

— Хорошо, дядюшка, даю тебе слово: спиртного в рот не брать. Иван Петрович Павлов утверждал, что вино вредно в любых количествах, и даже в производстве лекарств предлагал отказаться от спирта.

— Ну, спасибо, девочка, а то мы тут ужинали с Борисом Простаковым, так он хотя и мужик, и здоров отменно, а вина в рот не берёт. Вот я и думал: как же это так? Он не пьёт, а моя племянница хорошее вино попивает.

— А кстати, дядюшка, как он тут включился в работу, осваивается в лаборатории?.. А что Неустроев? Он-то далеко продвинулся в своих делах? У нас с отцом об этом шёл

разговор, да Неустроев говорит, что у него нет никаких результатов, а только мечта сотворить какую-то мини-пушку. Признаться, мне этот физик показался несерьёзным.

Адмирал долго молчал, будто ничего не знал о физике, но потом сказал:

— Знаю я этого парня, видал его там на материке. Он сулил особо важное открытие, да вдруг потух, закрылся в себе, не мычит не телится. Вроде бы даже речь потерял. Всё больше молчит и думает. К нам на остров его на поправку послали; авось, говорят, там у вас на свежем воздухе он зашевелит мозгами. Он там в России какой-то лазерный микроимпульс нащупал. Ни снарядов не надо, ни самолётов-перехватчиков, а крохотную кнопочку нажал — и любая дура многотонная с неба мешком валится. У них, у русских, и такие чудеса возможны. Я и раньше знал, что они горазды на выдумки, но, если сказать по совести, не верю я ни в какие чудеса. Бывали, конечно, примеры, удивляли русские белый свет, но то было давно. Во время войны с немцами «катюшу» придумали, так эта ихняя «катюша», точно змея стоголовая, огонь изо рта выпускала. Плюнет этак огоньком — и целый полк, а то и дивизию точно корова языком слизнёт. Парень этот, который недавно к нам приехал, тоже какой-то мудрёный приборчик изобрёл, да мне сдаётся, не хочет его в руки американцев давать. Борис Простаков меня тоже озадачил: вдруг скис и помрачнел, и ко мне на обед не пришёл. Врач-психолог говорит, туча дурная нашла на него: шёл-шёл в боевом строю, а тут вдруг котлы потухли. И даже его, врача, не принимает. В лаборатории по двенадцать часов трудится, а ночью на балконе в кресле сидит, шум океана слушает. Уж не пошла ли юзом его головка?.. Ты бы к нему подход какой женский нашла,— может, что и узнаешь.

Драгана не искала встреч с Борисом и с Павлом: по утрам закрывалась в своём кабинете и составляла сметы расходов. Однако и своего основного дела не бросала. Раньше она лишь отчасти занималась проблемой национальных геномов, сейчас же эту проблему решила поставить во главу всей деятельности лаборатории и возглавить весь комплекс исследований по этой щекотливой и не очень-то одобряемой в научном мире проблеме.

А почему не одобряемой?

Ответ на этот вопрос содержится в записках Арсения Петровича. Там он набрасывал контуры новой науки, которую, — он в этом был убеждён, — научный мир так же встретит в штыки, как в своё время были встречены кибернетика и генетика. Основатель генетики в России Николай Иванович Вавилов поплатился жизнью только за то, что посмел заявить: да, генетика есть! Гены лежат в основе всех физиологических проявлений живого и растительного мира. Мракобесы от науки убедили Сталина в необходимости упрятать Вавилова в тюрьму, а затем в 1943-м году и умерить учёного голодом. Вавилов был необыкновенным исследователем, испытателем и собирателем видов и разновидностей, такого масштаба биолога и ботаника наука не знала. Он объездил и обходил полмира, собрал коллекции растений, они стали бесценным достоянием человечества,— и вдруг: его убивают. Кто? За что? Что же это за люди, у которых поднялась рука на величайшего из сынов русского народа?..

Драгана помнит, как ещё в Москве печальную историю Вавилова рассказывал им, ученикам-иностранцам, Арсений Петрович. И недобрым словом поминал Сталина. Ведь это при нём, в годы его правления, и в то время, когда слава его и сила достигли почти мистического влияния, Черчилль сказал: «Я невольно встал, когда вошел Сталин, и даже парализованный Рузвельт приподнялся в своём кресле».

В чём дело? Кто такой Сталин? Почему он убил Вавилова?.. Но, может быть, он не знал, что творил главный палач России Берия? Ну, а кто поставил на этот пост этого страшного грузина?..

И вообще: что это за особи с точки зрения биологии и генетики, способные совершать такие чудовищные, не поддающиеся никаким логическим формулам преступления? Драгана помнит, как у неё невольно вырвался вопрос: «Учитель! Сталина теперь хвалят в вашей стране, о нём жалеют, его бы хотели снова видеть на престоле. Но,

может быть, русские забыли о таких преступлениях ”вождя народов“, может быть, он не знает о них?..»

Арсений Петрович не сразу ответил на этот вопрос, а когда собрался с мыслями, проговорил: «Память народная коротка бывает. А может быть, русские простили ему ещё и потому, что Сталин знал внутреннего врага России, то есть тех, кто ныне разрушил нашу державу. Им-то, этим нелюдям, он бы сейчас не дал ходу и державу русскую сохранил».

Драгана достала из стола чемоданчик с компьютером — новейшим и самым совершенным: у него в памяти все записки, схемы, чертежи и рисунки исследований Арсения Петровича. Засветила экран, и на нём появилась почтовая открытка с изображением ближайших соратников Сталина на то время, когда был заморен голодом Николай Иванович Вавилов,— это произошло в саратовской тюрьме, в разгар войны с немцами. По верхнему полю открытки кто-то написал известную мудрость: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Справа от Сталина: Молотов, Хрущев, Ворошилов, Андреев, Калинин. (Все женаты на еврейках. У всех есть дети.) Слева от Сталина: Микоян — армянин, Каганович — еврей, Берия — грузинский еврей.

Арсений Петрович поясняет:

«Итак — ни одного русского!.. Мне скажут: а Молотов, Хрущев, Ворошилов, Андреев, Калинин? Они-то русские!

Ну, нет, господа хорошие, не скажите. Русский, женатый на еврейке, да ещё вступивший в брак в молодости, да ещё имеющий детей, становится более евреем, чем сам еврей. Я живу и работаю с евреями сорок пять лет, уж в этом-то убедился. Тут срабатывает не только биологический эффект, но ещё и постоянная тревога о судьбе детей. Он смотрит на своё чадо и думает об антисемитах. Ему в каждом русском мерещится антисемит. В его сознании постепенно накапливается ненависть ко всем, кто не еврей, и особенно к русским. Такой человек становится злобным, подозрительным и мстительным. К концу жизни в нём уже столько злобы, что он готов уничтожить весь мир, лишь бы обезопасить себя, свою супругу и своих детей. Недаром же полуеврей Ленин, придя к власти, подписал декрет о жестокой каре за антисемитизм.

Пусть извинят меня нынешние патриоты, превозносящие до небес имя Сталина, тоскующие о «сильной руке» для России. Не хочу умалять их кумира, хотя и не могу ему простить ни разрушения храма Христа Спасителя, ни расстрелов и гонений на Православную церковь и на священников, ни чудовищного убийства моего учителя Николая Ивановича Вавилова, ни убийства Вознесенского, Кузнецова и тысяч других ни в чём не повинных русских людей... Не могу простить и бездарного ведения Великой Отечественной войны с немцами, где мы потеряли в два раза больше солдат, чем наш противник, во время которой превратились в развалины сотни наших городов и десятки тысяч деревень и сёл. Мне скажут: чем-то обижен, обозлён, не объективен. А разве не Сталин одержал Победу в войне с немцами и со всей Европой? Не он разве принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой?..

Так, всё так — и я с этим не спорю. Но войну я видел сам. Мой отец прошёл и проехал, прополз по-пластунски от Валуек до Будапешта. Всё видел своими глазами, слышал своими ушами, трижды был ранен и дважды контужен. Мне он обо всём рассказывал. Не надо мне ничьих мнений и никакой статистики. Война прошла через мой ум, железным катком прокатилась через плоть и душу. Вот моё мнение, и никто не убедит меня в обратном.

И вот вам моя подпись:

Арсений Петрович Чудайкин»

Прочитав всё это, Драгана сделала и свою приписку:

«Обсудить с отцом, дядей Яном и Простаковым».

Потушила экран компьютера, подошла к электронному микроскопу, хотела осмотреть посев клеточной структуры, оставленный на зеркальной подставочке ещё до отъезда на материк, но тут к ней постучали и вошёл Борис. Она повернулась к нему на крутящемся стульчике, но не поднялась и смотрела на него, как на белую стену, без каких-либо эмоций на лице, смотрела так, словно не понимала, что это за существо приближается к ней, зачем оно и почему тут находится — недвусмысленно давала понять, что помнит разговор, происшедший у них несколько дней назад, не прощает и не может простить неожиданно открывшейся ей трусости русского учёного. А Борис будто бы ни в чём не бывало, вынул из кармана мобильник, повертел им перед взором Драганы. Девушка протянула руку, но Борис отвёл мобильник в сторону.

— Нельзя. Штука эта опасная.

В дверь снова постучали, и Борис впустил физика Неустроева. Павел поклонился хозяйке кабинета и от двери не отходил, а открыл принесённую им коробку и вынул из неё три янтарных браслета. Два отдал Борису, а один надел на свою руку. Борис тоже надел браслет, а другой отдал Драгане. Та повертела его, сказала: «Какая прелесть!» и просунула в него левую ручку.

Борис пояснял:

— Браслет непростой; он изготовлен из специальных материалов и призван выполнять важную служебную роль. Он защитит вас от оружия массового поражения. Главная же часть оружия — вот она. А само оружие — вот оно.

Мобильник лежал у него на ладони, миниатюрные кнопки, словно зелёные глазки диковинных насекомых, сверкали на золотой панели.

Драгана осторожно взяла мобильник и стала его разглядывать.

— На оружие не похож — обыкновенный мобильник. И не самый красивый. Мои мобильники куда интереснее.

— Не торопитесь сравнивать. Мы приготовили полигон для испытаний. Если позволите, продемонстрируем вам действие нашего мобильного.

— Я — пожалуй, с удовольствием. А он где находится, этот ваш полигон?

— Совсем рядом. В этом же здании, — в подвале.

— Виварий, что ли?

— Да, виварий.

— Ну, пойдёмте. Кстати, я давно хотела там побывать, посмотреть, хорошо ли содержат и кормят моих зверюшек?

Дана выключила микроскоп и последовала за Борисом и Павлом.

Её недовольство Борисом как-то улеглось, впечатления от поездки, страшное событие, происшедшее на материке, вышибли из головы все мысли о «Розовом облаке», приглушили страсти, и будто бы не было у неё планов, желания борьбы, боевого настроения. И этот вот мобильник... Она повертела в руках изящную игрушку, — и готовность русских парней продемонстрировать какое-то оружие ничего светлого и хорошего в её душе не возрождала, ничто её не волновало. А сообщение Простакова о каком-то оружии массового поражения она воспринимала как шутку.

В конце вивария плотно к стене были приставлены две клетки: в одной бегали из угла в угол, волновались белые мыши, а в другой клетке металась рыжая лиса. Время от времени она лезла на проволочную стенку и визгливо лаяла — то ли от страха, то ли от злости или от какого-то непонятного беспокойства.

— Вы этих животных знаете? — спросил Борис.

— Да, конечно, я проводила с ними опыты. Они не любят друг друга и сильно беспокоятся, если их помещают рядом. Они злобны и агрессивны,— это мы знаем. Но зачем же вам понадобилось их дразнить?

— А чтобы испытать на них средство, приводящее живой организм к покою и равновесию.

Борис отмерил десять шагов от клеток, подозвал к себе Драгану.

— Встаньте вот здесь. Положите на ладонь мобильник, направьте его на клетки и всеми пальцами сильно сожмите корпус. А другой рукой нажмите вот эту кнопку.

Драгана ловко всё это проделала и повернулась к Борису.

— Ну, и что?

— А ничего. Животные волновались, кидались друг на друга, а теперь подойдем к ним, и вы на них посмотрите.

Мыши вдруг, как по команде, успокоились и бесцельно бродили по клетке. И лиса присмирела, удивлённо смотрела на подходивших людей и совершенно их не боялась. Не обращала внимания и на мышей. Простаков поднял дверцу, разделявшую клетки, и лиса мирно поплелась к соседям. Обнюхала одну, другую, улеглась посередине клетки. Мыши подошли к ней, тоже её обнюхали и улеглись рядом. Образовалась идиллическая сцена дружного семейства: маленькие детёныши и заботливая мать посередине.

Драгана не сразу поняла, что же произошло с ними. Спросила:

— И надолго они... успокоились?

— Вы полагаете, это важно?

— Как же неважно. Это самое главное.

— Ну, если самое главное, тогда доложу вам: мир для них наступил на всю жизнь. Лазерный луч, пущенный сквозь инфракрасные излучения, ударил по центру мозга, где гнездятся геномы злобы и агрессии. Я проводил опыты в России: длительность действия облучения простирается надолго, но в опытах на людях это действие, хотя и редко, но со временем ослабевает. Очевидно, тут играет роль доза облучения. Эту зависимость надо ещё изучать.

— А вы проводили опыты и на людях?

— Да, проводил. Втайне ото всех, конечно. Я брал особенно злобных политиков,— так называемых агентов влияния, живущих в России, но служащих Америке,— и бил их по затылку, то есть по гипоталамусу. Они становились как шёлковые, принимали законы, нужные народу, а те законы, которые наше правительство вносило в угоду американцам, они отвергали. Об этих моих опытах знал вот только он, Павел. Теперь же мою тайну узнали ещё и вы.

Хозяйка острова одарила Бориса благодарным взглядом и тихо проговорила:

— Спасибо.

И ещё сказала:

— Если об этом открытии узнают другие, вас выкрадут и подальше спрячут от нас. Помните, пожалуйста, об этом. И особенно надо бояться ваших опекунов: Ивана Ивановича и Ноя Исааковича. Мы не знаем, кто их прислал и кому они подчиняются. Дядя Ян говорит: этих людей бойся и откровений с ними не заводи. А сейчас я приглашаю вас прогуляться на катере, посмотреть наши пляжи, лодочные стоянки, а заодно и пообедать в каком-нибудь из моих отелей.

Некоторое время молодые люди шли по берегу острова по тропинке, пробитой и протоптанной по склонам холмов, скалистых вершин и откосов. Тропинка то поднимала их, то опускала к песчаным отмелям, где в одиночку и группами загорали туристы из многих стран, в том числе и из России. Русские туристы только назывались русскими, но в сущности это были восточные люди, и чаще всего евреи, захватившие в России власть и деньги. Те из них, кто имел много денег, а таких было большинство, вели себя заносчиво, широко сорили деньгами и всячески показывали превосходство над всеми другими

людьми. Иногда, завидев Драгану и поражённые её красотой и статью, мужчины, молодые и старые, приставали к ней, предлагали пойти в ресторан, поразвлечься,— и Драгана делала вид, что внимание «русских» ей льстит, задавала вопросы, признавалась, что и у неё среди дальних предков были русские, но скоро убеждалась в том, что её собеседники и совсем не русские, и как бы даже гордились этим, и вели себя дерзко, нагло,— так, что Драгана, не прощаясь, покидала их. Если же кто-то из них порывался идти за ней и даже брал её за руку, она поворачивалась к нему и тихо спрашивала:

— Вы давно смотрели на себя в зеркало?

— В чём дело? Милочка!.. Вы забываетесь.

— Нет, это вы забываетесь. Пойдите-ка в номер и посмотрите на себя в зеркало.

Подошли к многоэтажному отелю со славянским названием «Боян». Здесь было много машин, людей и среди них негр, всеми руководивший. Он заставлял водителей ставить машины в ряд, кричал на дворников, каких-то рабочих.

Завидев хозяйку острова, он стих, присмирел и, хотя продолжал наводить порядок на площадке перед входом в отель, уже ни на кого не кричал и никого не оскорблял.

— Здравствуй, Додди! — приветствовала его хозяйка острова.— Как наши дела?

Негр подошёл к ней, засветил белизной зубов:

— Пресветлая дева, наша добрая госпожа! Вы любите порядок, мы будем его делать.

— Порядок делайте, но не обижайте рабочих. Они граждане Русского острова — не забывают об этом.

Драгана сказала Борису:

— Если бы я была уверена в том, что ваш приборчик только смягчает нрав, но не причиняет вреда, я бы рада была умерить его гневный характер. Он здесь начальник, но я хочу заменить его. На него много жалоб от рабочих и служащих; он не только кричит и оскорбляет людей, но даже бьёт их. Однажды ударил женщину. Я его дважды спасала от суда.

— Могу заверить,— сказал Борис,— кроме пользы наш приборчик человеку ничего не приносит. Если вздумаете угостить этого Додди, то кнопку нажмите и тут же отпустите. Короткий сигнал не полностью вышибает агрессию.

Дана сделала свой первый выстрел. Чёрный гигант вздрогнул, повернулся, словно кого-то искал сзади, и обхватил ладонью затылок. Затем пошёл к стоянке автомобилей, сел в кабину одного из них и привалился к спинке сиденья.

— Вот теперь он будет отдыхать,— сказал Борис.— У него и вообще-то теперь в жизни хлопот поубавится.

— Но позвольте! — воскликнула Драгана.— А разве не такой же приборчик работает в наших лечебницах? Он уже действует, зарабатывает деньги, а вы показываете мне его как диковинную новость. Только там-то и не прибор вовсе, а какая-то установка, во время сеанса она вся вспыхивает, горит огнями.

— Да, горит и светится, и даже издаёт устрашающие звуки, но это всё для впечатления. Пусть думают, какой это сложный и дорогой агрегат, а в сущности там установлен вот этот наш приборчик. Он-то и производит нужную работу.

— Но в чём же тогда проблема? Прибочик есть, он действует, и — слава Богу! О чём же тогда речь?

— А речь о том, чтобы наладить массовое производство прибора и делать его в разных видах: то пряжка, то брошка, то браслет, а то и замочек на дамской сумочке. И непрерывно его совершенствовать и уменьшать в размерах. Нужен цех, нужна фабрика с большим количеством инструментов и оборудования. Вот об этом мы и ведём с вами речь.

Они направились к отелю. Здесь их встретил главный администратор, расшаркался в любезностях перед хозяйкой и повел гостей в маленький зал, в котором принимались особо важные персоны. Здесь за круглым столом Драгана аккуратно, как самую большую

драгоценность, положила в сумочку волшебный приборчик и, обращаясь к обоим спутникам сразу, проговорила:

— А если этот чудо-приборчик кто-нибудь у меня украдёт или как-нибудь он затеряется — что тогда будет?

— А то и будет, что приборчика у вас уже не будет, а он переключается в карман другого, но тот, другой, слава Богу, решит, что это обыкновенный мобильник и будет пользоваться им как телефоном.

— Но кто-нибудь сможет узнать его секреты?

— К счастью, нет, не сможет. Вот он, мой друг Павел, всё сделал таким образом, что даже сам дьявол не сможет раскрыть его истинной сути. Вся тайна волшебных лучей встроена в электронную схему, и только он один, наш друг Павел, может запускать прибор в дело. Но, конечно же, лучше с ним не расставаться. И даже спать ложитесь вместе.

— Ну, а всё-таки... Мало ли что может произойти.

— Тогда вот к нему, моему другу и волшебнику. Он всё может, всё умеет.

— Ну, ладно. Я всё поняла. Теперь очередь за мной. Я буду говорить, а вы слушайте. Сидите смирно, не перебивайте. Запоминайте каждое моё слово и готовьте мне ответы на все мои предложения.

Два официанта, молодые негры, вошли с подносами и стали расставлять еду, соки. Дана подождала, когда они удалятся, а затем продолжала:

— Я помню, что в Москве, в Институте экспериментальной биологии, где я работала, у нас была физико-химическая лаборатория. А почему бы и нам не завести такую на острове? Тем более, что у нас готов и её руководитель. Я обращаюсь к вам, Павел. Что вы на это скажете?

— Об этом я могу только мечтать, но для её оборудования на современном уровне нужны большие деньги. Приборы и всякие материалы теперь дорого стоят. А кроме того, нужны сотрудники, много сотрудников.

— Ну, сколько? — спросила Дана.

— Человек сто. Тут будут и теоретики, и механики, и литейщики. Для создания таких вот игрушек...— Павел показал на сумочку, в которой лежал прибор,— нужна точная рецептура сплавов. Иногда такие сплавы, которые составляются при помощи глубоких математических проработок. В России сейчас подобных лабораторий наша новая власть не создаёт. Специалисты у нас есть, но хода им не дают.

— Вы так меня напугали... Скажите же поскорее, сколько денег потребуется на создание такой лаборатории?

— Много. Если ваших американских долларов, то миллионов тридцать, сорок, а то и пятьдесят.

Они помолчали. Судя по весёлому беспечному виду хозяйки, названные миллионы её не устроили. Павел, любивший всё считать и анализировать, спросил:

— Сколько мест в вашей гостинице?

— В ней пятьсот мест. Каждый турист, укравший из русского банка деньги, оставляет тут пятьдесят тысяч долларов.

— Много,— сказал Борис.— Ну, а хозяйка этой гармонии... то бишь «Бояна», за вычетом всех расходов себе-то кое-что оставляет?

— В Америке никто и ничего не делает бесплатно. Я как-никак, но тоже американка. А таких «гармоней», то бишь «Боянов», у меня на острове двенадцать. «Боян» из них не самый дорогой и классный.

И обратилась к Павлу:

— Вас, Павел, назначаю директором лаборатории. Сегодня же начинайте составлять смету. Звоните в Россию, сзывайте учёных — самых лучших. Положим им хорошую зарплату.

— Хотел бы знать, что означает ваша хорошая зарплата?

— А сколько платят русским физикам вашего ранга в Англии, Израиле, Австралии?

— Пять-семь тысяч долларов в месяц.

— Хорошо. Мы будем платить десять тысяч. Для начала можете пригласить пятьдесят человек. И каждому в кредит за сходную цену продадим коттедж с наделом земли.

Повернулась к Борису:

— А вы, мой друг...

Назвала его так и долго пристально смотрела в глаза; как бы ему говорила, что галдёж его малодушный она забыла. И минутную слабость духа простила. И ещё давала понять, что высоко ценит «игрушку», лежащую у неё в сумочке. Для её применения у неё уже составился соблазнительный план. Она с этой «игрушкой» чувствовала себя так, как полководец, получивший накануне боя мощное подкрепление. А сейчас Драгана решила выложить перед своими друзьями секреты, известные только ей одной, да ещё самым осведомлённым и высоким людям Америки — тем, кто теперь составил команду отца и шёл с ним на выборы очередного президента. С ними в гостиной её родительского дома, за вечерним чаем или за обедом, она не однажды заводила дружеские беседы. Это они подняли уровень её знаний до такой высокой планки.

Неуверенно, и как бы нехотя, заговорила:

— Мне нравится, что вы не заказали вина. Наука любит трезвых. Где-то я читала, что алкоголь держится в клетках организма четырнадцать дней. Всё это время у нас с вами не работают высшие разделы мозга; та часть головы, где рождаются дельные мысли, совершаются открытия. Ещё будучи в Москве, я от кого-то слышала, как один ваш учёный сказал: «Если бы русский народ был трезвым, он не позволил бы залётным проходимцам развалить Советский Союз». Так я вам скажу в утешение: Америка пьёт больше, чем Россия. Америка, сверх того, ещё и колетя. У нас половина школьников посажена на иглу.

— Теперь и мы научились...

— Да, научились, но вы послушайте строгую даму-статистику: у вас попробовали наркотики десять процентов школьников, у нас же не пробуют, а уже колетя каждый второй. Мальчики в школы таскают пистолеты, едва ли не половина учениц старшего класса делали аборты. Девушки не хотят заводить семью, они ищут партнёров. А дочери состоятельных родителей уже с пятнадцати лет с их разрешения заводят мальчиков.

— О-о-о!..— взмахнул руками Борис.— Таких-то прелестей!..

— Такие прелести и к вам напоззли от нас, но вы дослушайте меня до конца. Я не люблю речей, нет склонности у меня учить, наставлять,— тем более таких умных, таких важных и, может быть, даже великих мужей, как вы. На моих счетах имеются деньги, и я хотела бы поскорее вложить их в дело, по крайней мере, пока Америка и её доллар держатся на плаву. Однако я знаю, я почти уверена: век Америки недолог. К нашим берегам подбирается цунами пострашнее раз в сто того, что недавно поразил острова в Индийском океане и берега Шри Ланки. На нас цунами налетит не с моря, он ударит изнутри, поразит в самое сердце — и тогда уже не тростниковые и бамбуковые хижины будут сметены гигантской волной: тысячи небоскрёбов рухнут в одно мгновение, и никакие спасатели, никакие благотворительные фонды не придут к нам на помощь. Америку поразит Господь за всё то зло, которое она несёт миру.

— А наш славянский остров? Его-то не заденет этот страшный цунами? — не сдержал своего любопытства Павел.

Драгана ответила тихо и спокойно:

— Нет, наш остров цунами пощадит.

— Вы так уверенно говорите? — удивился Борис.

— Да, уверенно. Потому что я знаю. Цунами пошлёт на нас Бог, а Бог бережёт славян. Славяне, и, прежде всего, русские,— люди православные. Их Бог отличил от всех

других народов и мать-землю славянскую назвал Святой Русью, и поручил ей миссию продолжения рода человеческого. Русские, а вместе с ними и все славяне, оживят род людской после пришествия Антихриста.

— Ваши суждения,— сказал Борис,— звучат приятной музыкой, и мне хочется верить вам, но есть факты, говорящие против этих суждений: к примеру, русские евреи на постоянное жительство больше уезжают в Америку, чем в Израиль. А евреи в выборе страны проживания не ошибаются; у них в генах встроено чутьё климата и общественного настроения, уюта и стабильности для их племени,— так животные слышат дыхание земли и приближение землетрясений и прочих природных катастроф; они в отличие от человека заранее уходят в безопасное место, и даже змеи выползают из нор, и скорпионы, и прочие твари в такие моменты демонстрируют своё превосходство над человеком. Газеты сейчас пишут, и сообщает радио, что цунами, вздыбившее в Индийском океане волну высотой в двести метров, уничтожившее сёла, города и десятки тысяч людей... даже при такой катастрофе животных пострадало мало. И птицы, и рыбы, и слоны заранее укрылись в безопасных местах.

— Вы лучше скажите: евреи ещё совсем недавно уезжали в Америку, но теперь положение изменилось: они вновь потянулись в Россию. И теперь уже на каком-то высшем уровне сознания окончательно приняли решение: вить гнёзда в России. Они увидели: Америка почернела и пожелтела, у неё теперь раскосые азиатские глаза и чёрные, как смола, волосы. Людей, покоровших когда-то американский континент, то есть нас, белых, они теснят и презрительно называют белой молью. Их много, и волны мигрантов из Африки и Южной Америки, как часто повторяющиеся цунами, всё прибывают и прибывают. Теперь уже кандидат в наши президенты должен иметь в своей команде и чёрных, и жёлтых, иначе не соберёт голоса и не займёт место в Белом доме. Наши большие города превращаются в коктейль из племён и народностей, где люди перестают понимать друг друга. Заводы останавливаются, и доллар во всём мире теряет силу. У нас вот-вот разразится кризис, и мы с вами должны к нему подготовиться. Господь в своё время покарал людей, строивших Вавилонскую башню; он не допускает смешения народов; люди, говорящие на разных языках, затевают драки и затем уничтожают друг друга. Америка превращается в Вавилон. Объявленная война с терроризмом — это война американцев с теми, кто хочет быть американцем. Таких желающих становится всё больше. Эффект Косово — явление мировое. Один Господь может победить это зло. И об этом у нас в Штатах говорят всё больше. Люди ждут гнева Господня. Они ждут его со стороны океана, они боятся воды. Но что же им поделать, если семьдесят процентов населения в нашей стране живёт на морских берегах?

Павел сказал:

— Но и Москву постигает участь Нью-Йорка и других больших городов Америки: там вот уже десять лет властвует маленький толстячок по фамилии Кац и за эти десять лет он сумел превратить в Вавилон русскую столицу: там теперь живут кавказцы, китайцы, таджики, чечены... Город вроде бы ещё и русский, а живёт в нём большинство нерусских.

И обратился к Драгане:

— Если я правильно понимаю, власть в Америке тоже захватили евреи, но если у них власть, то зачем же они превращают вашу страну в Вавилон? Европу наводнили турками, теперь в Россию натаскивают китайцев. Зачем?.. Они же и сами там жить собираются? Русских-то они вроде бы и не должны бояться, они у нас под боком вот уже тысячу лет живут — и ничего: вот теперь даже мы, как и вы тут в Америке, и деньги им все до копейки отдали и даже в Кремль их запустили. Так зачем же они ещё и вселенский табор там устраивают? Он-то, этот табор, ни с кем не церемонится. Кривые ножи у них всегда наточены, шашечки тротиловые, пистолетики бесшумные загодя припасены. А?.. Что вы на это скажете?

— А то и скажу: надоела мне дискуссия эта, я на катер вас приглашаю, Русский остров показывать буду.

Вышли из гостиницы, а тут шум-крик стоит, машины сигналият со всех сторон, водители кричат друг на друга: на площадке перед отелем всё смешалось, перепуталось, и даже два полицейских, появившихся здесь неизвестно откуда, не могут навести порядок.

Драгана сопровождавшему её администратору сказала:

— Не понимаю, что тут происходит. Где Додди?

— Я здесь! — раздался его трубный весёлый голос. — Я тут, госпожа, и всегда к вашим услугам.

— Удивляюсь вам, Додди. Вы, верно, обязанности свои забыли?

Она в эту минуту и не вспомнила, как угостила его из волшебного приборчика, не подумала о том, что вот тут как раз и проявилось его действие. Приблизилась к Додди, заглянула ему в глаза.

— Что с вами, мой мальчик?

Ему нравилось, когда госпожа говорила «мой мальчик». Он и вообще обожал хозяйку острова, обожал за молодость, за красоту, за власть и силу, которыми наградила её природа. Он был негр, но негр грамотный, умел читать и писать и мечтал поступить в университет и стать помощником президента, как та худошавая негритянка, которую называли третьим человеком в Белом доме. Правда, были и те, кто называл её обезьянкой, но если бы Додди услышал, кто её так оскорблял, он бы свернул тому шею.

— Так что же с вами произошло, мой мальчик? Вы стоите передо мной, как истукан, обнажаете в улыбке свои белоснежные зубы и будто бы хотите что-нибудь сказать, но у вас не хватает смелости. Так говорите же!

— Нет, нет, госпожа хорошая, ничего со мной не произошло, а только они перестали меня слушаться. Я им, канальям, говорю и показываю место, а они, точно ошалелые, лезут напролом, толкают друг друга и создают беспорядки. Ну, я и того... не знаю, что с ними делать. Раньше то, бывало, рыкну на них, а не то двину по шее — и тут же места свои находят. А сейчас мне жалко их: люди же они, чёрт бы их побрал! Я теперь тихо с ними и ласково этак: «Туда, голубчик, поезжай, там твоё место, а другому и багаж поднесу, поезжай говорю, а толку нет. Ну, я и махнул рукой. Сел вон там на лавочке и даже всплакнул немного.

— Додди! — крикнула на него администратор гостиницы, молодая негритянка. — Я не узнаю тебя. Уж не смеёшься ли ты над нами?

— Как можно смеяться над госпожой! Я и сам себя не узнаю. Меня недавно будто кто-то чайником хватил по голове, и вроде бы затмение нашло, но потом скоро прояснилось. Вот только спать хочется. А чтобы смеяться над вами?..

— Как это чайником? — спросила Драгана.

— А так, госпожа хорошая. Сперва кольнуло в затылок, я обернулся, а перед глазами чайник какой-то летит. Без крышки, без ручки, но — чайник! Ну, и вроде бы зацепил.

Додди зевнул смачно. Добавил:

— Потом прошло. Слава Богу, прошло. Шумок небольшой остался, а так — прошло. Это со мной бывает. Я тут часов двенадцать-пятнадцать попрыгаю, так и устану малость. Потом бренди пропущу глоток, отосплюсь, и снова за дело. Не беспокойтесь, госпожа. Пройдёт.

Драгана всё поняла, душа её возликовала, — кивнула друзьям:

— Пойдёмте на пристань.

На пристани их ожидала любимая «игрушка» хозяйки — белый, как чайка, катер «Добромир». Кивнула капитану, стоявшему у трапа, поднялась на палубу. Это была задняя палуба с туго натянутой брезентовой крышей, защищавшей пассажиров от дождя и солнца. На почтительном расстоянии друг от друга здесь располагались три салона: один с пятью креслами по краям круглого стола и два салона, имевшие по три кресла. Кроме

этих уютных «гнездышек», посередине палубы в три ряда принаитованы кресла наподобие театральных. Пассажиры располагались здесь на случай, если на белоснежной задней стенке капитанской кабины загорался экран телевизора или кино и показывался какой-нибудь интересный сюжет.

Расположились в салоне у левого борта. Катер тронулся, и хозяйка, обводя рукой очертания берега, сказала:

— Наш остров невелик: в длину он простирается на семьдесят пять километров, а в ширину — на двадцать. Мне его подарил дедушка в день моего рождения. Родителям он сказал: «Это — недвижимость. Я надеюсь, что вы понимаете, что всё в нашем мире движется. Деньги тоже текут, как ртуть, а остров стоит на месте. И, надеюсь, будет стоять долго,— может быть, сто или двести миллионов лет. Так вот сюда я вложу немного денег. Помните принцип умных людей: яйца в одной корзине не хранят. Пусть будет много корзин». Тогда же дедушка заложил здесь строительство двенадцати отелей; шесть из них пятизвёздочные. Обо всём этом отец и дедушка рассказали мне, когда я окончила университет. Я осмотрела все отели, а дядя, назначенный губернатором острова, представил мне отчёт о нашем финансовом положении. Теперь же я решила сделать новые вложения и расширить наши лаборатории, превратить их в самые современные и передовые в мире научные центры. Вам придётся претворять в жизнь эту мою идею. Ну, что? Вы принимаете моё предложение?..

Павел и Борис молчали. Им и во сне не могло явиться такое счастье. В России они работали в одной лаборатории, положение занимали самое маленькое, деньги им платили ничтожные. Во времена первого президента России им три года и вовсе не платили зарплату,— ждали, когда они уйдут сами, но они не ушли. У Павла было двое детей, теперь у него четверо. Жена пошла на рынок, торговала петрушкой, укропом и мятой. Детей растила бабушка. Борис после работы разгружал вагоны. Иностранцы, посещавшие лабораторию, дивились: как это можно — трудиться, не получая денег? На это способны только русские. Но русские трудились. Они не только выполняли назначенный им круг обязанностей, но Борис искал новое оружие «массового поражения», да такое, о котором самые дерзкие фантасты не смели мечтать. Задумывал свои лазерные пучки и Павел. А тем временем лаборатория, как вода сквозь пальцы, перетекала к «демократам» — людям, работавшим на Америку и Израиль. Ребята ушли в подполье; один только их руководитель Арсений Петрович знал их тайные планы. Ну, а потом судьба забросила их сюда, на Русский остров.

Юная хозяйка острова спрашивала,— она ещё спрашивала! — принимают ли они её предложение?..

Оба они в эту счастливейшую для них минуту думали только об одном: как бы при любых обстоятельствах сохранять найденные ими средства борьбы в руках своего родного русского народа...

Борис и здесь сказал об этом Драгане. И она ответила:

— Думайте, друзья, думайте. Женский ум тут слаб. Тут нужны головы зрелых мужей. Ваши головы, ваши!..

Катер, проносясь мимо пляжей, лодочных станций и прочих построек санаторного обихода, поровнялся с пятнадцатизэтажным отелем из розового, искрящегося в солнечных лучах камня. Водитель повернулся к Драгане, но она махнула рукой: мол, кати дальше, не сбавляй скорости. Спутникам сказала:

— Вот на скалистом холме отель «Ратмир» — имя древнее, славянское.

И пояснила:

— Поставлен на высоте более полукилометра. «Ратмиру» не страшны никакие цунами. Он и поставлен углом к океану — любую волну разрежет, как нос корабля. Молодцы, архитекторы! Далеко их мысль бежала!

А катер, обогнув просторный пляж и кишачих на нём отдыхающих, устремлялся дальше окрест берега. Вдали за отрогами крутолобых пальмовых холмов зеленели крыши трёх высотных пятизвёздочных отелей. Драгана показала на них рукой:

— Вон мои любимцы: «Перун», «Ярило», «Яросвет». Они очень дорогие; там номера, обслуга и питание в три раза дороже, чем во всех остальных. Отдыхают всё больше русские, денег не жалеют. Называют себя русскими, но обличьем не поймёшь какие. Когда я там бываю, они мне говорят: «Всё тут нам нравится, вот только имена отелей... Бр-р-р!..» И трясут головой. А я им отвечаю: «А что имена?.. Наши имена, славянские».

До позднего вечера «Добромир» носил их по тихим и тёплым волнам Флоридского пролива, а когда солнце краем своего раскалённо-красного шара коснулось черты горизонта, катер входил в семейную бухту Станишичей.

С того дня прошло три месяца. Драгана заболела. Её болезнь оказалась настолько серьёзной, что не было никакой надежды на излечение. К врачам она не обращалась, знала: не помогут, думала о лекарствах, их было много, но все они лишь из той категории, которые уводили в мир грёз и забвения, погружали в состояние забытья, полуживого, сомнамбулического безумия. Драгана презирала людей, которые «колются», «нюхают», превращают себя в безобразных полумертвецов. Являлись мысли об уходе из жизни: прыгнуть с балкона... а там камни, волны, тёмная пучина океана. Нет, она верила в Бога; знала, что это — грех, это преступление. Бог дал жизнь, он её и возьмёт.

Молилась: Господи, Боже. Отец великий, могучий и единственный! Дай силы, помоги! Ты всё можешь. В твоих руках жизнь и смерть, земля, океан и вселенная. Вдохни энергию. Хотя бы малость, чуть-чуть, чтобы могла одолеть себя, воспрянуть, вернуться к жизни.

Бог молчал. И тогда молитвы горячие обращала к Деве Марии — великой и всемогущей Богородице, всезнающей, всеумеющей, безграничной в своей любви к людям и в своей доброте. Вставала перед ней на колени, горячо шептала: ты женщина, ты мать и покровительница всех слабых и убогих. Помогии!.. Я хочу жить, хочу вернуться к тому светлому, радостному состоянию, в котором пребывала все годы и дни моей жизни. За что? За какие грехи меня постигла такая участь? Я не могу с собой ничего сделать. Помогии!..

Молчала великая и пречистая Дева Мария, всех любящая и всё прощающая Матерь Божья. Молчало небо, молчали все святые. Всё молчало, и только тяжесть сердца становилась ещё тяжелее, только мрак, застилавший очи, становился непереносимым, а за раскрытой дверью балкона немолчно шумел океан. Его во все времена года, днем и ночью так любила Драгана, но теперь этот шум тяжело ударял по ушам, больно терзал душу — не было света, не было тепла, всё было мрачно и темно.

На столе лежала записка от Элла Битчера: «Возьми меня на остров, хочу быть рядом — только видеть тебя и знать, что увижу завтра, и послезавтра, и так всегда, до конца моих печальных дней. Ты свободна, выходи замуж, но оставь хоть уголок сердца и для меня. Я поделил свои акции между нами. Тебе отписал большую часть, контрольный пакет компании. Теперь ты владелица трёх миллиардов и полдюжины танкеров. Будь благоразумной. Советуйся с дедом и отцом. А для меня купи домик на острове. Найми врача и прислугу. Не бросай меня. Умоляю. Элл».

Записка получена давно. Он теперь на острове. Живет в её доме. Уральский доктор хорошо его подлечил.

Прочла ещё раз записку. «Владелица миллиардов...» И что же? Зачем мне они?

Позвонила дяде.

— Ты не очень занят?

— Совсем не занят.

— Зайди ко мне.

Вошёл дядя Ян. Как всегда, весёлый, шумный. Обхватил голову племянницы, поцеловал.

— Что с тобой? У тебя жар. Небольшой, но есть.

— Я нездорова, дядя. Мне плохо.

— Плохо? Что же у тебя болит? Я позову врачей.

— Не надо, дядя. Мне врачи не помогут. И вообще... мне никто не поможет.

Склонилась к плечу дяди, тяжело, горячо дышала.

— Да что это ты говоришь, девка! У нас что — медицины нет? Да я тебя на материк в морской госпиталь сам отвезу!

— Не надо, дядя. Мне ничего не надо. И отцу ты ничего не говори. Я знаю, что со мной. И знаю также: нет для меня ни врачей, ни лекарств.

Адмирал открыл шкаф, в котором стояли пузырьки, лежал градусник. Измерил давление: сто тридцать пять верхнее и девяносто нижнее.

— А твоё обычное давление какое?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? Верхнее для тебя высоковато, а нижнее — и совсем велико. Сердце стучит, точно корабельная машина. А ну, температуру измерим.

Градусник показал тридцать семь с половиной.

— Скверно, конечно, но не настолько, чтобы играть сигнал тревоги. Однако рассказывай, что же с тобой случилось? Уж не влюбилась ли ты в кого?

— А что, если любовь приходит, то и температура непременно поднимается, и сердце стучит, точно машина?

Драгана улыбнулась. Повеселела. Ей стало хорошо оттого, что дядя первый о любви заговорил и тем облегчил её положение, и от того ещё, что он так просто и весело говорит о той самой любви, которая весь мир для неё помрачила.

Адмирал сел в кресло, обнял её за талию. Смотрел на неё с лукавой, нескрываемой улыбкой.

— В него, что ли?..

Драгана вдруг покраснела, глаза увлажнились.

— В кого?

— В него, в кого же ещё?

— Да что это вы, дядюшка, загадками говорите!..

Отвернулась, но от кресла не отходила. Щеки огнём пылали. Вся тайна её раскрыта, и признаваться ни в чём не надо. Хорошо ей, от сердца камень отвалился. Знает дядюшка причину её мучений, всё он знает.

— А про кого это ты говорила мне, что на Есенина похож? Признавайся, про кого?

— Ну, говорила. И что же с этого?.. Мало ли про кого.

— А ты мне зубы-то не заговаривай. Признавайся, как на духу. Дядюшка-то Ян один у тебя на свете. Матушка твоя всё по Белграду шмыгает, развлечений ищет, а батюшка важный, как индюк,— с кем же тебе и поговорить о своей жизни осталось, с кем?.. Да, двое мы с тобой на свете — сиротки-сиротинушки. Мне ты и всю боль свою выплещешь. Ты мне, а я тебе. Боль-то сердца такая бывает, что одному-то её и не избыть. И врачи никакие не помогут,— как вот сейчас в твоём случае.

Драгана прижималась головой к его плечу, горячо шептала.

— Один ты, дядюшка, у меня, и я у тебя одна. Спасибо тебе за то, что ты есть, что ты меня понимаешь.

Она погладила дядю по голове, поцеловала его в волосы и отошла к раскрытому балкону. Смотрела в даль океана, над которым весело и беспечно сияли звёзды. Молчала Драгана, молчал и адмирал. Потом он тихо заговорил:

— Я вашу любовь давно приметил, и дедушке доложил, и отцу твоему. И даже спросил у них: будет ли их благословение на случай, если вы сговоритесь? Будет, моя девочка, будет от них согласие. И я буду рад, если всё у вас сладится. Они мне сказали:

парень он русский с головы до пят, а значит, наш человек, родной. Боятся они за тебя, как бы ты и совсем в девках не засиделась.

Драгана повернулась к дяде.

— Не понимаю вас, дядя Ян. Да мы с Борисом о таких делах и словом не обмолвились.

— Словом не обмолвились, а глаза-то всё за вас давно сказали. Опять же и музыка в голосе. Ты что же думаешь, я век прожил, а таких простых вещей заметить не могу?

— И все-таки, не было с его стороны и намёка малого,— обронила она упавшим голосом.

— Были намёки. И не только намёки. У нас с ним ещё на той неделе мужской разговор состоялся. Любит он тебя до безумия, да только не знает, как с таким разговором к тебе подступиться. Больно ты для него важная и недоступная. Стесняется он тебя. Можно даже сказать, боится, точно ты змия гремучая, австралийская.

Он подошёл к Драгане и крепко прижал её к своей могучей груди. А она прильнула к нему и... расплакалась. Так слезами и разрешилось её нервное напряжение.

— Ну, будет, будет тебе, дурочка. Радоваться надо, а не плакать. Готовься женой стать да деток каждый год рожать. Нас-то, славян, избыть хотят, а мы им батальон целый поставим. Вслед за тобой и я, может быть, тряхну стариной и жену заведу. Мы тогда тут целый клан Станишичей разведём. А вот это...

Адмирал поднял со стола записку Битчера:

— Это, радость ты моя, на новый, неизвестный доселе уровень жизни нас выводит. Большие деньги большого разума требуют. И особый стиль жизни диктуют. Ну, тут, я надеюсь, мой флотоводческий ум нам поможет. А что до домика, мы ему дворец возведем. И уход за ним, и лечение — всё на высшем уровне наладим. Пусть и он в нашей семье живёт.

Адмирал тряхнул племянницу за плечи:

— А теперь спать будем. Слышишь — спать! И больше ты мне нюни не распускай, хандрю подколотную не разводи. Слышишь, девка? Смотри у меня, я ведь не погляжу, что ты миллиардерша. Выйдешь из воли моей, так и живо схлопочешь. Рука у меня скорая.

И он поднял над головой кулак.

— Так её, дядюшка, так её! Я ещё от бабушки слышала: девкам волю не давай, они как от рук отобьются, так и не знают, что с собой делать. Особенно такие вот, как я, глупые и своенравные.

И Драгана засмеялась. И сама себе не поверила, что жизнь вдруг повернулась к ней необъятным, как океан, счастьем, и ей вдруг сделалось легко и весело.

За последние три месяца Павлу и Борису удалось многое сделать. Оба они по двенадцать часов в день работали в лаборатории, нащупали много тайн «Розового облака». Раскрыли и главный секрет, к которому подбирался Арсений Петрович, но так его и не разгадал: «Облако» возникает в результате центробежного движения воздуха, которое, зародившись в маленькой точке от лазерной вспышки, увеличивается в размере и создаёт вакуумный котёл — наподобие того, что встречается на пути самолёта и называется «воздушной ямой». Задача состоит лишь в том, чтобы расширить этот котёл до такого диаметра, когда бы в него, точно в чёрную дыру, проваливался любой летящий предмет: самолёт, ракета, снаряд и так далее. Вот над этой проблемой расширения диаметра и трудились все эти дни Павел с Борисом.

Борис ставил очередной опыт с поведением углерода под воздействием лазерного луча, когда к нему в лабораторию вошла Драгана. Под глазами следы недавних страданий, на лице непривычная бледность; Борис делал вид, что не замечает в её лице никаких перемен,— относил их к естественным циклам девического состояния.

Подошла к нему, сказала на ухо:

— Я могу вас поцеловать?

— Конечно, но боюсь, как бы я не умер от счастья.

Драгана поцеловала его в щёку. Борис поднял на неё глаза — она в одно мгновение заметно покраснела. Он сказал:

— А мне позволите?

— Не...сомненно.

Услышав: не... Борис испугался, но когда она произнесла всё слово: несомненно, обрадовался и нежно чуть коснулся щеки губами.

— Меня ещё ни один парень не целовал.

— Могу ли я сметь?..— растерянно прошептал Борис. Но быстро привлёк её и крепко поцеловал в губы. Оба они покраснели до степени спелого помидора.

Драгана села возле него.

— Вы меня презираете?

— Да за что же? Что вы?.. А только сам-то я, конечно же, никогда бы не посмел.

— А я вот посмела. Девчонки и вообще-то смелее ребят, мы хуже вас, развязнее.

Она смотрела на кружево стеклянных трубок, где кипел и шипел воздух, творились какие-то химические процессы. Драгана заговорила снова:

— Я много встречала интересных ребят, и многие мне нравились, но вы — эталон нашей, славянской мужской красоты. Так я и хотела первый свой поцелуй подарить лучшему из парней, которых я когда-либо встречала.

— Спасибо за такие лестные слова, да только я думаю, что вы смеётесь надо мной. Я не вашего круга человек, такие-то зачем вам нужны?

— Что, что-о-о? Какой-то ещё круг придумали! Это в наше-то время, да ещё в Америке, где один только круг и существует: деньги!..

— Вот-вот, я и говорю: ваш круг. Да на такую красоту, как ваша, да на такое могущество и величие... да только за то, чтобы мельком взглянуть на вас, большие деньги надо заплатить.

— Да, надо! Да только не вам. Вы смотрите на меня сколько угодно, и я буду смотреть на вас, а то вот возьму да и ещё раз поцелую.

Обхватила Бориса и прислонилась щекой к его плечу.

— Люблю я вас,— залепетал Простаков,— давно люблю, как только увидел, так и полюбил. И это заметил мой врач Ной Исаакович. И сказал мне:

— Эй, парень! Знайте вы: девица она непростая, а пожалуй, другой такой и в свете нет. И у деда, и у отца она единственная наследница, а там миллиарды. Слышите: миллиарды! А вы знаете, что такое миллиард? Нет, вы не знаете, что это такое — миллиард. И не можете знать. И я не знаю, потому что сила эта неземная, запредельная, но лишь в том случае, если она законная, а не как у ваших олигархов — краденая. Миллиард — это когда три цунами вместе, пять водородных бомб и в придачу к ним три таких эскадры, какой командовал адмирал Ян. Это как если бы в центре Нью-Йорка рванул из-под земли Везувий и разметал все дома. И банки тоже. И конторы, и всё, что там копошилось живого. Вот что такое миллиард!..

Драгана кивала головой, смеялась. А когда Борис закончил пересказывать то, что ему наговорил доктор Ной, заметила:

— Ной вам скажет. Вы его только слушайте. Я давно ищу средство отлучить его от вас, да держит его Иван Иванович. А этот человек имеет силу тайную — такую, что и отец мой, и даже дедушка со своими друзьями из Совета Богов совладать с ним не могут. Я так думаю, что он приставлен к вам от мирового правительства. Оно где-то там, в Палестине, возле Гроба Господня гнездо себе вьёт. Ну, да мы ещё посмотрим, кто кому шею свернёт. Скоро я сама за них возьмусь. И им обоим — Ною и Иванычу — вот этой по башке...

Она потрогала сумочку, где у неё лежал их заветный приборчик. Сказала:

— Вы за Додди наблюдаете? Я его назначила к вам на усадьбу садовником.

— Да, мы с ним приятели. Вот уже сколько месяцев прошло, а он из заданного ему состояния не выходит. И даже наоборот: становится всё мягче, добрее. Часть своей зарплаты отдаёт беспризорным негритятам; есть на острове такие.

— Да, есть. Немного, но есть. Я их хочу на материк в дом призрения отправить.

— За Додди я наблюдаю. Думаю, он не скоро выйдет из своего благостного умиротворённого состояния, а, похоже, и совсем не выйдет. Вот тогда можно будет сказать: мы вторглись в святая святых человеческой природы и научились исправлять её несовершенства. Вот только неизвестно, как отнесётся Всевышний к нашей такой дерзости.

— Думаю, Бог благословляет ваши старания. Иначе он бы не позволил вам довершить их.

Драгана поднялась, ласково кивнула Борису и скорым шагом направилась к двери. И вышла, но потом снова зашла. Сияя от счастья, сказала:

— Когда придёте ко мне, я спою для вас романс Есенина «Над окошком месяц, под окошком ветер, облетевший тополь серебрист и светел...»

Борис пытался вспомнить, на чём он прервал свой опыт. Воздух в пробирках недовольно шипел и клубился.

Вечером Простакова позвали на ужин к адмиралу. Дядюшка Ян, как только он вошёл, захватил его за плечи и повёл к камину, где на креслах, друг против друга, сидели два незнакомых человека: один мужчина лет пятидесяти, тщательно выбрит, ухожен, в костюме от самого дорогого портного и в туфлях, сиявших лаковым гляncем. Держался он просто, однако же и с едва заметным высокомерием, явно подчёркивая какое-то особенное своё положение, дававшее ему право держаться от людей на почтительном расстоянии. Другой был стар, одет небрежно и на Бориса смотрел с явным, почти детским интересом. Он, едва завидев адмирала и Бориса, подался к ним вперёд и протянул руки к Борису.

— Ну-те ка, молодой человек, ну-те, я на вас посмотрю. Силён ли, надёжен ли человек, в чьи руки попадёт моя единственная, моя ненаглядная внучка.

Как раз в эту минуту из другой комнаты вышла Драгана и как-то испуганно, громко вскрикнула:

— Дедушка! Мы ещё ни о чём не договорились, а вы уже...

— А тут не о чём и договариваться, парень мне нравится, и это самое главное, а если я ему не понравлюсь, так это мы оба с ним как-нибудь переживём. Да, внученька, пора, пора тебе и замуж выходить. Выбор твой одобряю. Молодец, малышка. Я знал: ты с кем зря-то водиться не станешь. Наша порода, славянская, мы свой интерес под землёй видим.

И — к своему соседу:

— Что скажешь, сын мой? Нравится тебе этот Илья Муромец? За него ты хлопотал передо мной или за кого?

Сын старика, — Борис понял это, — губернатор, отец Драганы. Он поднялся и подал Простакову руку.

— Рад встрече. Надеюсь, мы поладим с вами.

Сердце Бориса стучало от внезапно прихлынувшей радости; он понимал: здесь, в эту минуту решалась судьба его и Драганы. Он взял её за руку и по славянскому обычаю подошёл с ней к старейшине рода. Низко поклонился деду, сказал:

— Благословите нас.

Дед Драган поднялся и поочередно перекрестил их, и каждого поцеловал. Затем такое же благословение молодые люди получили от отца Драганы и от её дяди.

Адмирал пригласил всех к столу.

Тут собрались все Станишичи, не было жены губернатора Русины и третьего сына деда Драгана профессора Саввы Станишича — они находились в Белграде.

Простаков был принят в семью Станишичей, и в этом теперь уж никто не мог сомневаться. Правда, оставались нерешёнными некоторые формальности бракосочетания, но и на то были веские причины. Дед Станишич собирался ехать в Европу на длительное лечение, и ему необходимо было обговорить с ближайшими людьми неотложные деловые проблемы. И сыновья, и Драгана знали об этом, и потому молчали, ждали, когда заговорит старейшина рода, их обожаемый и непререкаемый авторитет. И дед сказал:

— С год будете изучать друг друга, а потом, если на то будет воля Божья, и сыграем свадьбу.

Затем перешёл к теме, которая была для всех как бы тайной и запретной:

— Мы об этом вашем приборчике знаем давно,— так что не удивляйтесь, мил человек, будьте любезны, скажите мне: а зачем вам числить его в разряде оружейных средств, и не проще ли было бы отнести к медицине; ну, скажем, вроде рентгенаппарата, искусственной почки или чего-нибудь такого? А?.. Что вы мне на это скажете? — наклонился к Борису. И тут же добавил: — Вы не церемоньтесь, зовите меня дедушкой. У меня мало детей, и всего лишь одна внученька,— я люблю, когда она меня называет дедушкой.

— Спасибо. Вы делаете мне честь. Да, вы правы, я бы тоже хотел быть автором-целителем. Но военные решили, что мой прибор может быть и оружием. Очевидно, потому они меня и выкрали. Ведь органы здравоохранения, наверное, не крадут учёных,— в худшем случае, они их покупают.

— Да, верно. Вы правы, мой друг. Но скажите мне, пожалуйста, а нельзя ли как-нибудь снизить его вредоносное действие и повернуть рычажок в сторону лечебную?

— Вы, дедушка, маг, волшебник или провидец: мой друг физик Неустроев именно эту проблему недавно с успехом и решил. Но знаем об этом только мы двое, как же вы...

Дед поднял руки:

— Об этом не спрашивайте. Я прожил долгую жизнь, бывал во многих странах, видел многих людей... Научился кое-что замечать и такое, чего другие не видят. А теперь скажите: у вас на приборе есть ручка вроде реостата: захотел — прибавил там каких-то лучей, а захотел и убавил.

— Именно так: ручку можно поставить на такое деление, что человек и совсем лишается воли, становится покорным, даже нежным — как кошка.

— Ага, кошка! Это хорошо. А было бы и совсем хорошо, если бы вы могли лишить её и когтей.

— Можно и так. Но это уж такой будет вариант, когда прибор вряд ли можно назвать целебным.

— А вот это уж вы позвольте решать тем, кто будет владеть прибором.

— Но вот тут-то, дедушка, и заключена главная проблема: я бы не хотел отдавать прибор в чужие руки.

— Понял вас. Понял и даже очень одобряю. Наш мир сошёл с ума; и ваш, русский, и наш, американский. Мы теперь покатались к черте, где бушуют сплошные цунами. Господь решил примерно наказать нас. И больше всего, и скорее он отдерёт за уши американцев. Сюда и раньше навалил разный сброд, но то был белый сброд и мы ещё кое-как понимали друг друга. Но потом к нам тихой сапой напоззли евреи и скоренько поняли, что без помощи дикарей им не вытащить из наших карманов деньги. И они послали эмиссаров и вербовщиков на чёрный континент. Там они сгребали всякий людской хлам: бандитов, развратников, курцов гашиша, и этих... как их? горилл, не признающих женщин. Такие и тогда уже были! Ну, и вот... Тащили их до тех пор, пока их не стало много и без них уже не решить никакого дела. Вы там в России ещё не знаете, что это такое. Впрочем, кое-что подобное уже образовалось и у вас на русской земле. Но я думаю, что на Россию прожорливой саранчи не хватит. Китай к вам не ползет; боится ядерной бомбы. К тому же для борьбы с американцами ему союзник нужен. Россия — это

его охранительный рубеж на Балтике, на Чёрном море и Тихом океане. Бог так устроил: Россия выживет, а Штаты провалятся в тартарары. Но ваш остров останется. И на нём славянская крепость выживет. Я для того и купил его, и подарил своей внученьке, чтобы при всех оборотах истории славянский мир уцелел.

Дедушка Драган говорил при абсолютной тишине; казалось, и стены, и шторы на окнах замерли, слушая этого человека. Два его почтенных сына, один из которых готовился стать президентом Америки, не проронили ни слова; и адмирал при своей шумной натуре вёл себя тихо, как примерный ученик на уроке. Было видно, что тут привыкли слушать деда. Все знали, что он не только в кругу друзей, но даже и на Совете Богов слывет за мудрейшего. Недаром же именно он, как только появились российские олигархи, сказал на собрании клуба богатейших людей Америки: «Этих... новых русских в наш клуб пускать не следует. С ними и банки-то скоро наплачутся. Деньги с неба не падают, а если упали, то Господь знает, кто и как их уронил и кто подобрал».

Настала пауза. И длилась она долго. Нарушил её губернатор. Он обратился к Простакову:

— А скажите мне теперь: вы могли бы снабдить свой приборчик механизмом, который бы в чужих руках объявлял бессрочную забастовку?

— Над этой проблемой мы теперь и трудимся с моим другом Павлом Неустроевым.

И ещё вопрос:

— Вы могли бы на больных показать действие своего прибора?

— Да, можем.

— Сейчас же?

— Пожалуйста.

— Отлично! — воскликнул дед Драган. — Не станем больше вертеть языками, давайте поработаем ложками. Могу лишь сказать: кажется, в вашем лице мы имеем дело с парнем, способным выкинуть ещё и не один забавный номер. Я рад, что именно русской женщине влетела в голову счастливая мысль подарить миру такого учёного. А моя внученька... Она — молодец! Уродилась в своего деда; как и я, свой предмет с первого взгляда разглядела.

Драгана подошла к деду и прижалась щекой к его сединам. Она очень любила дедушку, но, пожалуй, ещё больше любил свою Драгану дед Драган. Он был счастлив, когда узнал, что девочке дали его имя.

Губернатор позвал одного из своих помощников, объяснил ему суть дела и приказал немедленно доставить с материка из неврологической клиники трёх больных. И пусть их привезёт на остров сам главный врач.

После обеда все разошлись и отдыхали часа два-три. А к вечеру на домашнем аэродроме приземлился вертолёт с красным крестом на борту и главный врач клиники, а с ним и трое больных сошли на землю острова. Их ожидала машина скорой помощи, и на ней гости отправились в главную островную больницу. Скоро сюда приехали дед Драган с сыновьями, Борис Простаков, Павел Неустроев и Драгана. Им представили больных. Двое были тихие, они назвали себя: Джон Коллинз — поэт, Ферри Транзел — архитектор и третьего назвал главный врач: Дин Стив. Он был связан простынями, его за локти держали два санитары — Стив дико вращал глазами, кричал и порывался куда-то бежать. О нём врач сказал:

— Бесноватый.

По распоряжению Простакова из биологической лаборатории доставили аппарат, похожий на стационарную рентгеновскую установку, внесли его в процедурную комнату и по очереди в кресло усаживали больных. Простаков в каждого «выстреливал» из своего прибора. Бесноватый стал кричать тише, перестал биться и, когда его отвязывали от кресла, совсем затих. И спросил:

— Где я?

Врач ему сказал:

— Вы на Русском острове, в местной клинике. Вот аппарат, на котором вам проделана лечебная процедура. Как себя чувствуете?

— Ничего. Только голова... Немножко болит. Он ладонью потёр затылок.

Стоявшие рядом поэт Коллинз и архитектор Ферри тоже чесали затылки. Ферри сказал:

— Аппетит разыгрался. Кормить-то нас будут?

Простаков повернулся к врачу:

— Да, да. Их теперь хорошенько кормить надо. И всех вместе положить в палату.

Пусть они общаются, им будет весело.

Врач на ухо сказал Простакову:

— А этот бесноватый. Он буйный. Такой концерт учинит!..

— Никаких концертов. Он теперь послушный. И даже вежливый, очень вежливый.

Советую вам задержаться у нас и два-три дня понаблюдать за ними. Может быть, у вас появится охота и других больных пропустить через этот наш аппарат?

Дедушка Драган и оба его сына сидели в креслах и наблюдали за всем происходящим. Ничего не говорили, не спрашивали, а только внимательно слушали больных, которые всего лишь несколько минут назад казались полуживыми, ничем не интересовались, ни на кого не смотрели. Сейчас они как бы очнулись от длительного сна, лица их оживились, глаза заблестели, они на каждого смотрели с интересом и порывались о чём-то спросить, что-то рассказать. Джон Коллинз вспомнил, что недавно он написал стихотворение, достал его из внутреннего кармана куртки и, обращаясь ко всем находившимся в комнате, сказал:

— Друзья мои, я недавно написал стихотворение,— хотите, прочитаю?

Адмирал загудел:

— Да, да, приятель. Развесели нас немного, читай свою поэзию.

Джон вышел на середину комнаты, принял позу Маяковского, начал читать:

Америка, Америка!..

Скажи мне, дорогая:

Зачем живёшь?

Куда идёшь?

Чего от жизни ждёшь, родная?..

Америка в ответ сказала:

Ничего от жизни я не жду,

От судьбы мне ничего не надо.

Одного у Бога я прошу:

Чтоб цунами мимо пролетел

И накрыл Канаду.

— И это всё? — сказал дед Драган.

— Да, всё.

— Лихо! — воскликнул адмирал.

— Патриотично,— согласился губернатор, а Драгана приблизилась к поэту, спросила:

— У вас много стихов?..

— Целая куча, да их никто не печатает.

— Ничего,— пообещала хозяйка острова.— Мы откроем тут на острове издательство и типографию, и первая книга, которую мы издадим, будет ваша.

Дед Драган поднялся с кресла и, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Похоже на чудо, но... будем смотреть, будем смотреть, что покажет нам время.

Он оглядел оживших и повеселевших ребят и взял за руку Простакова. Тихо, на ухо проговорил:

— Тут может возникнуть проект. Да, да — большой проект.

И уже громче:

— Я человек практичный, во всяком деле ищу деньги. А тут, мне кажется, и искать не нужно; доллар сам просится в карман.

И снова понизил голос, почти до шепота:

— Будем думать, будем думать.

Больные пошли на обед, а гости направились к своим автомобилям. Драгана шла рядом с дедушкой. Она всегда была с ним рядом и удалялась лишь тогда, когда он, целуя её, говорил:

— Ну, девочка моя, иди к себе, а я на часок прилягу вот здесь на диване.

Отдыхал он обыкновенно в то время и там, где у него появлялось желание «на часок прилечь».

Губернатор пробыл на острове всего лишь три дня; дела позвали его на материк, и он улетел. Уже в самолёте перед отлётом он пригласил к себе в салон Драгану и сказал ей, что свадьбу мы, может быть, и приблизим, но он хотел бы видеть её скромной и без журналистов.

Как раз в то время набирала ход избирательная кампания, и он не хотел бы вплетать в процесс этой кампании свадьбу дочери, а ещё сказал ей, что высшие интересы требуют, чтобы имя русского учёного Простакова загонять в потёмки, подальше от любопытствующих обывателей, попросил передать ему просьбу решительно избегать встреч с журналистами. Губернатор сказал, что пусть говорят о чём угодно, о ком угодно, но только не трогают имён Простакова и его друга Павла Неустроева. Послушная дочь во всём соглашалась с отцом и говорила, что и сама думает о том же, что не хотела бы, чтобы её семейная жизнь походила на жизнь глупых поп-звёзд, за которыми всюду следует толпа жадных до сенсаций журналистов, что в конце концов она обрастает таким клубком грязных сплетен, который запутывает и героев, и самих газетчиков.

— А ещё я говорила с дядей Яном и мы оба решили изменить этническую картину островной жизни: теснить с острова южно-американских мигрантов и усилить приток славянского населения. Рассылаем приглашения на жительство и работу русским, сербам и словакам. Сейчас к нам едет много украинцев.

— Ну, что ж, мне на это нечего сказать; вы с дядей Яном настоящие стратеги, да только старайтесь, чтобы приезжие люди тотчас же включались в деловую жизнь и давали бы доход островной казне. Пусть возделывают огороды, сады, рассаживают плантации красного дерева и ореховых.

На том и расстались отец и дочь.

Дедушка Драган оставался жить во дворце своей внучки. Говорил ей:

— Хотел иметь на острове и свой дом, да теперь раздумал. Буду жить у тебя под боком, мне с тобой хорошо. Лучше и не надо.

Дедушка Драган развернул на острове бурную деятельность: он самолично принимал партии эмигрантов. С иными беседовал, а с другими знакомился в столовой, где каждый день для приезжающих накрывали праздничный стол.

Дядя Ян создал штаб, который принимал, размещал и устраивал на работу всех приезжающих. Семейным давали общежития, одиночек селили в палатках: они цыганским табором раскинулись на склонах зелёных холмов вблизи от моря. Людям давали деньги вперёд, предлагали вызывать семьи и всех способных работать определяли в строительные бригады. В спешном порядке возводили жилые дома, коттеджи, детские сады, школы и магазины. Картины строек и палаточных городков производили впечатление переселения народов.

Милиция выдворяла каждого, кто жил на острове без регистрации, а таких, к сожалению, было ещё много.

Драгана приняла из Лондона и Москвы группу выдающихся учёных, занимавшихся проблемой «гена национальности». И все они говорили, что у себя на родине не могли по полной программе исследовать проблему. Работа притормаживалась; слишком много было людей, считавших это занятие нечистым, «попахивающим расизмом». Драгана закупала самую современную аппаратуру, платила учёным хорошие деньги. И квартиры, и коттеджи для них строились в первую очередь. Так же встречались и те, кого приглашали Простаков и Неустроев.

Самого Павла Драгана поместила в своём дворце, отвела для него и его семьи четыре комнаты на втором этаже. Он жил в них пока один. Жена и дети задерживались в Москве. Павел послал им деньги для покупки новой квартиры и для помощи ближайшим родственникам. Ему и Простакову деньги выдал Иван Иванович, но на вопрос «Кому мы обязаны?» ответил уклончиво:

— Благодарному человечеству.

Несколько пространнее был доктор Ной:

— Это вам аванс. Кое-что и мне попало на зуб. В скором времени и ещё попадёт; у Ивана Ивановича хозяев много, и все они не бедные.

Дедушка Драган с адмиралом много ездили по острову, осматривали посёлки, магазины, отели. Дед высказывал идеи, предложения по благоустройству острова, по превращению его в уголок славянского мира в Новой части света. Дедушка был стар, он теперь всё больше думал о том, как бы поумнее и понадёжнее устроить свои капиталы, направить их на нужды своего сербского рода, близких и родных людей, которые в эти дни подвергались давлению со стороны антиславянского, антиарийского мира, центром которого становилась Америка.

Именно в эти дни Драгана хотела бы осуществить задуманную операцию,— может быть, самую важную в своей жизни,— но осуществить её она смогла бы лишь после основательного разговора с Борисом. И к этому разговору она хотела бы подступиться сейчас же, ещё до обеда, на который были приглашены Борис и Павел.

— Сегодня приходит теплоход с больными городской неврологической клиники, их будет восемьсот человек. Как вам это нравится?

— Мне об этом давно говорил дедушка. Я согласился их всех пролечить.

— Но я хотела бы, чтобы «Лучиком благодравия» их обстреливал кто-нибудь другой, а не вы.

— Почему?

— Я боюсь.

— Чего же?

— А вдруг последствия будут плачевные!

Борис обнял невесту и сказал:

— В спортивном мире говорят: трус не играет в хоккей. Посмотри-ка на нашего первого пациента Додди, какой он смирный и вежливый. И как старательно «вылизывает» территорию перед твоим дворцом.

— Да уж, это верно; прошло несколько месяцев, а он всё лучше и лучше. Но Борис! Если это так, если твой луч будет так благотворен для людей, какая же слава ждёт тебя впереди?..

— Я о славе не думаю; мы сейчас вместе с Павлом создаём приборчик, который будет взрывать бомбы и ракеты в полёте. И тогда отобьём охоту у любителей кидать бомбы на другие страны, как они бомбили твою родину. А Павел ещё и замышляет автоматическое наказание таким людям. Я ему говорю: пока ты придумаешь хорошую выволочку, кидай им в кабину самолёта или на огневую позицию лучики моего прибора. Но он возражает: назвал меня диверсантом — дескать, предлагаю награждать мерзавцев за преступления.

— Но ведь можно же до такой степени увеличить дозу благотворного луча, что он превратится в наказание.

— Ах, ты умница! Мне тоже кажется, что тут и лежит суд народный негодьям и преступникам. Ты словно заглянула мне под черепную коробку; я как раз и работаю над этой проблемой. Ну, ладно, а теперь скажи мне, чего там задумал наш дедушка? Он сейчас трудится не меньше нас с тобой, каждый день приглашает к себе трёх больных, пролеченных нами, и главного врача с ними, а ещё вызвал с материка архитекторов, инженеров, строителей. Что он замышляет?..

— Дедушка наш таков: всякое дело ставит широко, с размахом... Мой дедуня подобен Генри Форду: он велик во всём: и в любви, и в ненависти, и в планах своих, и в том, как осуществляет эти планы. Но не будем торопиться, он скоро и сам нам всё расскажет. Одно только я знаю: он мне сказал: деньги наши должны работать, скоро доллар пожухнет, как лист осенний, а нашу мать-Америку поразят цунами,— они будут налетать часто, и будут свирепы, как голодные волки. Будут крушить прибрежные города, а в них сосредоточены банки, конторы, фонды, малые и большие голливуды, источающие яд антикультуры. Цунами поднимутся высоко, волны океана накроют крыши небоскрёбов и ринутся на материк со скоростью реактивных самолётов. Бог насылет Армагеддон, и я уже слышу гул океанских глубин. Но мы с тобой,— и твой отец, и твой дядюшка, должны принять срочные меры. Превратим наш остров в оазис славянской цивилизации, в крепость, недоступную никакому оружию. Пусть славяне знают: они будут жить и тогда, когда цунами поглотят весь американский материк. Наш-то остров, как Москва, стоит на семи холмах, и уровень над морем у нас двухкилометровый. Русский остров — это ковчег, в котором Господь Бог сохранит жизнь на Земле.

И ещё говорит мой дедушка: Господь Бог для того и прислал на наш остров двух любимых своих сыновей Бориса и Павла. Они дадут нам такое оружие, которым можно будет победить Антихриста.

Дедушка Драган превратил крыло дворца, отведенное ему внучкой и обставленное самой дорогой и удобной мебелью, в деловую контору, где принимал пролеченных больных. Заходили к нему Иван Иванович и любопытный, как сорока, Ной Исаакович. Дедушка заводил со вчерашними больными умственные беседы, а все присутствующие внимательно слушали, наблюдали за поведением больных. Вели они себя умно, деликатно, ни в чём не показывали своё недавнее душевное состояние. А оно было ужасным: вроде бы ничем не болели, но находились в постоянном смятении, страхе, в ожидании катастрофы, которая вот-вот разразится. Становились невозможными отношения с членами семей, с друзьями. Их всех уволили с работы. И вот теперь они спокойны; смирно сидят, слушают, улыбаются и сами рассказывают забавные эпизоды из своего недавнего прошлого. Они хорошо понимают, какая живительная метаморфоза произошла с ними, и сердечно благодарят доктора, возвратившего им нормальную жизнь. Одного только боятся: как бы не вернулось к ним недавнее состояние страха и смятения.

Дин Стив, журналист какой-то провинциальной газеты, предпочитает молчать о своей бесноватости, которая, как ему казалось, поразила его с детских лет и раздирала на части душу. Поэт Джон Коллинз развивал свои планы по созданию издательства «Славянский Дом». Говорил:

— Я не славянин, Бог не дал мне такого счастья — иметь национальность; я из тех, кто роду-племени своего не знает, однако зов предков слышу и злу противиться готов, и за правду постоять всегда согласен. Приглашу из Сербии или из России главного редактора, и мы с ним развернём печатание славянских книг, журналов и газет... Их скоро узнает вся Америка.

В другой раз пускался в рассуждения:

— Америка — сброд, салат из народов, не помнящих родства. Она потому и опрокинула на себя ненависть всех народов. Африка её ненавидит, арабский мир объявил

интифаду, евреи отняли у неё деньги и заставили на себя работать. Мы не будем её спасать, мы будем подвигать её на обочину истории и тем ускорим движение человечества к прогрессу. Да, к прогрессу, потому что теперь-то уж все видят, какой маразм и растрепанность сеет наш Новый свет по миру. Да, я американец, но я такого мнения о своей стране. И если вы со мной согласны, я готов с вами сотрудничать, а если нет — моё вам почтение: я пойду своей дорогой.

Прошли, пролетели на вороных три месяца после исцеления трёх больных, привезённых с материка. Теперь они все трое работали, и дедушка Драган, остававшийся до сих пор на острове, уж не приглашал их каждый день на чаепитие, он сам посещал объекты, на которых они трудились. Журналист Дин Стив, получивший несколько комнат в школе, в течение двух недель набрал штат сотрудников и наладил выпуск газеты «Славянский набат». Драгана выкупила двухэтажный особняк у трёх живших там семей, и в нём устроили книжное издательство и книжно-газетную типографию. Этим предприятием заведовал поэт Джон Коллинз. Что же до архитектора Ферри Транзела, он в течение двух недель создавал проект огромной, на тысячу мест больницы и теперь по двенадцать часов в день трудился над её постройкой. С материка была вызвана бригада высококлассных строителей, и Ферри поставил перед ними задачу: возвести больницу за полгода. Пока же больных принимали с материка и «пролечивали» по триста человек в день. Плату за лечение брали умеренную: пятнадцать тысяч за человека. Пять тысяч шли на дела медицинские, а десять тысяч составлял чистый доход хозяина больницы Бориса Простакова. Но уже теперь большой корпус достраивался, и остров готовился принимать с материка, а также и с других Багамских островов и с острова Куба по тысячи человек в день.

Пролеченные, и, прежде всего, первые из них: поэт, архитектор и журналист, радовали дедушку Драгана своим стойким и твёрдым расположением духа. И деда Драгана, и дядюшку Яна они даже изумляли своей деликатностью,— не то врождённой, не то привнесённой с лучами Простакова,— своей благоразумностью и мудростью решений возникавших перед ними больших и малых проблем.

Часто на объекты приходят отец и сын вместе, дедушка Драган и адмирал Ян. Они подолгу беседуют и с поэтом, и с архитектором, и с журналистом. Пытаются уловить в них остатки былых недугов — нет, не замечают. И это обстоятельство приводит их к буйному восторгу: они радуются и за успех своих дел, но, главное, за человечество, которому подарено такое чудодейственное средство исцеления от тяжелейших недугов. Вот только как распорядиться этим средством — они ещё не знали.

Обыкновенно немногословный и сдержанный в своих чувствах дед Драган, оставшись наедине с сыном, не умолкает от распирающих его восторгов. Они гуляют по берегу океана, и дед говорит:

— Ты только представь, сын мой, какое оружие массового подавления болезней получают народы! У меня дух захватывает, я умом своим объять не могу всю громадность попавшего нам с тобой в руки открытия!

Адмирал Ян пытался охладить пыл престарелого магната, известного во всём деловом мире своим талантом превращать малые дела в великие, делать из сотни долларов миллион, а из тысячи миллиард. Сдабривая ядовитым скепсисом каждое своё слово, говорил:

— Не торопись, отец. Надо ещё смотреть и смотреть, думать и думать. Вдруг как завтра придём к Дину Стиву, а его снова вяжут верёвками и он кричит, как резаный поросёнок. Явимся к архитектору Ферри, а он тычет в нас пальцем и говорит: «Смотрите, к нам пришли Наполеон и Александр Македонский». Ты, конечно, меня извини, но я ни в какие лучи не верю. Это или мы с тобой бредим, или встретились во сне и рассказываем друг другу сказки. Скажу тебе по большому секрету, что я однажды от этого русского парня Простакова слышал, что приборчик его не токмо лечить способен, но стоит

повернуть его на три лишних деления — и человек из тихого идиота в буйного превратится. А?.. Что ты мне скажешь, если этот его приборчик и такую ещё способность имеет?

— Ну, это уж и совсем невероятно, но если это и в самом деле так, то будем считать, что конец света мы далеко от себя отодвинули. Я давно слышал, что славяне выживут в борьбе с неграми и китайцами. Нас русские спасут. Недаром же их землю господь Святой Русью назвал. А великий мудрец позапрошлого столетия Александр Иванович Герцен сказал: «Славяне — это грядущая часть человечества, вступающая в свою историю».

— Говоришь, китайцы?.. Они тоже, что ли, славянам угрожают?

— Ну, китайцы... Пока они вроде бы не точат зуб на русских,— утешал старик.

— Не точат, говоришь? Да, пока не точат. Пока они ещё слабы, и Россия нужна им как союзница, как щит от Европы и Америки. А вот свалятся в пропасть истории и та и другая,— а это случится непременно и довольно скоро,— так и попрут на Россию сыны Поднебесной. Нам тогда куда бежать? Сербь от албанцев глупых попятнулись, а уж тогда-то...

— Вот тогда и пригодится приборчик Простакова; бомбы ядерные пусть лежат на складах, а по всем армейским казармам противника пройтись с приборчиком, и пусть они, и в первую очередь генералы, адмиралы, забьются в истерику, как Дин Стив. Вот это будет война! Ты только руку на соседа поднял, а тот хлопнул незримым лучиком, и тебя уж затрясло, залихорадило. А?.. Что ты на это скажешь, отец?.. Одного я только боюсь, как бы у нас из-под носа не умыкнули этого самого Простакова. Недаром же тут возле него вьются, точно летучие мыши, Иван Иванович и Ной Исаакович. Ты мне не скажешь, чьи они люди? Я брата-губернатора давно просил освободить нас от этих соглядатаев, а он говорит: «Пока не могу этого сделать. Слишком большие силы за ними стоят».

— Да, это так, сын мой. Чувствую за ними чесночный запах глобалистов, а ещё и финансовые тузы какие-то. Может, за Ноем русский олигарх Абрамович. У него миллиардов много, а если миллиард... Его бойся. У миллиарда руки длинные. Прими меры, чтобы главная тайна русских учёных хранилась только в наших карманах. А тайна эта...— вот та самая способность приборчика человека превращать в полного идиота. Глобалистам здоровые люди не нужны; им и вообще люди не нужны, а нужны рабы и лакеи и в таком количестве, чтобы добывать нефть и убирать города и их усадьбы.

— Да, на этом фоне дела на нашем острове приобретают особое значение. Если и дальше так у нас пойдёт, мы скоро превратимся в могущественнейших людей на свете. Я теперь всю свою военную смекалку поворочу на то, чтобы крепче зажать в наших руках приборчик Простакова и не позволить Ивану Ивановичу и Ною как-нибудь объехать нас. А что они что-нибудь да замышляют, это уж точно. Так и гляди — ножку подставят.

Обыкновенно помолвленные жених и невеста и до свадьбы, и после свадьбы строят планы своей жизни, у наших ребят планы были так грандиозны, что они боялись даже говорить о них. Оба они мечтали помочь своим народам; Борис — русскому народу, Драгана — сербам, а оба вместе — славянам. Объединить славянство, превратить этот народ в силу, способную спасти род людской от грядущего конца света,— такие у них были мечты и задачи. Об этом они говорили часто, горячо, и хотя в глубине души страшились этой цели, но шли к ней упорно и неотвратно.

Любопытно, что молодые все события своей новой жизни встречали относительно спокойно и даже как будто бы с весёлым безразличием. Прошёл месяц после помолвки, прошёл и второй, и третий, а радость обретения друг друга оставалась той самой первой, внезапной и оглушительной, которая свалилась на них в день помолвки и в первые дни после неё. Распорядок жизни у них не менялся, они по-прежнему трудились, но только часто заходили друг к другу, обнимались, целовались и снова разбегались по своим

рабочим местам в лаборатории. Вечером шли на ужин или на вечерний чай к дедушке или к дяде, а уж потом в полночь расходились по спальням.

Впрочем, Борис о своих научных делах больше молчал; к ним в биологическую лабораторию вернулась с материка из госпиталя вся прежняя команда Арсения Петровича и сам Арсений Петрович, но что было интересно и волновало Простакова — к ним почти ежедневно прибывали всё новые и новые люди, которых приглашал из России Арсений Петрович и ближайшие его помощники. Лаборатория расстраивалась, расширялась, и денег на её расширение дедушка Драган не жалел. Он лично встречал на пристани и на домашнем аэродроме вновь прибывающих, знакомился с их жёнами, радовался, если они приезжали с детьми, и говорил, что на каждого ребёнка деньги будут выдавать отдельно. «Там ваша власть в России вымаривает и выстуживает русских по миллиону в год, миллион беспризорных детей бродит по улицам, а мужики до пенсии не доживают, — вот вы и пополняйте русский народ — назло всем врагам нашим».

Заканчивалась отделка помещений новой больницы и трёх клиник при ней. Физико-механическая лаборатория, которую возглавлял Павел Неустроев и которая за три месяца превратилась в настоящий экспериментальный завод, изготовила десять установок по «обстреливанию» больных лучами Простакова. Эти установки представляли собой таинственные сооружения, рассчитанные на внезапное и сильное психологическое воздействие на больного. Врачи заранее готовили больных к процедуре, говорили им о необычайной силе и свойствах чудо-машины, изобретенной русским гениальным учёным, о действии лучей, способных в одно мгновение восстановить все природные функции мозга и даже усилить умственную способность человека. Не надо только бояться этой машины, её волшебных лучей — надо сидеть спокойно и даже не закрывать глаза, а все вспышки и сияние лучей воспринимать как Божественную силу, посланную для восстановления всех природных способностей и сил.

После такой обработки больного одевали во всё чистое, красивое, приводили в порядок его причёску и за руки вели в помещение, где его ждала чудодейственная машина. Открывалась дверь, и больному в глаза бросалось внушительное сооружение, не похожее ни на рентгеновский аппарат, ни на какую другую медицинскую установку. Это было что-то фантастическое, сверкавшее никелем и позолотой, блестящее стёклами фонарей, объективами кино или фотоаппаратов. И всё крутилось, ворочалось, перемещалось из одной стороны в другую. Аппарат был точно живой; он ждал и звал подходившего к нему человека, а когда больной всходил по ступеням и усаживался в кресло, аппарат вдруг подавал какие-то голоса, ярче сверкала линзами, фонарями и стёклами, и все его рычаги, поручни и колёса как бы оживали и начинали свою таинственную, непонятную для ума человека работу. Потом вдруг всё озарялось светом солнечного протуберанца, и так же внезапно все потухало. Больного брали под руки и выводили из помещения.

Вся эта работа была рассчитана на потрясение психики человека, на внушение чего-то необыкновенного и чудодейственного. Само же лечение производилось оператором, находившимся внутри установки, и заключалось в простом нажатии кнопочки на миниатюрном приборе. Не будь этого громоздкого и сложного аппарата, лечение все равно бы достигло цели, но вся эта придуманная Простаковым и Неустроевым установка и процедура лишь усиливали действие лучей, потрясали воображение.

Прежде других о чудодейственном лечении больных на Русском острове узнали Южные штаты Америки и близкая к ним Куба. Фидель Кастро послал на остров группу врачей с больными, а затем, убедившись в реальности слухов, приказал отправить на остров паром и на нём тысячу больных, нуждавшихся в лечении лучами доктора Простакова. Самому же Простакову он послал приглашение посетить Кубу в качестве его личного гостя. Его письмо заканчивалось словами: «Русские люди с первых лет существования Кубинской республики пользуются у нас глубоким уважением, и мы рады,

что именно Русский доктор заслужил в наших краях всеобщую любовь и признательность».

Со дня на день на острове ожидали паром с Кубы.

Большая метаморфоза произошла в поведении доктора-психолога Ноя Исааковича и его шефа Ивана Ивановича. Они с утра появлялись то на вилле адмирала, то во дворце хозяйки острова, то в помещениях биологической лаборатории. К тому времени была закончена отделка личной виллы дедушки Драгана; он то оставался на ночь в апартаментах внучки, то ночевал у себя. На его вилле ни доктор Ной, ни таинственный и вездесущий Иван Иванович не появлялись. Тут принимали только тех, кого приглашал хозяин, а хозяин их явно игнорировал. Не пускали их и во все помещения физико-механических мастерских и лабораторий. Тут на входе стояли по два дюжих парня,— непременно, русских или сербов. Ной Исаакович с ними дискуссий не заводил, а Иван Иванович иногда говорил: «Не понимаю ваших строгостей. Вы могли бы знать, что мы тут люди не посторонние и терпеть ваших порядков долго не будем». А однажды сказал часовому: «Передайте своему главному механику: он может схлопотать большую неприятность».

Часовой эту его угрозу передал Неустроеву, на что Павел сказал:

— Дела наши секретные, и никто без моего ведома к ним допущен не будет.

Однажды к Павлу пришёл адмирал и передал жалобу Ивана Ивановича. Павел спросил:

— А кто он такой, Иван Иванович?

Адмирал пристально посмотрел в глаза Неустроева и глухим голосом, и тоном, в котором звучала неуверенность, заметил:

— А вы думаете, я знаю, кто они такие? Они из тех людей, которые появляются там, где собирается более трёх человек. И всегда за ними кто-то стоит. Но вот кто стоит за этими — я не знаю.

— Но зачем же вы их держите на острове? Да ещё так близко подпускаете к Простакову. Он доверчивый, добрый человек, и они что угодно могут с ним сделать.

На это адмирал сказал:

— Их прислал губернатор штата, мой брат. Я полагаю, они не причинят нам зла. Но как только я замечу неладное, я приму свои меры. А вы работайте спокойно и никого не опасайтесь, только покрепче на замке держите свои секреты.

Делами Павла Неустроева с первых же дней увлёкся дедушка Драган. Его поразила первая же идея Павла: записывать на цифровой диск всю информацию, идущую с материка на остров и обратно. Дед тут же и сказал Павлу:

— Вот эти два молодца... два еврея. Мне бы записать их разговоры.

Павел пообещал через неделю предоставить деду «спектакль двух актёров», то есть запись всех переговоров Ноя со своими людьми. И через неделю такой «спектакль» лежал на столе деда. Он прослушал все записи и всё понял, кому служат эти молодцы, чьи задания они выполняют. Дед пригласил к себе Павла. Показал на серебряный диск. Спросил:

— Много таких разговоров могут на нём уместиться?

— Если они будут беседовать сто лет, то и тогда ещё половина диска останется незанятой.

— А как выделить из тысяч голосов один, вам необходимый?

— Мой прибор не только записывает, но он ещё и мгновенно находит нужного вам человека, нужный вам голос. Тут заодно вмонтирован и компьютер. Стоит набрать имя нужного человека,— ну, скажем: Ной,— и прибор будет записывать только его. Наберите десять имён, двадцать, тридцать, и прибор будет слушать и записывать только эти имена.

— Погоди, погоди. А если, скажем, я хочу записать всё, что сегодня за день наговорил президент Америки, наш Буш, например?

— Пожалуйста: наберите его имя: Буш. Но предварительно я должен записать его голос, хоть одно сказанное им слово: по телевизору, например. И тогда компьютер запомнит тембр его голоса, частоту волн, кантилену и всё такое. И уж тогда он его голос не спутает ни с каким другим. И когда вы захотите слушать его... только его, например, любимого певца, слушайте хоть день, и два, и целый год.

— Ну, а теперь ты мне скажи, любезный, там, на материке, у нас в Штатах и у вас в России, есть такая игрушка?

— Да, есть, но она громоздкая, размещена в просторных цехах и требует большого технического персонала. А кроме того, та, большая машина, ещё не научилась слушать адресно, только один, нужный вам голос. Она слушает миллион голосов и потом тратит уйму времени, чтобы отыскать один из них. Такую задачу без труда выполняет только она вот... которая лежит у меня на ладони.

И Павел показал деду прибор, похожий на маленький радиоприёмник.

— Его устройство известно кому-нибудь?

— Нет, неизвестно. Я потому и завёл в своей лаборатории и в мастерских строгий режим.

— Ты его изобрёл и изготовил там, в России?

— Да, там.

— И почему же ты не продал или не отдал его своей стране?

— Страна-то у нас есть, да только в науке нашей кишмя кишат «человеки с двойным гражданством», а они народ ненадёжный, не знаешь, на какую страну работают.

— Понимаю,— качал головой дед Драган.— Очень даже хорошо я тебя понимаю, друг мой. А теперь мы с тобой долго должны думать, чтобы не опростоволоситься. Ну, ладно, вы пока идите, а я буду соображать, что мы будем делать с этим ещё одним вашим замечательным приборчиком. Мы живём в такое время, когда нас пасут, нас всюду подстерегают Иваны Ивановичи и Нои Исааковичи. Стоит зазеваться, как тут же тебя и обобрали до нитки. Да, да — вот так, мой друг. Я хотел ехать домой, на материк, а теперь ещё поживу тут. Ещё вчера я жил в одном мире, а сегодня этот мир благодаря твоему приборчику стал иным, и мы должны научиться жить в условиях, которые ты для человечества придумал. Вот так, мой друг. Недавно меня ваш приятель Простаков озадачил, а тут ещё и ты заботушку на седины мои свалил. Будем думать, будем думать.

Русский остров лежит в зоне тропического пассатного климата; зимы здесь не бывает, снега не знают. Самая мягкая спокойная погода держится в наше зимнее время, то есть с января по май. Дождей в это время почти нет, температура воздуха умеренная, примерно такая, как у нас летом в Подмосковье. Но вот наступил август — и небо закружилось облаками, пошли дожди, задули горячие ветры, всё чаще налетают ураганы.

Сегодня Борис и Драгана пораньше закончили работу, Борис пришёл домой, а Драгана зашла в левое крыло виллы, где она поселила Эллу Битчера, который, наконец, закончил лечение у русского доктора и перебрался насовсем в дом Драганы. Уральский доктор поднял его с постели, и он, хотя и на костылях, но уже передвигался по дворцу и даже выходил на прогулку. Жил он в первом и втором этажах, и для удобства его передвижения была перестроена лестница, соединявшая этажи; она была пологой и без приступок. Перебралась на остров и прислуга, состоявшая из пяти человек, и водитель, и четыре парня из его охраны. Все они перебрались на остров с семьями, купили дома поблизости от дворца хозяйки острова. Элл знал, что Драгана помолвлена, привык к этому новому своему положению и всё время просил у Драганы и губернатора, и старика Драгана, чтобы ему позволили жить на острове поблизости от семейства Станишичей, которых он считал родными. Теперь же, когда он прослышал ещё и о чудодейственных

лучах Бориса Простакова, он надеялся и сам принять курс лечения,— авось лучи прибавят ему здоровья.

Лучшие мастера-строители, художники и архитекторы в спешном порядке отстраивали дворец, некогда принадлежавший губернатору, отцу Драганы, но теперь подаренный Элли. И вот он был готов.

Все комнаты на первом этаже: большая гостиная, комната для отдыха и кабинет хозяина, несколько комнат для прислуги, столовая, кухня и буфет; и все помещения второго этажа: здесь тоже была большая гостиная, каминный зал, где принимались гости в холодную ветреную погоду и устраивались чаепития, второй кабинет хозяина и прилегающая к нему библиотека, бильярдная и спальня — все комнаты на первом и на втором этажах были спешно отремонтированы, сюда на пароме была доставлена любимая мебель, книги, картины и прочая домашняя утварь из городского дворца и загородной виллы Элла; и под руководством архитектора и художника всё было развешено и расставлено, и только тогда сюда переехал Элл Битчер. Неподалёку же от магната разместились управляющий его танкерным флотом, юристы, финансовые и технические консультанты. Денег на персонал и на своё содержание Элл не жалел; по его просьбе была сделана ревизия доходов и расходов — оказалось, что за последнее время в связи с большим подорожанием российской и арабской нефти его доходы сильно увеличились, общий капитал, включая и его имущество, составлял более семи миллиардов. И, как мы уже сказали, половину этого капитала он подарил Драгане, сделав её вторым после себя акционером компании. Вот так, в один момент, наша героиня стала владелицей капиталов, позволяющих ей вступить в могущественный Клуб миллиардеров и сидеть там рядом со знаменитым дедушкой. Но она со вступлением в клуб не торопилась, хотя дед Драган ей и сказал: эту акцию в твоей жизни затягивать не следует.

Элл ожидал Драгану в гостинном зале первого этажа. Как всегда, о ней никто не докладывал, она вошла тихо, приблизилась к нему сзади и, как она делала в детстве, закрыла глаза ладонями. С тех пор, как с ними произошла ракетная катастрофа, она как своя, родная, приходила к нему в его комнаты, а теперь вот и к нему во дворец. И каждый раз целовала его в щёку или в голову, а то прижималась к его плечу.

— Дана,— он всегда называл её ласково: Дана,— открой балкон, я хочу слышать и видеть, как резвится океан,— может быть, сегодня случится цунами. Я видел страшный сон, будто к нам на остров идёт цунами. Я прочитаю молитву, и ураган стихнет.

Дана набросила на него плед и провела на балкон. Свет из окон, точно лучи фонарей, освещал прибрежную мглу над океаном, точно руками пытались отодвинуть и мрак сгустившейся ночи, и мокрые клубы несущегося с юга на север воздуха... Ураган набирал силу, и сердце Драганы сжималось от каких-то тайных, неведомых раньше тревог.

— Тебе не страшно? — жалась она к его плечу.

— Нет, мне не страшно. Мне хорошо. Я уж наслушался о конце света,— думаю теперь, что и вправду с нами должно произойти что-то страшное. Тебе не кажется?

— Нет, не кажется. Я не хочу, чтобы с нами что-то происходило. Я хочу жить. И хочу, чтобы людям было хорошо.

— Всем людям?

— Да, всем.

— Но ты же говорила, что на свете есть племена, есть целые народы, настроенные враждебно к другим людям.

— Да, такие народы есть, но я и им не желаю зла. Я бы хотела их исправить, помочь им. Они, как больные, требуют лекарств и лечения.

— Я в это не верю, я думаю иначе: в каждом народе есть экземпляры хорошие и плохие. А твоя философия мне не нравится. Боюсь, что ты ошиблась в выборе темы для своей научной работы. Прости меня, но я так думаю.

Драгана не отвечала, она не впервые слышит от него такой упрёк и знает причину его недовольства. Сам он не знает своего рода и племени, а такие люди равнодушны к судьбе других племён и народов,— им никого и ничего не жалко, они бы не хотели искать врагов,— может быть, из-за боязни, что в этих поисках кто-то доберётся и до них. Они признавали правой и достойной уважения только одну категорию людей, так называемых «граждан мира», «общечеловеков», а всех остальных зачисляли в разряд «красно-коричневых» и в праве на жизнь им отказывали. Если говорить проще, Элл был интернационалистом, а Драгана придерживалась противоположной философии. Ещё будучи студенткой, она в свой блокнот записала известную фразу Арнольда Тойнби: национализм является «могущественной религией отчасти потому, что он стар, как само человечество, и вечно молод».

Элл любил Драгану, и это чувство застилало от него все другие помыслы, но в последнее время, после нескольких продолжительных бесед с Даной на эту щекотливую тему, он однажды даже подумал: а если бы Драгана стала его женой, как бы они преодолели эти разногласия?.. Но тут же он себя и успокаивал: приведишь им быть вместе, эти разногласия быстро бы развеялись. И в этом, конечно, Элл глубоко ошибался. Поверхностные натуры — да, они легко бросают свои общественные воззрения, но Драгана была не из той породы людей; для неё-то как раз и было самым главным в человеке его отношение к Роду, национальности; его патриотизм.

Порыв ветра налетел на балкон, и Элла вместе с костылями отбросило в угол ограды; он вскрикнул и обеими руками схватился за железные прутья. Драгана ринулась к нему, но её подхватил новый порыв, и она очутилась у ног Элла. Сильными руками он схватил её за воротник тёплого халата, подтащил к себе и прижал к балконной ограде. Как раз в это время у двери появились Борис и Павел; они увидели Элла и Драгану, ринулись к ним на помощь, но тут же и сами были сбиты новым яростным ударом.

— Держись за ограду! — кричал Борис Павлу, который распластался рядом с Драганой у ног Битчера. Борис на животе подполз к ним и обхватил Павла и Драгану. Так они, свившись в клубке, держались под ударами ветра, набравшего к этому часу наибольшую свирепость. Драгана первая оправилась от испуга, рассмеялась, и смех её радостный и звонкий смешался с воем непогоды, но был услышан всей несчастной командой молодых людей, приободрил их и побудил к активным действиям. Борис захватил за руку Элла, рванул его к двери и втолкнул в зал. За ними вбежали и Павел, и Драгана. И здесь в зале хотя и не оставил их совсем буйный гнев океана, но они почувствовали себя в безопасности.

— Во, ураган! — воскликнул Павел.— Мне кто-то сказал, что сегодня к ночи он разыграется.

И подошел к Дане, поправлявшей причёску, но ещё не вполне пришедшей в себя. Она сказала:

— Здесь у нас так. Но, слава Богу, не цунами, а ураганы налетают на остров и всегда внезапно. И бушуют они в конце лета; видимо, солнце нагреет океан, и он своим горячим дыханием возмущает небо. Страшно бывает, но я люблю эти шалости природы; я в молодости, когда училась в школе, даже купалась во время ураганов,— впрочем, до тех пор, пока дедушка не наказал меня.

Потом они пошли в каминный зал, где к тому времени главный камердинер Элла богатырского сложения негр Том распалил дрова в камине и вместе с поваром и официанткой, тоже негротянками, накрыл стол для чаепития.

Молодые люди впервые собрались у Элла и почти любовно общались друг с другом. Драгана сказала:

— Элл стесняется вас, но я выступлю от него адвокатом. Он хотел бы пройти у вас курс лечения,— и, может быть, не один раз.

Друзья ответили не сразу. Борис не знал, как отнесутся к этому дядя Ян и дедушка Драган. К тому же, он ещё не был уверен в том, что его лучи совершенно безвредны для человека. Пожал плечами, сказал:

— Проблем нет, но вопрос этот надо обсудить на семейном совете. Пациент слишком важный, и тут нужен консилиум. Без совета со старшими не можем принять решение, хотя, разумеется, метод лечения у нас универсальный и кроме пользы от наших процедур ничего произойти не может.

Борис говорил глухо, сбивчиво, и в голосе его звучали не то опасение за возможный неуспех лечения, не то какой-то душок малодушия, и он не знал, как вывести разговор на весёлую бодрую тональность.

Повернулся к Элли, тронул его плечо:

— Я очень хочу вам помочь, мы сделаем всё, и в этом, вы, пожалуйста, не сомневайтесь. Если не возражаете, мы с Павлом завтра же зайдём к вам и визуально обследуем ваш позвоночник, посмотрим рентгеновские снимки. Нам всё это нужно для того, чтобы избрать верную тактику лечения.

Борис говорил, а сам думал, как он будет советоваться с дедушкой Драганом и адмиралом. Всё-таки червячок боязни у него в душе оставался: Борис не знал результатов в отдалённом времени.

За полночь они покидали гостеприимный дом Эллы. Ураган, наделав много тревог и шума, так же внезапно удалился к северу американского континента.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ураган, точно конь ретивый, сорвался с поводьев и понёсся между Багамскими островами и южными штатами Америки. Небо над Русским островом помрачнело, океан окутал мокрым холодным сумраком прибрежные города, посёлки. Но к рассвету ветер вдруг обессилел, сник и затих где-то на берегах срединных штатов Нового света. Миллионы людей этой ночью не смыкали глаз, плотно закрывали двери и ставни окон, слушали свист и вой взбесившейся природы, с ужасом рисовали в воображении картины недавно свершившейся катастрофы, вздыбившей на сотню метров океанские волны и обрушившей их на острова Индонезии.

Сотни тысяч жизней в одночасье, точно бешеный крокодил, проглотил цунами, вырвал из тела человечества клок живого мяса. Люди стали пугаться слова цунами, кругом только и слышишь о близости конца света, о гневе Господнем. Безбожники и циники, ещё вчера не верившие ни в Бога, ни в дьявола, стали креститься, спрашивали друг друга: неужели есть он, Творец Всевышний? А если он есть, то чего следует людям ожидать от него? Ведь они так много нагрешили!

Испуганные взоры всех народов повернулись к Америке; ведь это она грешит больше всех: бомбила Югославию, теперь, точно раненый вепрь, кинулась на Ирак. По всему миру растлевают молодёжь, поселяет в душах бесовщину. Её в первую очередь и накажет Господь.

Утром Драгана и Дундич полетели в столицу штата, а на вечерний рейс у них уже были куплены билеты до Белграда.

Губернатор Урош Станишич по случаю отъезда на родину дочери и с нею группы ребят из сербской диаспоры приехал обедать домой и несколько часов до отлёта провёл с ней. Дочка спросила отца:

— Ты чем-то встревожен, в твоих глазах нет прежней уверенности и силы? Может, на службе что случилось?

— На службе всегда что-нибудь случается — на то она служба, да теперь ко всем прочим тревогам прибавилось ожидание цунами. Я всю ночь не спал, звонил дежурному по городу, просил докладывать обстановку. Скорость волны, катившей на город, сравнялась со скоростью пассажирского поезда, но высота, слава Богу, не поднялась до опасной черты. Господь нас миловал,— но это сегодня, а завтра сила волны может превзойти индонезийскую. Наш-то город, да и весь юг Америки расположен низко над уровнем моря. Нас словно дьявол надоумил тут построить города и поселить множество людей.

После минутной паузы добавил:

— Президент мне звонил, он тоже всю ночь не спал.

Губернатор не хотел бы пугать свою дочь, но она уже выросла и сама занималась серьёзными делами,— решил говорить с ней как со взрослой.

— Мы как-то вдруг, в последние год-два, поняли, что Америка уязвима больше, чем Россия. Раньше-то мы рассчитывали на одну силу: атом и водород, а тут оказалось, есть третья сила — пострашнее, чем любые бомбы; эта сила там, на небе. Мы-то в Бога не верили, а оказывается, он, а не мы, правит всем на свете. И вот — ткнул нас носом, точно котят, и — показал, как мы ничтожны и слепы.

— Ты имеешь в виду цунами?

— Не только, хотя и эта сила вдруг заявила о себе, но есть ещё и дыры, сквозь них смертельная радиация летит на землю, и таяние льдов — оно поднимает уровень мирового океана, а также и другие космические и экологические фокусы. И вот ведь что поразительно: все шалости природы вначале нас избирают своей мишенью, а уж потом Россию, Индию, арабов и Китай. По чьей-то злой воле мы ставили города-мегаполисы в низинных местах и на побережье, жались к воде, а вода, как мы теперь видим, тоже живое существо; вначале она щелкала нас по носу ураганами, на манер того, что пронесся над нами прошлой ночью, а уж затем рассвирепела и поднимает стометровые волны, для которых нет препятствий. Океан как бы предупреждает: мне ваши города не нравятся, уберите их, иначе я разнесу ваши жилища, а вас кину рыбам на съедение.

— Ну, папа, нагнал страху!

— А ты не пугайся, принимай меры. Превращай остров в неприступную крепость. На счастье он состоит из скалистых берегов и торчит над океаном как зуб Вселенной. Ты теперь поедешь в Белград, а там, может, заедешь и в Москву, и в Петербург. Я дам тебе адреса наших друзей и живущих там сербов; надо снабдить их вот этой вашей штучкой, и пусть они работают во благо нашего славянского племени и всех добрых людей на Земле.

Он вынул из стола блокнотик и подал его дочери:

— Вот список наших друзей. Укрепи их в вере, снабди деньгами — пусть они вспомнят, что они славяне, и поднимаются на борьбу. В Белграде к тебе подойдёт человек, который уже имеет тысячу наших приборчиков. Он хорошо обучен, но ты ещё раз покажи ему, как ими надо управлять, и растолкуй, где и в каких случаях их следует пускать в дело.

Наступали сумерки, когда Драгана и её четырнадцать друзей во главе с Дундичем отправились в аэропорт, а к дому губернатора стали подъезжать чиновники, которых он замыслил назначить на главные посты в государстве в случае его избрания президентом. Наиглавнейшей из этих чиновников была Барбара Шахорн,— женщина неопределённой национальности и непонятного возраста, но больше похожа на негритянку с заметной примесью белой масти; то ли ей было тридцать, то ли пятьдесят: маленькая на тонких и кривых ножках, худенькая, как подросток, и проворная, как испуганный зверёк. От машины и до входа в дом её сопровождал здоровенный, как горилла, негр, а в гостиной её встретил хозяин и долго, нежно целовал ей руку. Урош предполагал назначить её

советником по безопасности,— на второй по значению после государственного секретаря пост,— но, в сущности, это был такой же важный пост, как и государственный секретарь.

Барбару губернатор избрал по рекомендации отца, члена тайного Совета Богов, клуба мультимиллиардеров — она была тесно связана с членами мирового правительства, а по внешнему виду олицетворяла большинство американского общества.

Примерно такой же окраски, но пожилой, опытный важный господин предполагал стать государственным секретарём. Внешний облик его как бы напоминал многих из того самого расового коктейля, который, как говорил дед Драган, сильно покраснел и почернел в последние пять-семь лет. У деда была своя теория состояния человеческой популяции; он весь род людской делил на три цвета: белый, чёрный и красный. И утверждал, что белые живут, чёрные прозябают, а красные мутят воду, то есть делают войны, революции, реформы. Точный расклад по национальностям не делал. Обыкновенно махал рукой и добавлял: вот когда красный петух клюнет вас в мягкое место, тогда и поймёте, какой он национальности.

Будущий госсекретарь был чёрен и имел покатые плечи. Если на него посмотреть сзади — сутуловатый орангутанг с короткой шеей и плоским затылком; в профиль глянешь — коричневый бразилец с едва заметной пуговкой носа, ну, а если заглянуть в глаза — в них тёмная ночь аборигена Австралии или Гвинеи. Этого за один только вид способна полюбить добрая половина Америки, на улицах которой белый человек встречается всё реже. И, наверное, его там скоро поместят в резервации, как и прежнего хозяина континента, индейца. Есть и ещё один знак, которым он покоряет современную Америку: на все людные сборища он таскает за собой свою дражайшую супругу, дочь известного владельца нескольких телевизионных каналов Самуила Когана. А уж этим жестом он пристегнул к себе всё многочисленное еврейство и породнившихся с ними.

А всех вместе этих будущих правителей Америки объединяла лютая ненависть к белому человеку, захватившему в своё время, как они справедливо полагали, их дедов и прадедов в рабство. Их кровь кипела нетерпением отомстить за обиды пращуров, они теперь открыто называли людей арийского вида «белой молью».

Губернатор, собирая этот гремучий коктейль, решился на дерзкую акцию: обработать их «Импульсатором» Простакова. И пока они рассаживались за столом, хозяин, словно бы беседуя с кем-то по мобильному телефону, то удаляясь от гостей, то приближаясь к ним, по каждому щёлкал «успокоительным» лучиком и видел, как приглашённые, один за другим, вздрагивали и хватались за голову. Впрочем, обрадованные, что боль была мимолётной и быстро отступила, оживлялись и важно, церемонно занимали свои места за столом.

И — о, Господи! Верить ли глазам своим и ушам? Только что гости губернатора были важны и надменны, и даже подчёркнутая вежливость и дружелюбность хозяина не растопляла их суровые сердца, а тут вдруг все ожили, засветились, проявляли взаимную предупредительность. На каждое слово губернатора поворачивались и смотрели на шефа преданно и влюблённо, всем видом своим и жестом демонстрировали готовность повиноваться, и за всё благодарить, и по первому же знаку исполнять малейшее желание патрона.

Как и говорили ему биологи, «облучённые» будут послушны и ласковы, и за всё благодарить, и во всём повиноваться, это будут не люди, а покорные овечки. И в то же время никто не заподозрит в них отсутствия характера. Все будут думать: какие тонкие политики! Какие хитрые дипломаты!..

Губернатор нащупал в своём кармане «Импульсатор», гладил пальцами его холодное, хромированное тельце — млея от сознания, что он есть, что он способен превратить в овечек тысячу вот таких ненасытных, кровожадных гиен, и потом, после подзарядки батареи, снова тысячу целей, и так без конца, хоть десять тысяч, двадцать, а там подберишься и ко всему человечеству, вышибай злобу и звериные инстинкты из всех живущих на Земле людей. Вот ведь какое чудо изобрели русские ребята, жители острова,

который принадлежит его дочери! Радовала ещё и такая мысль, что приборов на Русском острове много, и никто не может ими воспользоваться, кроме людей, которым они будут доверены.

Станишич украдкой оглядывал своих помощников: они станут служить ему верой и правдой, не будет своеволия, интриг, предательства. И люди, возлагавшие на них свои злонамеренные надежды, несомненно поймут, а скорее всего, не поймут и вовсе, что над ними произведена какая-то экзекуция.

Кажется, никогда ещё Урош Станишич не испытывал такой бурной, всепоглощающей радости.

Драгана зафрахтовала в самолёте отдельный салон на пятнадцать человек, и этот славянский партизанский десант с берегов Южной Америки полетел в Белград. За круглым столом в салоне все пятнадцать человек не помещались, и друзья расположились в креслах и на диванах таким образом, чтобы могли видеть и слышать друг друга. Тема их беседы была одна: как умнее, ловчее и незаметнее для любых пытливых глаз провести боевую операцию, ради которой они летели на Родину. Разложили на столе карты, ещё и ещё раз распределяли цели, уточняли, кто и как будет действовать, передвигаться, держать между собой связь и как в случае нужды пускать в ход деньги для подкупа людей, несущих службу на дорогах.

В местах предполагаемых действий проживают албанцы. Прежде, из века в век, там селились сербы. Это были земли, обжитые ещё в древности их предками, перешедшие сербам от отцов и дедов, но пришёл на их землю коварный человек другой крови и веры и с чужим именем Ёся, втёрся в доверие к сербам и возглавил партизанские отряды, ушедшие в горы и боровшиеся в годы войны с немцами за свою родину. Потом, когда Югославию освободили от немцев русские солдаты, Ёся организовал выборы, собрал большинство голосов и стал президентом. На славянских землях он проводил политику братства народов, но скоро заметили, что больше других он любит хорватов. Им он отдал лучшие земли сербов, а для албанцев открыл границы и всячески завлекал их в соседние с сербами районы. Говорил он с каким-то непонятным акцентом и по внешности ничем не напоминал славянина. Сербы начали роптать, называли его вначале хорватом с еврейскими корнями, но затем эту версию газеты стали отрицать и говорили сербам, что он хорват с венгерскими корнями. Сам же Ёся поехал в хорватскую деревню Кубровец к одинокой старушке и назвался сыном, который долго пропадал на чужбине. Но старушка его не признала, сказала, что у неё был сын Ёжа, но у него не было пальца на руке. А между тем на Балканах роптали: президент — чужой человек, у него было восемь жён, и в России он имел жён. Говорить по-сербски он так и не научился, и к сербам относится плохо. Однажды в пылу полемики назвал их придурками. Теперь уже о нём говорили: венгр с еврейскими корнями. К «матери» он приезжал дважды, она жила долго и очень бедно. А в Югославию, между тем, всё больше наезжало албанцев. Так возник «Косовский котёл», то есть такое положение, когда в Косово проживало больше албанцев, чем сербов. И албанцы стали вытеснять славян с их родной территории: рушили православные храмы, жгли дома, резали людей, убивали. Вот в этот «котёл», — на земли отцов и дедов, а теперь принадлежавшие оккупантам, и летел отряд новых партизан; на этот раз уже без коварного и чужеродного командира, а во главе со своим верным товарищем, сербом по крови Дундичем.

У каждого был «Импульсатор», каждый знал его силу и ещё в лаборатории усвоил приёмы его применения. Для бойцов отряда были изготовлены «Импульсаторы» разной формы: похожие на зажигалку, на большую пуговицу, ремennую пряжку и так далее. Здесь, в самолёте, бойцы задавали Драгане свои последние вопросы. У многих ещё оставался страх: вдруг как случится, что боец получит ранение, потеряет сознание и приборчик попадёт в руки врага.

— Ну, а этого опасаться не следует,— спешила успокоить Драгана,— для каждого постороннего человека «Импульсатор» всего лишь мобильный телефон, зажигалка и ничего более. И в любых условиях, в любой обстановке вы пользуетесь им, как вас учили. Ребята из физической лаборатории, а затем и наши русские механики позаботились так хитро встроить в этот мобильник или в пряжку «Импульсатор», что попади он хоть в руки к Архимеду, тот ни о чём бы не догадался. И ещё раз повторяю: направляя луч в свою цель, не бойтесь зацепить ненароком хорошего человека, нашего товарища. «Импульсатор» поразит только такую жертву, которая не имеет славянского генома, то есть набора тех психических и умственных свойств, которыми Бог одарил нас, славян. Прибор поражает лишь отрицательную генетику, то есть геном, заряженный клетками зла и насилия, а если сказать иными словами: он сам ставит диагноз и тут же излечивает человека от всего дурного, что в нём заложено.

— Но поразил же он Арсения Петровича и его товарищей!

— Да, поразил. Но лишь в том случае, когда поток лучей был увеличен во много раз. А кроме того, Борис Простаков с тех пор уточнял его схему и ввел новую программу. И тут я снова с удовольствием повторяю: в наших руках не оружие, а средство исцеления, а мы с вами не убийцы, не насильники, нам оружие дал сам Бог, и мы при помощи волшебного «Импульсатора» лишь исправляем ошибки и несправедливости природы.

Драгана говорила книжно, по-учёному, но это была её сознательная лекция; она хотела бы внушить спокойствие и уверенность товарищам по борьбе, вселить в них веру в справедливость и даже великое благородство их миссии.

Ёван Дундич, умевший из любой ситуации извлекать что-нибудь смешное, вдруг заговорил о знакомом банкире:

— Мой старик после налёта американцев на Белград вдруг стал увеличивать свои капиталы и теперь разбух, как паук. И стал жадным, не даёт мне под малый процент деньги. Вот будет потеха, если я щёлкну его «большой дозой»!..

Он повертел в руках «Импульсатор», будто забыл, где на нём прячется эта самая большая доза. Драгана сказала:

— Я знаю этого старика...

— Так вы же и привели меня к нему! — воскликнул Дундич.

— Будьте осторожны с большой дозой; с ним может случиться истерия, и он будет плакать. Его помощники позовут врачей, и они увезут его в психушку. Мы лишимся своего друга в финансовом мире.

— Ну, хорошо! — воскликнул Дундич.— Я зайду в «Альфабанк»,— он там рядом,— и хлопну по башке Арона; он тоже заведует банком, и он — старший внук нашего старика. Что вы на это скажете? Они у нас деньги забрали, и заводы, и все богатства, а мы их по черепку лучиком. То-то будет славно.

И Дундич громко рассмеялся. А Драгана заметила:

— Против Арона не возражаю. Мы ещё ни на ком не испробовали большую дозу. Но заметили: евреи более стойкие к нашим лучам; есть и такие,— чаще всего из молодых,— на которых обычная доза и совсем не действует. И всё-таки, я не советую угощать его большой дозой. Он молодой, пусть живёт. Облучённый и обыкновенной дозой, он станет другим: жадность из него вон вылетит.

Самолёт заходил на посадку. Славяне скоренько собрались и первыми спускались по трапу.

Драгану встречал Савва Станишич. Он был младший из трёх братьев: русоволосый, синеглазый, с непросыхающей улыбкой, мужчина лет сорока. Драгана так же его горячо любила, как и дядюшку-адмирала, и маме своей, и отцу говорила: хороших дядюшек подарила мне природа! Я как вспомню, что они у меня есть, так и жизнь становится веселее. Она при этом вспоминала биографию Сергея Есенина — у него тоже было трое дядюшек. О них он писал: «Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с

половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня бельё и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлёбывался, он всё кричал: ”Эх! Стерва! Ну, куда ты годишься?“. ”Стерва“ у него было слово ласкательное».

Партизаны во главе с Дундичем ехали на трёх такси, а дядюшка усадил Драгану в заднем салоне своего лимузина и сам сел с ней рядом. Говорил:

— Матушка ждала тебя, но её срочно вызвал твой отец. У него там какой-то раут, и ему нужно быть на нём с супругой. Ну, ничего; я надеюсь, тебе не будет у нас скучно.

Тронул её за плечо:

— А ну, племянница,— сказал на манер Тараса Бульбы, встретившего своих сыновей,— повернись ко мне, и я разгляжу тебя получше. Ты ещё не вышла замуж, а уже стала настоящей дамой. Впрочем, прелестей в тебе не убавилось. Ты у нас — визитная карточка рода Станишичей. Я люблю появляться с тобой на людях, и мне приятно видеть, как все наши друзья и знакомые, да и просто чужие люди глазают на тебя так, будто ты космонавт и только что опустилась на землю. Но скажи-ка мне, пожалуйста: почему это ты не взяла с собой своего женишка и решила прятать его от нас? Он что, урод какой-нибудь или негр, мексиканец, а не то ещё экземпляр какой, и того получше?

— Он русский, дядюшка, и очень похожий на вас. Ты же помнишь: я была маленькая, а уже говорила, что выйду замуж за дядюшку Савву. А если он меня не возьмёт, то поищу жениха такого же красивого и весёлого.

Они рассмеялись, и Драгана утонула в объятиях дяди. Потом серьёзно заметила:

— Мой суженый занят. А кроме того, он не свободен и пока не может распоряжаться собой.

— Однако же сумел увлечь нашу Данушку,— на это свободы ему достало.

Дядя Савва был полиглот, но особенно хорошо он говорил по-русски. Он был профессором Белградского университета, преподавал мудрёную науку философию, но к тому же читал лекции по всеобщей истории и в педагогическом институте. В научных кругах Савва Станишич слыл за крупного специалиста по новейшей истории Русского государства, и для пополнения своих знаний ежегодно по два-три месяца жил в России. И, как подлинный учёный, жил он не только в Москве, но и в других городах и частенько наезжал в отдалённые от центра сельские районы.

— Да, на это свободы ему хватило, но тут уж судьба. Но я лучше скажу тебе: и дедушка, и отец, и наш грозный адмирал велели обнять тебя и передать от них привет. Они всегда думают о тебе, помнят тебя и любят, и хотят, чтобы ты жил в Белграде, потому как может случиться, и все мы будем жить на родине своих предков.

И ещё новость: адмирал вышел в отставку и теперь заведует Русским островом. Я очень довольна, что он с охотой взялся управлять нашим хозяйством.

Машина подходила к дому дядюшки Саввы.

Драгану поместили в левом крыле второго этажа и отвели ей трёхкомнатную квартиру с отдельным парадным входом, с балконом и видом на центральную часть города. Она и всегда занимала это «гнездышко», и оно ей очень нравилось. Она подолгу стояла на балконе и смотрела на площадь Николы Пашича, вспоминала, как ещё в детстве, приезжая в гости к дяде Савве, бегала с подружками и по площади, и по соседним улицам Князя Милоша, Воеводы Миленко, Стефана Немани. Ей бы и сейчас хотелось походить по этим улицам сербской столицы, но теперь свои прогулки, даже самые короткие, она должна согласовывать с командиром отряда Дундичем и непременно при этом вызывать охрану. Этому строго требовали от неё дедушка и отец.

В доме был заведён порядок большой свободы и независимости всех жильцов. Супруга хозяина Ангелина располагалась тоже на втором этаже, но только в крыле правом, и комнат у неё было пять, и обставлены они антикварной дворцовой мебелью,

обвешаны дорогими картинами и коврами. Дед Драган высылал сыну ежегодную стипендию: миллион долларов. Большая часть этих денег уходила на содержание дворца и прислуги, но и добавка к профессорской зарплате Саввы оставалась солидная. Сам хозяин жил посредине второго этажа и обстановку имел скромную, деловую. Разве что его кабинет был обставлен мебелью из чёрного дерева и, как говорили его приятели, она была вывезена из замка какого-то английского короля.

Весь нижний этаж занимали большая гостиная, кухня, столовая, жильё для прислуги и прочие служебные помещения.

До обеда Драгану никто не тревожил и она могла заниматься своими делами. А в обед, спустившись в гостиную, встретила с Ангелиной — шумной, экстравагантной женщиной, которая ещё недавно была драматической артисткой, а теперь с большим удовольствием и рвением исполняла роль второго режиссёра в городском театре.

Стол был накрыт, но в гостиной не было хозяина и не видно слуг. Ангелина подхватила Драгану под руку и повела в библиотеку, где у неё был салон для встреч с близкими друзьями и где, как она сказала по дороге, гостью из Америки ожидают «интересные люди».

Людей этих Драгана знала: это были Вульф Костенецкий; его друг — круглый, румяный толстячок с мокрыми губами Соломон Гусь и их подружка, шумный скандальный политик, лидер какой-то новодемократической партии Халдорина Старо-Дворецкая. Это была нескладная худая женщина двухметрового роста,— и, очевидно, поэтому в патриотической прессе её презрительно и почти ругательно называли Халдой.

Халда протянула Драгане костлявые ручки, ослепительно засияла коричневыми с красным отливом глазами, пропела:

— Давно вас ожидала, но вот он...

Она кивнула на Костенецкого:

— Прячет вас от всех, не хотел нас знакомить,— это такой жук... И он вот...

Показала на Соломона:

— Он — Гусь. Да, такая у него фамилия. Хорош Гусь! Не правда ли? Он тоже не хотел меня с вами знакомить. Они, мужики, все гады. Боятся, как бы мы, женщины, не отобрали у них власть. Но мы должны быть вместе. У нас общие интересы, можно даже сказать, судьба. А хотите — я сообщу вам новость: вы теперь его сотрудник. Да, он, Гусь — ваш начальник.

— Я сотрудник?.. Каким образом?

Соломон Гусь выступил вперёд, протянул Драгане кни- жицу:

— Вот вам удостоверение. Будете корреспондентом газеты «Балканский комсомолец». Вам нужно бывать в Скупщине? Пожалуйста, вас проведут в ложу прессы. Захотите к министру — тоже пропустят. Костенецкий мне давно говорил, просил за вас: сделайте её своим корреспондентом. Вы, очевидно, знаете: я редактор самой популярной на Балканах газеты. Тираж миллион! Её все любят, читают... Ну, и вот, пожалуйста: удостоверение нашего корреспондента. И там в Америке нас знают. Любую дверь будете ногой открывать.

Драгана хотела отстранить руку с удостоверением, но не посмела, взяла, а тут Халда к ней подступилась, тянула в сторону от мужчин, невнятно и с каким-то неприятным присвистом, мокрым чмоканьем перечисляла родство интересов, духовные связи.

— Мы тут слышали: у вас отели. Вы — хозяйка. Финансист. Мы тоже развиваем бизнес. У меня консалтинг-холдинг, вклады в американских банках.

С другой стороны к ней приблизился Костенецкий:

— Я вас ждал, но вы исчезли, словно в яму провалились. Я позвонил вашему дяде, а он сказал, что уехали. Ну, я...

Тут раздался звонкий голос хозяйки:

— Прошу в гостиную! Нас ждут.

И все потянулись за ней. Здесь у стола их ждал Савва Станишич и с ним мужчина средних лет, его приятель. Савва широко улыбался, обнимал Костенецкого, целовал руку Дворецкой. По всему было видно, что профессор давно знал этих господ и демонстрировал своё особое к ним расположение.

Драгана терялась от громких речей депутатов скупщины, или парламента, как на Балканах иногда называли орган, похожий на российскую думу. Соломон Гусь тоже был депутат скупщины — не такой известный, не так часто появлявшийся на экранах телевизора, не поражал он и громкими заявлениями, он, напротив, имел приятный вид, всегда улыбался и кланялся, а дамам целовал ручки, но именно этот субъект выпускал самую скандальную, желтую и грязную газету во всей Европе. Драгана знала этих молодцов; она даже любила смотреть передачи с их участием. По тому, как они ругались, злобно шипели на коммунистов и патриотов, она судила о глубине падения политических нравов в её стране, об остроте противоречий, поразивших общество на Балканах. Костенецкого обыкновенно приглашали на диспуты, и он, как это делали наши некоторые думцы, брызжа слюной, кричал: «Вы, вы, проклятые коммуняки, погрузили во мрак нашу прекрасную Югославию! Вы всё развалили, всё погубили — вас надо стрелять и вешать! Вот погодите, я приду к власти и тогда с вами за всё рассчитаюсь!» Ну, а если же на экран вылезало ещё и вот это диво — Халда Старо-Дворецкая, то тут уж с экрана телеящика срывались слова ругательные. Операторы давали её крупным планом, и на головы зрителей валилась брань из лексикона пьяных мужиков; Халда уже честила не одних только коммунистов, но и проклинала каждого, кто позволял себе говорить добрые слова о сербах.

Прилетая в Белград, Драгана включала телевизор,— в Америке она его смотрела редко, здесь же её забавляли спектакли с участием местных властителей. Про себя думала: если эти вражины так кричат и беснуются, значит, чего-то они боятся. Ненависть к стране проживания достигла у них того предела, за которым наступает истерия, такой распад духа, когда уж нет сил сохранять остатки человеческого подобия.

И вдруг они здесь, сбежались посмотреть на внучку «американского магната сербского происхождения». Они встречают её как своего, близкого по интересам человека. Как же! Богачка, владеет островом — значит, наша, правая, горой стоит за тех, кто ненавидит власть народа, социализм, коммунизм и прочие бредни голытьбы и всяких неудачников. Они знают: Драгана — хозяйка отелей, мебельных фабрик, курортов и пляжей. Это, конечно, Ангелина развонила её секреты, пригласила их, как дорогих гостей, на встречу с Драганой.

Тут следует заметить, что и дядя Савва, как профессор политологии, всегда искал дружбы с ведущими политиками Белграда. Что же до его супруги — ей льстило знакомство со знаменитыми людьми, и она тянулась к ним в силу отсутствия у неё какого-либо гена патриотизма и понимания процессов, происходящих в обществе. В театре, где она работала, почти все артисты, и, прежде всего, главный режиссёр, старый еврей с тройным гражданством, больше всего ценили в людях «общечеловеческие ценности», признание безбрежной вседозволенности и абсолютного отсутствия цензуры. И кружок собравшихся в её доме людей больше, чем кто либо, отвечал духу этого всесветного интернационализма. Все они были «крутые» либералы и мечтали о времени, когда к власти в России придёт их кумир Жириновский и с этого момента начнётся завоевание мира либералами.

Нельзя сказать, что и Драгане они были не интересны. Её очень занимали люди, захватившие, как и в России, власть в Югославии и развалившие на части эту ещё недавно такую прекрасную и могучую страну. Они даже отняли у неё имя: «Югославия». Драгана знала об их могуществе, об их «непотопляемости», как писали журналисты и политологи. Их боялся президент, боялись председатель правительства и все министры. И хотя за глаза, и шопотом, Костенецкого называли клоуном, а Дворецкую бешеной ведьмой, и все-таки боялись, потому что эти молодцы могли свалить на человека любую клевету, могли

осыпать площадной бранью и при этом не нести никакой ответственности. Их опасались и прокуроры, и верховные судьи,— они были неподсудны, неприкасаемы и потому всесильны. Но зачем же им понадобилась Драгана? А тут уж сказывалась их патологическая жажда денег, заложенная в генах страсть лезть в дружбу к большим людям. Драгана для них богиня, сидевшая на горе золота, а золото даже и в малых дозах пьянило их кровь, манило и тянуло, как магнит.

Несколько смущал депутатов мужчина, сидевший рядом с хозяином. Он был русский и при знакомстве коротко всем представлялся «Иван», а на вопрос Дворецкой «Вы — русский?» ответил излишне громко и не совсем вежливо: «А разве не видно и не слышно?». На что Халда выстрелила, точно из пистолета: «Тут нет Шерлоков Холмсов, чтобы видеть и слышать». Иван её тона не заметил, а только в ответ широко растворил рот в улыбке.

Русский гость почти всё время молчал, но по тому, как он внимательно слушал беседующих, как ласково смотрел на Драгану и столь же неласково кидал взгляды на депутатов, можно было судить о его недобром отношении к власти имущим. Дворецкая пыталась его разговорить, спрашивала: «Вы нас понимаете?», на что Иван отвечал: «Мы же славяне, и в языке нашем много общих слов».

Иван сидел рядом с хозяином, а по другую сторону от него сидела Драгана. Она чаще других к нему обращалась с вопросами и задавала их так, чтобы другие не слышали, и это-то вот сильно раздражало Дворецкую. А когда Иван, наклонившись к Драгане, шепнул ей: «Ваши депутаты резвые. У нас они тоже такие», Драгане влетела в голову шальная мысль умерить их прыть, щёлкнуть каждого лучиком Простакова,— и, может быть, угостить двойной, а то и тройной дозой. Она подумала: такая операция освободит общество от этих пришлых неизвестно откуда забияк и самим же им пойдёт на пользу.

Довольная такими планами, Драгана и сама с ними весело болтала, аппетитно пила и ела, и каждому из своих новых знакомых отвечала любезно и весело, демонстрируя радость от встречи с ними, изъявляя готовность участвовать в любых предлагаемых ей предприятиях,— и даже в излишне смелых, почти авантюрных.

Костенецкий, наклоняясь через стол, предлагал ей совершить поездку в исконно сербские места, заселённые ныне сплошь албанцами. Покрывая все голоса, он кричал:

— Вы там увидите, как много у них детей и как очаровательны эти курчавые «албанята». И к этому прибавлял:

— Но если женщины у них рожают, если албанцы такой жизнестойкий и сильный народ — им отдадим и землю, и озера, и реки. Только идиоты пекутся о слабых и увечных, о пьяных и ленивых аборигенах. Патриоты орут: сербы, сербы!.. Но если сербы вымирают, если они не способны к самовоспроизводству — туда им и дорога! Уступите другим жизненное пространство. Другие сильнее, другие могут — пусть они и живут!

И видя, что Драгана улыбается и тоже согласно кивает головой, одушевился и ораторствовал ещё громче, старался убедить, вызвать сочувствие к «албанятам» и к его мировой интернационалистической идее мироустройства. Дворецкая всё это время смотрела на Драгану; Халда тоже была «человеком мира», она люто ненавидела всякого, кто с сожалением вспоминал бывшую Югославию, кто выступал против мигрантов и защищал права сербов на свои исконно славянские земли; она таких людей называла фашистами и отказывала им в праве на жизнь. Её жёлтые с красноватым отливом глаза, выпуклые, как у гигантского рака, и так же, как у рака, вращавшиеся по кругу,— эти совершенно замечательные глаза при каждом сильном и удачном выражении Костенецкого ярко вспыхивали и вновь и вновь победно устремлялись на гостью из Америки. Она как бы спрашивала: ну, как вам нравится этот самый выдающийся оратор Европы, почётный несменяемый сенатор Сербии?

А Драгана и вправду восхищалась Костенецким. Она вспоминала, как, живя в Москве, вот так же с удовольствием слушала Жириновского, и теперь находила, что доморощенный главный либерал Сербии ни в чём не уступает российскому лидеру

Либеральной партии, а, пожалуй, в чём-то и превосходит его. Костенецкий так же с успехом мог бы заменить любого клоуна на манеже цирка, а если учесть его внешнее сходство с Мефистофелем, так, пожалуй, сербский Жирик будет и колоритнее. Вот только Жириновский понятен людям; он не был ни русским, ни евреем, ни поляком, а как бы сказал Гоголь: так себе — ни чёрт на метле, ни бес в лукошке. Сам же про себя наш российский Жирик сказал: мама у меня русская, а отец юрист. С тех пор и прилепилась к нему кличка: Сын юриста. Формула генотипа сербского Жирика была плотно укутана завесой тайны. Одно из него выпирало и бросалось в глаза: он с каким-то лютым остервенением ненавидел страну своего проживания и народ, его кормивший. И эта ненависть наполняла его речь и жесты, и мимику лица огненным жаром и пламенным артистизмом.

Далеко вели мысли нашу Драгану, когда она с таким интересом смотрела на гостей своего дяди, внимала их торопливым сбивчивым речам. Они, видимо, давно знали хозяев дома Савву и Ангелину, находили в их душах что-то родственное и потому говорили, не смущаясь и не оглядываясь на них; а тут ещё и приветливая улыбка молодой американки поощряла их к откровению; они распались всё больше в своём либерально-демократическом раже, месили и топтали глупых сербов за их квасной патриотизм, пророчили близкий планетарный триумф своих братьев по крови и духу — общечеловеков, даже называли час, когда будет объявлено об исчезновении последнего русского с лица земли, и тогда уж никто не помешает «гражданам мира» объявить об установлении своего мирового господства.

И Костенецкий, и его Халдуша,— так называл Вульф свою ближайшую подружку по думскому дому,— считали себя тонкими проницательными психологами; наверное, так же думал о себе Соломон Гусь,— и очень скоро оба они решили, что залетевшая к ним из Нового света «золотая ласточка», то есть наследница гигантского капитала американского серба Драгана Станишича, конечно же, она «своя в доску» и с восторгом разделяет все их планы по устройству современного мира. Костенецкому даже вбросилась в горячую голову мысль о том, что он и как мужчина нравится залётной птичке. И речи его полетели ещё более пламенные, а в жёлто-красноватых дьявольских глазах заметался огонёк надежды и на ещё одну победу, каковых у него и в Белграде, и в других городах Европы, и в театре, где служила хозяйка этого дома и член его партии Ангелина, было множество. Но у него ещё не было такого ослепительного создания, каковое вдруг очутилось перед ним. И он засуетился в кресле из какого-то королевского замка, заёрзал, засучил масляными глазами. Потянулся головой через стол к Драгане, спросил:

— Какие ваши планы на завтра?

— Утром в девять часов я отправляюсь за город.

— За город? Это интересно! Если не секрет — куда же?

— В село Шипочиху. Оттуда родом моя прапрабабушка Елисавета — там много моих родственников.

— Шипочиха? Я знаю это село. Я был в нём недавно. Но там осталось всего несколько сербских семей! Там албанцы. Как начались косовские разборки, так и туда с гор повалили эти шустрые албы. И разве вам об этом неизвестно? И ваш дядюшка вам ничего не сказал? Албанцы злые, как собаки. Каждого белокурого берут в плен, тащат в горы, и там или режут, или заставляют на себя работать. А вас-то... Да что это вы себе забрали в голову?

Костенецкий уставил свой удивлённый взгляд на дядюшку Савву. И, уже обращаясь к нему, продолжал:

— Вы преподаёте в университете. Вы разве не знаете?

И снова к Драгане:

— Хорошо, что вы мне об этом сказали. Я, конечно же, не позволю вам туда поехать. Тут и думать нечего!

— Я поеду,— спокойно сказала Драгана.— Завтра в девять мы с друзьями выезжаем.

Костенецкий откинулся на спинку кресла, уставился на неё.

— Как?.. Вас не пугают албы? Да вы представляете, как дружно они заселили это некогда цветущее сербское село! Там в каждом доме по две семьи албов. И ни одного вашего далёкого родственника. С кем же вы будете встречаться?

Дядюшка тоже подал голос:

— Девочка моя, это несерьёзно. Я тоже буду возражать против такой поездки. Что мне скажет папаша Драган, если узнает о такой твоей аванюре?

— А ничего и не скажет. Дедушка у нас смелый. Я тоже смелая. Недаром же мы с ним носим одно имя. Но позвольте: откуда здесь албанцы, если они в Косово, а Шипочиха на полпути от Белграда до границы Косовского края.

— Ах, Драганушка! — запела Ангелина.— Мы недавно там были на гастролях. Там давно уже нет сербов. На больших автобусах привезли этих противных албанцев,— мужики с автоматами, гранатами. Была разборка, многие сербы погибли. Да у нас об этом все газеты писали. Оставь ты свою затею, приходи лучше в театр, и я познакомлю тебя с нашим режиссёром.

— Ну, нет, я решила и завтра поеду.

У Драганы был план действий, согласованный с Дундичем. Его отряд из пятнадцати человек под видом американских туристов будет двигаться по сербским сёлам, изучать обстановку и выявлять молодых сербов, способных составить ряды сопротивления. Драгана в своём блокнотике пометила пункты и время встречи с товарищами из отряда Ёвана Дундича и с самим Дундичем. Её автомобиль был приспособлен для дальней дороги: тут и кухня, и столовая, и спальня. Ничего менять из составленного плана она не могла, да и не хотела.

Костенецкий вдруг сказал:

— Тогда позвольте мне сопровождать вас. Там знают Костенецкого. Албанцы меня любят — со мной будет безопасно.

— А вот это мило с вашей стороны. Это по-рыцарски, и я буду рада побыть несколько дней в вашем обществе.

Встречи на дорогах с товарищами в присутствии Костенецкого её не смущали. Она сегодня же позвонит Дундичу, обо всём предупредит и предложит говорить только на английском, как и подобает американским туристам. Костенецкий же в роли сопровождающего знатной американки может ещё и послужить хорошей защитой от албанцев.

— А вы, милый дядюшка, не беспокойтесь, пожалуйста. Меня будет сопровождать большой отряд друзей.

— Очень жаль. А я хотел пригласить тебя на свою лекцию в университете.

— Это интересно! Если позволите, я послушаю вас в другой раз.

— Конечно, конечно! В любое время приходи и слушай. Я буду рад тебя видеть. Но на завтра у меня назначена лекция о великих диктаторах: Гитлере, Сталине, Франко и Муссолини. Тут же я буду говорить и о нашем Иосифе Броз Тито.

— Ну, а уж это и совсем интересно! Я только не понимаю, зачем же Сталина вы поставили рядом с Гитлером? Я жила в России и знаю, как там Сталина уважают русские патриоты.

— Я тоже бываю в России. Да, Сталина многие уважают. И его есть за что уважать. Ни один из русских царей,— и даже Пётр Великий,— не сумел за своё правление продвинуть так далеко Россию, как это сделал Сталин. Но и ни один из русских царей не принес России так много бед, как Сталин. И делал он это методами, которые подпадают под понятие диктатор. А иные историки находят слова и порезче, но я пощажу твой ангельский слух и не стану произносить жёстких аттестаций. Впрочем, на лекции я бываю

беспощадным. Правда светлее солнца, а я несу людям знания, и они должны быть правдивыми.

Дядюшка замолчал, но племянница тронула его за плечо:

— Погоди, дядя Савва. Мне этот разговор очень интересен. Мой учитель Арсений Петрович часто вспоминает Сталина,— он тоже бывает резок в оценках, но я в его словах вижу какую-то личную обиду, мне его оценки кажутся субъективными. Нам-то с тобой, и стране нашей Сталин, кажется, ничего плохого не делал. Он и Югославию, и весь мир славянский, и даже Европу всю от Гитлера спас. Мы за то должны быть благодарны ему.

Притихли Костенецкий, Соломон Гусь и Халда Старо-Дворецкая, не торопился с ответом и знаток новейшей истории профессор Станишич. Имя Сталина для многих в Европе, да и во всём свете визитной карточкой века двадцатого стало. Этот человек как бы делил на части заплутавшийся в бесконечных распрях мир людской: одни ненавидели его и проклинали, другие благодарно почитали за победу над фашизмом, а иные при имени Сталина задумывались и пожимали плечами: дескать, сложный он был человек и, видно, не пришло ещё время суд над ним вершить. Много головешек сложили при нём русские люди, пострадали и люди нерусские, издревле жившие под защитой России; не могут забыть своих жертв служители церкви православной. Многих пастырей невинно замучили до смерти, а иных томили в лагерях ГУЛАГа. Не могут забыть русские люди и крушения храмов — и главного из них Храма Христа Спасителя, чуда из чудес мировой архитектуры. История не простит Сталину и его соратникам, состоявшим сплошь из нерусских, и отмены сухого закона, перед которым весь мир склонял голову, а английский премьер Ллойд Джордж назвал этот акт величественным подвигом русского народа. Заметь, родная: подвигом русских распорядились нерусские. Кто-то скажет: подумаешь, сухой закон!.. Живут же без него люди в других странах! Да, живут. Но русским людям сухой закон, введённый Николаем Вторым, дал прирост населения на двадцать миллионов человек. Уже в 1915 году не было ни одного поступления в психиатрические больницы; в стране почти свели на нет преступность, опустели тюрьмы. Вот что такое сухой закон! Счастливые матери рожали счастливых деток; среди них не было поражённых болезнью Дауна, врождёнными пороками сердца, умственно слабых, психически заторможенных или уж слишком расторможенных. И продлился сухой закон до наших дней, русский народ, будучи трезвым и здоровым, не отдал бы свою великую Империю ходарковским и абрамовичам. И любимая Богом Святая Русь, точно тяжело больной человек, не превратилась бы в страну нищую и безоружную.

Обо всём об этом знали, конечно, Костенецкий и его дружки; им бы славить Сталина за такие подвиги, поминать добрым словом всех его соратников, забежавших в Кремль и рассеявшихся там в царских палатах: Кагановича, Микояна, Мехлиса, Орджоникидзе, Берия и прочих сынов Израиля и Кавказа, а с ними и русских молодцов, женатых на еврейках: Молотова, Ворошилова, Калинина, Кирова, но соплеменники Костенецкого клянут их и поносят. Не могут простить грузину 1937-го года, когда и их отцам пришлось изведать «прелести» гулагов, которые они же так заботливо обустроивали для непокорных русских.

Сталин, он же Джугашвили, сын сапожника, семинарист церковный,— он, как сербский воитель Ёся, человек восточный, непростой; не одно поколение славян, вслед за профессором Станишичем, будет ломать голову над этой загадкой истории, и не один многоумный биолог-исследователь генома национальности будет рассматривать эти геномы в электронные микроскопы. В одном они, пожалуй, сойдутся и заявят дружно: негоже это, когда в большую семью приходит человек чужой и незнамый — и видом чужой, и характером, и всеми привычками,— и объявляет, что отныне он будет в этой семье хозяином. Много нестроений появится в такой семье, много бед наслёт на неё Господь. А уж какие то будут беды, и почему они происходят в семьях, позволивших властвовать над собой чужому человеку — об этом нам расскажет Драгана, когда ей исполнится семьдесят, а может, и девяносто лет.

— Тут, видишь ли, милая Драгана,— заговорил, наконец, дядюшка Савва,— в оценке царей, вождей, императоров,— а Сталин был императором,— существуют свои мерки, не пригодные для оценки людей обыкновенных. Как император Сталин, да, обладал многими сильными качествами; он действительно, как выразился Черчилль, принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. Но в конце-то концов — кому досталась его могучая империя? Что случилось с его армией и флотом в наши дни? Кто завладел заводами, фабриками? И даже леса, моря и океаны, а теперь вот и сама земля-кормилица — кому они достались?..

— Но при чём же тут Сталин? Его давно нет.

— Да, его нет, но осталась бездуховность, которую он усердно прививал русскому народу за время своего тридцатилетнего правления. Сталин изгонял из русских русский дух и только в год великой Победы вспомнил о русских. А перед войной, да и после войны на всей территории Советского Союза как бы запрещалось произносить слово «русский». Сталин пугал все другие народы страшным словом «шовинизм», то есть русским национализмом. Но зато пышным цветом взращивал ядовитый и чванливый национализм малых народов. Да, милая Драганушка! Скажу тебе больше: русских, в сравнении с другими, всюду обделяли, утесняли. На трудодни в колхозах им за производство зерновых платили в пять, а то и в десять раз меньше, чем узбекам за хлопок, грузинам за чай, прибалтам за рыбу. Именно Сталин и его соратники превратили русских в батраков, обслуживающих «младших» братьев, живших в республиках Советского Союза. И когда кремлёвские проеврейские старцы во главе с «меченым» дьяволом Горбачёвым объявили «новое мышление» и «перестройку», все эти «младшие братья» предали русских и повернулись к Западу, к Америке.

Трудный это был разговор, тяжёлым камнем навалился он на сердце Драганы. Она принадлежала к поколению славян, которые видели, как рушатся славянские государства, и мечтали о сильной руке — о таком диктаторе, каким был Сталин. Но не знала и не хотела она верить в ту страшную философию дядюшки, которая предостерегала людей от их излишней доверчивости, особенно от такой наивной и губительной простоты, которая позволяла надеяться, что и чужой дядя, если его пустить в дом и признать за хозяина, способен заменить родного отца и сделать эту семью счастливой. В природе так не бывает. Недаром же Бог сотворил народы разными, наделил их разным пониманием одних и тех же вещей и явлений, и чтобы народы жили на своих землях и своими семьями, наделил их разными языками. И только вечный богоборец Дьявол всё время стремится разрушить эту гармонию, посеять в мире всеобщий раздор и смятение.

Уходя к себе, Драгана сказала:

— Обещайте пригласить меня на лекцию о диктаторах, а было бы и совсем хорошо, если бы вы дали мне свои записки к этой лекции.

Профессор взял племянницу за руку и повёл её в свой кабинет. Здесь он достал из стола свою брошюру «Вожди, пророки и злодеи», написал автограф: «Милой Драганушке от страшного диктатороведа дяди Саввы».

— Вот тебе, читай и постарайся меня понять.

Назавтра в девять часов к дому Станишича подкатил бронированный автомобиль Вульфа Костенецкого. Охрана его состояла из хорошо обученных офицеров, уволенных из югославской армии. Они держались в тени, и во время движения каждый автомобиль занимал своё место на почтительном расстоянии от хозяина. Здесь же возле подъезда дома стоял автомобиль Драганы. Он не имел серийной марки, а был изготовлен в штучном экземпляре по заказу дедушки Драгана.

Хозяйка автомобиля окликнула Костенецкого.

— Садитесь со мной. Места у нас хватит.

Костенецкий сел, Драгана дала знак своим друзьям, и экспедиция тронулась.

Обыкновенно Костенецкий в любом обществе, даже в совершенно незнакомом, и очень высоком,— случалось, попадал и в компанию олигархов,— с первых же минут овладевал инициативой и говорил непрерывно, изредка давая другим вставить лишь одно-два междометия. Вульф нешуточно считал себя первым политиком на пространстве бывшей Югославии, радовался, когда его называли артистом и даже шутком, но вот кличку «клоун» не любил, и на того, кто позволял себе так назвать его, обрушивал целый водопад брани и непристойных ругательств. Он внимательно просматривал все передачи российского телевидения с участием главного либерала из русской думы, записывал на плеер его речи и затем «проигрывал» перед зеркалом самые удачные и хлесткие выражения. Давно заметил и взял на вооружение слова и приёмы дерзкие. На разных диспутах и круглых столах не говорил, как это делали все политики, а кричал, и даже орал, сопровождая ругань хулиганскими жестами, пуская в ход дикую ложь, от которой у зрителей захватывало дыхание, и они, сидя у экранов, вскрикивали, взмахивали руками, но затем успокаивались и про себя думали: а все-таки смелый мужик этот Вульф! Побольше бы таких в нашу скупщину. И все передачи с участием Костенецкого проходили, как весёлые спектакли, запоминались только его речи, и всем казалось, что если кто из политиков и говорит правду, то лишь один Костенецкий. Хотя мыслящая часть общества хорошо понимала суть его присутствия на политической сцене: он был как пёс на поводке у президента, на кого нужно, на того и лает. Вульф хотя и с трудом, но на очередных выборах набирал свои пять процентов и проходил в думу. А иные даже и добропорядочные люди готовы были избрать его президентом. Впрочем, такие находились лишь на том этапе, когда Костенецкий, выпрыгивая на телеэкран, бил себя в грудь и истошным голосом кричал: «Сербы — титульная нация, их большинство, их предки стояли у истоков государства Югославии. Я за сербов, я за то, чтобы власть в стране принадлежала сербам!». В другой раз он кричал: «Вы ищете национальную идею? Вот она, лежит под ногами: власть в Сербии должна принадлежать сербам!..»

Кто-то бросал обидные реплики: «Вы не серб, а рвётесь в президенты». На что у него готов был ответ: «Я серб с еврейскими корнями. Мой отец жил в Польше, и по слухам дедушка у него был евреем. Дедушка отца! Слышите? А все остальные сербы. Ну! И какой же я после этого еврей? В мой древний славянский род лишь один бродячий иудей затесался! Он и прилепил мне свою фамилию. Но когда я захотел поселиться в Израиле, меня там не приняли.

Однако вот уже лет пять, как Вульф подобных дискуссий не заводит, а на всякий намёк на его национальность изрыгает ругательство и в лицо своего оппонента бросает такую грязную клевету, что у того надолго отпадает охота затевать с ним споры, а все другие политики делают вид, что Костенецкого не знают и знать не желают. Зато и президент, и спикер думы всегда уверены, что партия Костенецкого у них как полк засадный, в нужную минуту выпустят его — и победа им будет обеспечена.

Все балканские народы и албанцы, заселяющие Косово, знают, что Вульф яростно поддерживает мигрантов из других стран. Он потому и уверен, что албы везде его встретят как дорогого гостя и своего защитника. Знала это и Драгана. И потому с охотой приняла его услуги сопровождать её в дороге по местам своей прародине.

Машина плавно и почти бесшумно катила по грунтовой дороге, и, казалось, она катится вниз по склону невидимого холма. Впереди стелилась зелёная равнина, и было странно, что обширные поля ничем не засеяны, и лишь то там, то здесь клубились невысокие кусты каких-то зарослей, но не было деревьев, и не было оврагов и неровностей, что указывало на то, что ещё недавно, несколько лет назад, здесь были посевы и в это время от горизонта до горизонта зеленели поля пшеницы, овса или ржи.

И, как бы отвечая на мысленные вопросы Драганы, водитель, пожилой серб, сказал:

— Раньше тут был знаменитый на всю страну совхоз и он давал государству много хлеба, теперь совхоза нет, никто и ничего не сеет.

— Неужели и тут поселились албанцы? — спросила Драгана.

— Албанцы тут есть, они уже повсюду есть, и даже в Белграде их много, но демократы всё порушили, а землю продают иностранцам.

— Да зачем же им земля, если они на ней ничего не сеют?

На этот вопрос ответил Костенецкий:

— Земля — это власть. Кто владеет землёй, тот владеет всем.

Автомобиль выкатил на шоссе, и ход его здесь был совсем бесшумным; влево по пути то приближалась Морава — сербская Волга, и тогда на солнце вспыхивала золотая змейка реки, а то река удалялась, и тогда вокруг зеленела равнина и кое-где к машине, словно стайка ребят, приближались кусты.

Впереди показался щит с названием селения Рудница и тут же рядом дом, возле которого машина остановилась. Над дверью надпись «У Милицы». Водитель, обращаясь к Драгане, сказал:

— Может быть, отдохнём?

— Да-а,— согласился Костенецкий.

Бойко выскочил из салона и подал руку Драгане.

В чайной за стойкой высился большой и толстый албанец с обнажёнными по локоть волосатыми руками и невеселым, почти мрачным видом. Возле него, точно ангел небесный, стояла белокурая синеглазая девица лет пятнадцати, видимо, сербка.

— Что такой нелюбезный, приятель? — подошёл к стойке Костенецкий.— Видимо, ты каждого серба так встречаешь. А я вот Костенецкий, член Государственной скупщины. Может, слышал про меня?..

Буфетчик смотрел на него исподлобья, и не было в его взгляде ни радости, ни воодушевления. Но тут он, наверное, вспомнил черты лица и фамилию Костенецкого и как этот парламентский депутат горячо отстаивал права албанцев на соседние сербские земли. Улыбнулся и закивал головой.

— Да, да, господин,— заговорил албанец на плохом сербском языке.— Я слышал вас, знаю, знаю. Что будете пить и кушать?..

Костенецкий и Драгана заняли столик в одном углу, а их водитель — в другом. Он расположился так, чтобы видеть всех в зале и наблюдать за входящими в чайную. Это был не просто водитель, а главный помощник Дундича Стефан Райка. На нём была сумка с квадратной серебряной пряжкой, обращённой вперёд, точно готовый к съёмке объектив фотоаппарата. Это был универсальный прибор Простакова, рассчитанный на три режима: первый — малая доза, она успокаивает, вторая — подавляет и третья вызывает у человека плаксивое состояние. Человек после этой дозы теряет остатки воли, уединяется и тихо неутешно плачет. Стефан вооружён и еще одним аппаратом, встроенным, как у всех, в мобильный телефон.

Девочка приносила еду, воду, соки, а Вульф подошёл к стойке и беседовал с буфетчиком. Но говорил он с ним недолго: беседу их прервали три молодых парня, одетые в грубую полувоенную форму, в бараньих шапках, какие носят только албанцы. В руках они держали автоматы Калашникова, на поясах зачехлённые кривые ножи. Они подошли к буфету, тряхнули за плечо Костенецкого. Буфетчик чего-то им стал говорить, но старший его прервал:

— А нам плевать!

Схватил за плечо Вульфа, свалил на пол и носком сапога двинул в лицо. Стефан не спускал глаз с Драганы; она подняла один указательный пальчик, что означало: «Угости их малой дозой». И Стефан «щелкнул» одного за другим всех троих. Каждый из них вздрогнул, огляделся вокруг и присмирел. Потом они, не сговариваясь, медленно поплелись к столику и присели к нему. Сидели тихо, с каким-то вялым, полусонным удивлением разглядывали друг друга, и уж больше не интересовались Костенецким,

который, глухо застонав, скрылся за дверью. Потом тот, что одет был почище и телом поздоровее,— похоже, старший из них,— тихо проговорил:

— Что это, а?..

— Не знаю, а что? — ответил ему товарищ. И ладонью потёр затылок.— Чайник пролетел. А вы... не видели?

— Я?.. Нет. Но что-то было. Думал, птица на голову села.

И — к товарищу. Он тоже гладил затылок ладонью.

— Я?.. Не знаю. А что-то мелькнуло.

Старший собрал автоматы, отнёс буфетчику. Сказал:

— Спрячь и никому не показывай. Дай нам поесть и что-нибудь выпить.

А тем временем Драгана заговорила с подошедшей к ним девочкой:

— Как тебя зовут?

— Вукица.

— Сколько тебе лет?

— Скоро будет четырнадцать.

— Ты тут работаешь?..

— Да, работаю.

Драгана задавала девочке вопросы, но сама наблюдала и за парнями, получившими первую дозу. Боевой дух из них вылетел, будто его ветром выдуло. Они мирно сидели за столиком и жевали салат, который принёс им буфетчик. Просили водку, но буфетчик говорил:

— Нет водки. Всю выпили.

Потом он подошёл к столу Драганы и грубо толкнул девочку.

— Иди на место!..

И сам пошёл за ней. А когда девочка ушла куда-то из буфета, Драгана кивнула Стефану и одним пальцем показала на хозяина. И в ту же минуту тот получил свою дозу. Поднял глаза на потолок, оглядел люстру, с которой, как ему показалось, что-то упало и стукнуло по голове, и стал медленно опускаться на табурет. Бессмысленно и с каким-то детским наивным изумлением смотрел на посетителей. И, казалось, не понимал, зачем они здесь и чего от него хотят. Подошла к нему девочка, но он её не видел. А Драгана, захотевшая проверить действие лучей на буфетчика, вновь подозвала к себе девочку. И та подошла к ней. Боязливо оглядывалась на хозяина, но буфетчик смирененько сидел за стойкой и будто бы даже был доволен вниманием важной дамы из Белграда к его помощнице.

— Ты сербка? — спросила Драгана.

— Сербка.

— А этот дядя,— показала на буфетчика,— он кто тебе будет?

— Я его младшая жена.

— А у него сколько жён?

— Две живут в горах и три тут. Я младшая. Он говорит: любимая.

— У тебя есть мама и папа?

— Нет, только мама, а папу убили албанцы. Приехали ночью и убили многих сербов. С тех пор сербы не живут в деревне. Боятся.

— И твои родные все уехали?

— Нет, не все: осталась мама и четыре братика. Им некуда ехать.

— Проведи меня к маме.

— Нет, я боюсь хозяина. Он побьёт меня.

Драгана поманила буфетчика:

— Подойдите, пожалуйста.

Он вышел из-за стойки и трусцой поспешил к гостям из Белграда. Угодливо склонился, пролепетал:

— Чего вам будет угодно, госпожа?

— Отпустите со мной девочку, она проведёт нас к своей маме.

— Как угодно, госпожа, как вам будет угодно.

Драгана стала расплачиваться с буфетчиком и тут услышала крик Вульфа:

— Мой нос! Они разбили мне нос!..

Драгана взяла за руку девочку и вышла с ней на улицу. Здесь увидела, как охранники Костенецкого вели его к машине. Лицо его окровавлено, он стонал. Ёван Дундич и все его ребята стояли возле своих машин и равнодушно наблюдали за всем, что происходит возле чайханы, и за отъезжающими машинами Костенецкого. Дундич сказал:

— Албанцы выбили ему зубы и свернули набок нос.

Три машины на большой скорости увозили Вульфа в сторону Белграда, а возле чайханы большая группа албанцев,— всего их было человек тридцать,— сидела по-арабски на земле и с любопытством наблюдала за Драганой и её дружиной. Возле каждого лежал автомат Калашникова, и это смутило Драгану.

— Они же могут открыть пальбу,— сказала Дундичу, на что тот спокойно ответил:

— Нет, не могут. Я угостил их двойной дозой, взял пять автоматов, и они спокойно с ними расстались.

И заключил:

— Думаю, они теперь ни в кого стрелять не будут. Я сейчас попробую забрать у них и всё оружие.

Дундич посадил Драгану и девочку в машину и приказал Стефану выехать за крайние дома деревни. Сам же с двумя бойцами подошёл к албанцам и сказал:

— Ребята! Вы сейчас отдайте нам автоматы и свои кривые ножи. Теперь они вам не понадобятся.

Албанцы сидели смиренно и смотрели на Дундича с покорностью провинившихся детей. Старший из них посмотрел на автомат и вынул из-за пояса кривой нож. Дундич стал собирать ножи и автоматы. Приказал бойцам отнести оружие к машинам, но два албанца, сидевшие на отшибе, взяли за оружие и замотали головой:

— Не отдадим!..

Дундич одну руку держал в кармане куртки и оттуда выпустил на этих двух албанцев двойную дозу лучей; они вздрогнули, ошалело выпучили глаза и выронили оружие. Сербы взяли и их автоматы, понесли к машинам.

Это был первый случай, когда партизаны разоружили большой отряд албанских бандитов. Ёван постоял с минуту над теми, кто получил двойную дозу,— они даже не смотрели на него и не проявляли малейших признаков беспокойства. Казалось, они вот-вот смежат очи и забудутся глубоким сном.

Драгана подозвала к своей машине Дундича, стояла у раскрытой дверцы и так, чтобы не слышала сидевшая в машине девочка, сказала:

— Мне бы хотелось поехать на ту сторону деревни и зайти в дом к Вукице.

— Вукица?

— Вукица. Так зовут мою девочку.

— Да, конечно. Но только надо подождать, когда вернутся мои ребята с операции. Я послал их по домам и попросил выяснить, сколько здесь осталось сербов, а всех албанцев «успокоить». Они вернутся с минуты на минуту.

Прошло десять-пятнадцать минут, и на том конце деревни показалась группа партизан. Они возвращались с операции. Доложили, что в двенадцати из двадцати домов тут живут албанцы. У них много детей, они злобны и агрессивны. Разграбили сербский храм и подожгли его; бегают по деревне с палками и бьют сербских детей. Такая у них команда от местного муллы.

— Мы хотели угостить его двойной дозой, да пощадили, сказал старший партизан.— Вон он идёт — вы сами решите, что с ним делать.

Подошёл служитель культа в длинном халате. Воздел к небу руки и стал причитать свои заклинания. Потом с кулаками подступился к Дундичу, заговорил с ним по-сербски:

— Кто вы такие? Кто разрешил вам у нас хозяйничать?

— Мы американцы,— спокойно представился Дундич,— но я немного говорю по-сербски, а вы, как я понимаю, албанец и ваша страна вон там, в горах.

Пастырь вплотную приблизился к Дундичу и молча уставился на него. Глаза его сверкали огнём ненависти, он тяжело дышал. Заговорил глухо, с шипящим присвистом:

— Американцы — хорошие парни, они дают нам здесь дома и землю, а вы убирайтесь отсюда, пока целы. Я сейчас скажу ребятам, и они покажут вам наш характер. И тогда вы надолго запомните, кто тут хозяин: албанцы или сербы.

Он стал кричать албанцам, сидевшим возле чайханы и только что успокоенным лучами Простакова. Они долго не реагировали на зов пастыря, но потом нехотя, лениво стали подниматься и точно старики потянулись к нему. Драгана шепнула Дундичу: «Мы сейчас посмотрим, как повлияли на них лучики Простакова». А Дундич дал знак своим бойцам приготовиться к действиям на случай, если албанцы полезут в драку.

Албанцы молча и покорно подходили к пастырю, становились поодаль, прятались друг за друга. Пастырь заорал:

— Вы что?.. Объелись белены, наглotalись сонной травы, нанюхались гашиша! Да?..

Схватил за воротник куртки здоровенного мужика:

— Ахмет! Что случилось? Чего вы нажрались?.. Кто подсыпал вам в пиво зелья?.. Говори же, негодный!..

Замахал руками в сторону чайханы:

— Эй, Берид-оглы!.. Иди сюда.

Так же нехотя и лениво шёл к нему чайханщик Берид-оглы. И так же поодаль остановился. И не смотрел на пастыря, не проявлял к нему никакого интереса.

— Эй, ребята! — оглядел албанцев пастырь.— Вас точно подменили. Вы съехали с копыт. Я вижу дурной сон и должен сейчас же проснуться.

И к чайханщику:

— Я дал тебе лучший дом в деревне, у самой дороги, ссудил деньги на чайхану. Говори, глупая твоя башка: чем ты их опоил и какой чертовщины нажрался сам?

— Святой отец! Не гневайся. Аллах снизошёл к нам и вразумил: мы заняли чужие дома, порушили их храм. Теперь мы должны повиниться и вернуться к себе в горы. Так мне говорит Аллах, и так он сказал всем ребятам.

К пастырю приблизились другие люди и говорили то же самое. Аллах гневается, он вразумил нас.

В этот момент к ним подошла Драгана и ещё издали пустила в пастыря три дозы. Он вдруг осекся на полуслове, откинул назад голову и всплеснул руками так, будто его ударили в спину. Потом захрипел, схватился за голову и стал ходить по кругу.

— Что с вами, святой отец? Вам плохо?..

Пастырь сел на камень, качал головой и вдруг заплакал. Сначала послышался стон, потом всхлипы и рыдания. Слуга Аллаха свесил голову над коленями и что-то причитал по-своему. Стоявший рядом с Драганой Берид-оглы сказал ей:

— Он убил трёх сербских девочек и теперь просит у Аллаха прощения. А вот он смотрит на вас и говорит: «Пусть простит меня ваш Бог, пусть простит...»

Драгана спросила:

— Многих ли албанцев он окормляет?

— Что такое «окормляет»?

— Ну, много ли албанцев ходит к нему в храм на молитву?

— Много, очень много! Сюда приходят из десяти сёл и деревень. Человек триста будет.

— А как его зовут?

— Фарид-оглы. Да, да. Так его зовут.

Драгана подошла к пастырю, громким, властным голосом заговорила:

— Фарид-оглы! Вы преступник, и сербы будут судить вас по своим законам. Вас ожидает смертная казнь. Созывайте людей и скажите им, чтоб уезжали назад, в горы, в свою Албанию. И вы там всем скажете: сербский народ поднимается на борьбу. Он будет уничтожать вас, как заклятых врагов. Запрягайте волов и уезжайте. И чтоб ноги вашей не было на сербской земле! Сегодня же уезжайте! Сейчас же!..

Пастырь кланялся до земли Драгане и покорно лепетал:

— Так, госпожа, так! Мы соберёмся к ночи и сегодня же... завтра же с восходом солнца двинемся к себе в горы. Аллах прогневался, Аллах нас наказал.

Сербы-партизаны сгрудились в тесный кружок и в крайнем изумлении и с чувством неопишуемой радости наблюдали эту почти фантастическую сцену. И каждый думал: да если в руках своих они держат такое оружие... При этом каждый ощупывал, кто мобильник, в который был встроен «Импульсатор», кто зажигалку, а Драгана любовно поглаживала серебряную пряжку наплечной сумки. Она в эту минуту не только восхищалась силой «Импульсатора», но и думала о его создателе, о том, какое чудо сотворил он для человечества. И как она сейчас гордилась своим избранником!

Дундич приказал отряду рассредоточиться и наблюдать за дальнейшим развитием событий, а сам сел в машину Драганы, и они поехали в дом, где жила Вукица.

Дом был большой, с шестью окнами по фасаду, и стоял на холме, возвышаясь над всеми другими домами деревни. Некогда он был красив, обрамлён резными ставнями, но теперь краска на стенах облезла и вместо стёкол прибиты старые куски фанеры, гнилые доски и кое-где торчали солома и ветхое тряпье.

У калитки стоял парень лет пятнадцати: босой, без рубашки, с копной давно не чёсанных волос. Не тронулся с места и тогда, когда к дому подкатили две машины. Не испугался, и даже как будто бы и не удивился. Подошедшая к нему Вукица что-то сказала ему, и он пошёл вовнутрь дома. Нырнула в открытую дверь и Вукица.

Драгана смотрела на дом, на усадьбу и на недавно зазеленевший огород, и чем-то далёким, родным и знакомым повеяло на неё ото всех старых полуразрушенных построек, от этих ярко-зелёных и будто вдруг повеселевших грядок, и от холма, и от соседних, таких же ветхих, с разбитыми стёклами домов.

Вышла немолодая, но ещё и не старая женщина и с нею стайка ребятишек, полураздетых и худых,— видно, что они голодали.

Вукица представила хозяйку:

— Это наша мама. Её зовут Милицей.

Драгана подошла к ней, протянула руку. Затем привлекала к себе малышей, говорила:

— Меня зовут Драганой. Я сербка, но живу в Америке. В вашей деревне жили мои бабушки и дедушки. Это и моя деревня.

Милица спросила:

— А какая у вас фамилия?

— Станишич. Мы Станишичи.

— И наша фамилия Станишич. Мы тоже Станишичи. Мне бабушка говорила: её племянник живёт в Америке и будто бы очень богат. Раньше он присылал нашим родителям деньги, но потом перестал. Видно, и он обеднял. А тут ещё и албанцы с гор прихлынули. Может, они на почте забирают его деньги?

Драгана вся сжалась от этих слов, сердце её колотилось, в висках стучало. Она прижалась к Милице, шептала ей на ухо:

— Родные мы, родные... Вы не будете больше жить вот так, как живёте. Я позабочусь, я помогу вам.

Дети стояли возле них тесным кружком и неотрывно, не моргая смотрели на такую важную и нарядную тётю. Не понимали, за что она любит их маму, зачем она к ним приехала и кто она такая. Дети не только умнее, чем мы о них думаем, они ещё и видят больше, чем мы, взрослые, тонко чувствуют каждое движение нашего сердца.

И в эту минуту в избу вошла маленькая девочка, вся в лохмотьях, бледная и худая — в чём только душа её держалась. Смело подошла к Драгане, закинула вверх головку и тоже смотрела на неё во все глаза.

Драгана обняла её за плечи, склонилась над ней.

— Ты тоже здесь живёшь?

Девочка замотала головой:

— Нет, я нигде не живу.

— Как?.. А как же ты? Где-то ты, всё-таки, живёшь?

Девочка замотала головой: нет, она нигде не живёт.

— А как тебя зовут?

— Ивана.

Она подошла к плите, вынула из кастрюли картофелину, показала тётке:

— Во!.. Это я им принесла.

Драгана взяла картофелину, повертела в пальцах. Она была гнилой, сквозь кожуру проглядывала белая мякоть. Картофель превратился в крахмал.

Вукица пояснила:

— Такую картошку тоже едят.

А Драгана спросила Ивану:

— Кто же тебе дал эту картошку?

— Никто не дал. Вон домик... Я там взяла. Люди уехали, а картошку в ведре оставили.

— Ты так хорошо говоришь. Сколько же тебе лет?

Ивана показала четыре пальца. И ещё половину пальца на другой руке.

Драгана села на табурет.

— У тебя есть сестра?

— Нет. И мамы нет, и папы. Их убили албанцы.

Драгана молчала. Ей было душно и страшно. Чудовищное горе навалилось на это крохотное существо, а оно живёт, оно дышит — оно несёт картошку другим людям.

Тихо проговорила:

— Ивана, ты хочешь быть моей сестрёнкой? Ну, скажи: хочешь? Я тебе буду сестрой, самой родной. А? Хочешь?..

Девочка кивнула.

— Вот и славно. Отныне мы с тобой никогда не расстанемся. Будем всегда вместе. Поедем в страну, где я живу, и там ты увидишь море, будешь купаться и загорать на песочке. А?.. Поедешь со мной?..

Девочка кивнула. И вдруг обхватила Драгану за шею и крепко-крепко прижалась к ней. А Драгана ещё сильнее расплакалась. Гладила головку малышки, целовала. И слышала, как слёзы текут по её щекам. И их становилось всё больше. Потом решительно поднялась, а девочку посадила на табурет. Стала помогать Дундичу и Стефану выставлять на стол консервы, колбасу, соки. И резала хлеб. И всё пыталась унять слёзы, но они предательски текли по щекам, и Драгана их не стыдилась.

Села она на той стороне стола, где гнездилась малышня. Намазывала на белый хлеб сливочного масла, накладывала сверху кусочки колбасы, подавала ребятам. Их было пятеро. Шестая — Ивана. Старшему лет пятнадцать, младшему семь-восемь. Было видно, как они хотели есть, но жадности не проявляли и не торопились. Украдкой поглядывали на ласковую тётку, не понимали, почему это она такая большая, важная, нарядно одетая, а плачет точно так же, как Ивана, когда сильно хочет есть и никто ничего ей не даёт.

Съев по кусочку хлеба с маслом и колбасой, выпив по полстакана сока, ребята не потянулись за другими кусками, не хотели показывать своё сильное желание есть и есть, и к тому же боялись, что еды не хватит взрослым. Дундич и Стефан готовили другие бутерброды, подвигали к ребятам банки с консервами и со словами: «Да вы ешьте, у нас хватит еды. Слава Богу, хватит».

Драгана не сразу заметила, что Милица не садилась за стол и ещё ничего не ела. Взяла её за руку, посадила рядом с собой. Подвинула рыбные консервы, подала вилку. Хозяйка дома давно ничего не ела, кроме гнилой картошки и квашеной капусты, которая ещё оставалась в погребе. С осени у неё много было припасено овощей, моркови, свеклы, но накануне Нового года в деревню забрели пьяные албанцы, вычистили из ларей муку, крупу и опростали все погреба. Жители деревни со времен войны с немцами не знали голода, а тут он пришёл в каждую семью. Муж Милицы сопротивлялся, но албанец ударил его кривым ножом под сердце, и он упал замертво. Милица и её пятеро сыновей и дочь Вукица осиротели. Дочку взял в жёны чайханщик, но денег не давал и домой к матери не отпускал. Как жила Милица — один Бог знает. Дундич и Милица продолжали кормить ребят, а Драгана с Ивановой вышли из хаты, пошли вдоль деревни. Ивана показала на дом с повалившимся забором, со сломанной калиткой:

— Это наш домик. В нём жили папа и мама, и я в нём жила.

— А теперь кто в нём живет?

— Албанцы. Я к ним не хожу. Они убили папу и маму.

Драгана взяла за ручку девочку, и они пошли быстрее. Деревня скоро кончилась, и они очутились у края небольшого оврага. Драгана села на камень, посадила на колени Ивану. Говорить ей не хотелось, боялась разбередить рану девочки. Сидели молча, смотрели на ручей, бежавший по дну оврага и терявшийся в кустах шиповника. Из-за угла крайнего дома вышли три албанца и направились к ним. Это были деревенские мужики — заросшие, грязные и будто бы пьяные. Скорым шагом они подходили к Драгане и Иване. Драгана вынула из кармана «зажигалку», зажала её между пальцами. Албанцы подступились к Драгане и старший спросил:

— Кто такая?

— Я из Белграда. Приехала к родственникам.

Ивана заплакала. Она дрожала от страха, прижалась к Драгане. Один из албанцев схватил её и бросил в кусты шиповника. Драгана охнула, рванулась за девочкой, но старший албанец толкнул её, и она упала. Вытянула руку, пустила в обидчика три дозы. Албанец сник, повёл головой и упал. Но тут же поднялся, отступил назад и смотрел на Драгану безумными глазами. А к ней подскочил второй албанец и рванул на ней куртку, разорвал кофту, и, растопырив руки, валился на неё, как мешок. Драгана и его успела «угостить». И он зашатался, точно раненый бык. И отступил, а затем сел на камень, на котором только что сидела Драгана, и так же бессмысленно и очумело смотрел то на женщину, лежавшую в стороне, то на своих товарищей. Оставшийся целым албанец ничего не понимал и только переводил взгляд с одного товарища на другого. О Драгане он как бы забыл и не смотрел на неё. И только повторял по-албански какое-то слово, — видимо, спрашивал у товарищей, что с ними случилось? Почему они сидят и ничего не делают?..

В это время донесся голос Иванны. Драгана вскочила и побежала за ней. В кустах шиповника лежала девочка и кричала:

— Мне больно!..

Драгана вытащила её из куста и понесла на руках к месту, где она только что учинила расправу. И тут её ждал здоровый, ничего не понимавший албанец. Он вырвал из рук Драганы девочку и отшвырнул её прочь. Сам же сказал:

— Раздевайся!..

Драгана не сразу поняла, что не совсем деликатное обращение относилось к ней. Не сразу уразумела, что означала эта его команда. И не замедлила угостить целебными лучами и этого, третьего рыцаря. Но этого пожалела, пустила в него одну дозу. Но и её хватило для полного успокоения донжуана. Он осел на землю, смотрел на Драгану жалобно и как бы с мольбой. А Драгана спросила:

— Что вам надо?

— Ключи от машины.

— От какой машины?

— От вашей... той, что стоит у дома.

Как раз в этот момент со стороны дома подбежали четыре охранника и сбили с ног албанцев, отняли у них автоматы и ножи.

Заплакала Ивана. Драгана подняла её и тут увидела: всё лицо у девочки в крови. Колючки шиповника со всех сторон вонзились ей в тело. Драгана, забыв об албанцах, понесла Ивану к дому, где оставались Дундич и Стефан. Она шла и не видела, что вместе с охранниками за ней плетётся и албанец, тот, что получил одну дозу. Вместе с бойцами отряда и Драганой он вошёл и в дом.

Дундич вышел из-за стола, за которым сидели Стефан и два молодых албанца с кривыми ножами у пояса, взял из рук Драганы Ивану, положил на кровать. А Драгана вместе с Милицей обмыла девочку. Лицо Ивана было исколото, — кое-где до крови, но значительных повреждений на теле не было. У хозяйки нашёлся йод, и Драгана тщательно обработала все ранки и ссадины.

Дундич не замечал растерянности и смущения Драганы, вывел её из дома и сказал, что в селе живут почти одни албанцы и ребята обработали всех лучами Простакова. К ним подошёл албанец — тот, что пришел с Драганой, и стал уверять, что он и его два товарища пришли с гор погостить у своих родственников. Они ничего не имеют против сербов и никогда не будут их обижать.

Драгана сказала:

— Ваш товарищ бросил в кусты девочку, и мы вам этого простить не можем.

Албанец возразил, что тот, кто бросал девочку, испугался и убежал, а мы надеемся, что вы нас простите и не будете наказывать. Драгана ему ответила, чтобы он и его товарищи уходили из села. И всем своим тоже наказали уезжать домой. Скоро выйдет закон, который всех обяжет жить на родине.

Албанец кивал головой, соглашался. Показал на пастыря, шедшего по улице:

— Вон хозяин общины, он всем даёт команду: завтра утром уезжаем в горы. Албанцы готовят повозки.

Через час у входа в дом собрался весь отряд Дундича. Драгана показала Милице большую машину и сказала:

— На ней вы поедете с нами. Здесь вам оставаться опасно, я повезу вас на остров, где живу, дам деньги, и вы начнёте новую жизнь.

Милица обрадовалась и стала собираться. И скоро весь отряд отправился в близлежащий городок, где Дундич назначил сбор для своих соратников. Драгана держала на руках Ивану, говорила:

— Приедем в город и там тебя полечим.

В заштатном сербском городке, вроде нашего районного, Дундич подъехал к большому дому, где их ожидали хозяева. И Драгана, предварительно устроив Ивану в больницу, расположилась в двух уютных комнатах. Молодой и услужливый серб, хозяин дома, приготовил для госты душ, и уже через час они сидели за круглым столом, пили чай и смотрели телевизор. Хозяйка, сидевшая часами у телевизора, рассказала об утренней передаче: по всем белградским каналам показывали больницу, куда из какой-то служебной поездки доставили Вульфа Костенецкого с изуродованным лицом и разбитой головой. Упоминалась находившаяся с ним в машине знаменитая американская актриса, — она будто бы тоже пострадала от какой-то албанской банды, но её доставили в аэропорт и в сопровождении врачей отправили в Америку. «Ну, артисты! — думала Драгана. Они даже и беду свою готовы обернуть на саморекламу. Артистку какую-то придумал Костенецкий. Хорошо, что моё имя не называет, видно, не хочет со мной ссориться».

А ближе к полуночи показали и самого Костенецкого. Он лежал на больничной койке с забинтованной головой, и, хотя врачи не советовали ему принимать журналистов, он их принял и давал пространное интервью. Удивительно, как даже в таком состоянии

человек находил в себе силы врать, и причём на ходу придумывал целый сюжет, годившийся для приключенческого фильма. Поездку свою изображал как плановую, депутатскую, живописал восторженные приёмы, оказанные ему в больших и малых сёлах и в городках. И как на дороге он встретил американскую съёмочную киногруппу, и как близко сошёлся со знаменитой актрисой, которой дал слово не называть её имя. Она путешествует по Сербии инкогнито, и это ей даёт такую желанную свободу, которой она лишена у себя на родине. Сквозь плотно упакованные бинтами губы пролепетал: «Мне бы очень хотелось назвать её имя, но я рыцарь, и если уж дал слово, так буду его держать».

Утром Драгану позвали завтракать, и она к своему удовольствию в гостиной за столом увидела Ёвана Дундича. Озарённый какими-то счастливыми мыслями, он поднялся и поцеловал Драгане руку. Представляя хозяина, Дундич сказал: «Он наш человек, ему недавно присвоено звание есаула».

— Есаула?

— Да, есаула. Некогда их городок был казачьей станицей, и многие тут до сих пор соблюдают законы казачьей старины. А разве вам дедушка не рассказывал: у нас в Сербии, как и в России, есть места казачьих поселений, и многие из этих мест во время войны с немцами уходили в горы к партизанам. А вот его отец...

Он положил ладонь на руку сидевшего с ним рядом хозяина и назвал его имя: Петар:

— Его отец погиб в бою с немецкими фашистами.

Хозяйка накрыла стол и сама села рядом с Драганой. Сказала:

— Я хотела бы поближе с вами познакомиться.

Драгана ей рассказывала:

— Мой дедушка — Драган. А дядя — Ян, другой дядя — Савва. Мы сербы. А та девочка, что я отвезла в больницу, — Ивана. Она сиротка, мы подобрали её в селе Шипочихе. Там на нас напали албанцы...

Дундич слушал её рассказ, и на его лице отражалось удивление: он не знал таких печальных подробностей. А Драгана, обращаясь к Елене, продолжала:

— Девочка не одета. Я бы хотела приобрести для неё всё необходимое.

— Да, да, пожалуйста. У нас есть магазины, и мы сегодня же сходим. Правда, там всё дорого, но есть где продают поношенное.

Через три-четыре дня Ивану привезли из больницы, и в тот же день Драгана и Елена пошли в магазин детской одежды и для начала купили наплечную сумку для малышки. Долго и тщательно подбирали нижнее бельё, платья, костюмчики и куртки. Затем пошли в парикмахерскую, где Иване сделали модную стрижку. Девочка, казалось, не проявляла никаких эмоций по поводу своего преображения, зато Драгана по-детски радовалась каждой удачной покупке, а когда мастер, прибрав головку девочки, со словами «Вот, получайте свою красавицу!» подвела её к Драгане, та была поражена метаморфозе, происшедшей с малышкой. Драгана сказала Иване: «Хочешь, я куплю тебе куклу?», но девочка замотала головой и тихо проговорила: «Не надо». Очевидно, ей хотелось казаться взрослой, и она отказалась от куклы, хотя это была первая в её жизни кукла, которую она могла бы иметь.

Увидев себя в зеркале, Ивана испугалась, — она стала другой, на себя совершенно не похожей. И ей будто бы стало жаль той косматой и одетой в лохмотья девочки; она подумала, что той, прежней, уже нет и больше никогда не будет, она больше не увидит ту, знакомую, весёлую и вроде бы красивую девочку, какой привыкла видеть себя Ивана. И не будет той, прежней, жизни, в которой было и холодно, и голодно, и неудобно, но и всё-таки: там было так много хорошего. Она со страхом посмотрела на Драгану и расплакалась. А Драгана поняла девочку, привлекла её к себе и тихо, по-матерински заговорила:

— Чего же ты плачешь, девочка. Та, прежняя жизнь к тебе уж не вернётся, ты будешь всегда со мной, и тебе будет хорошо. А когда привыкнешь — назовёшь меня

мамой. Ты же ведь хотела иметь маму? Ну, вот — я и есть твоя мама. Только ты меня забыла и, когда мы встретились, не узнала.

Ивана опять расплакалась. Обхватила ручонками шею Драганы и не хотела её отпускать. Потом Драгана вновь и вновь оглядывала её личико, находила её очень хорошенькой. И щечки, и губки, и брови, и ресницы — все было необычайно красиво, и даже бледность и худоба, следы голодной жизни, не в силах были погасить природное очарование начинавшей расцветать жизни. Совершенно необыкновенными были у девочки глаза. Они чуть заметно мерцали, и цвет их менялся в зависимости от того, какой стороной она поворачивалась к окну. Но больше всего в них было цвета серого, серебристого. А оттого, что Ивана на всё смотрела как бы с удивлением, с детским нетерпеливым восторгом, глаза всё время были широко открытыми и в них летали весёлые искры. Драгана поймала себя на мысли, что смотрит на Ивану неотрывно, смотрит ей прямо в глаза и бессознательно, помимо своей воли, всё больше проникается ощущением какой-то тёплой, греющей душу красоты. И тут вдруг пришла мысль: Простаков решит, что она моя дочь! От мысли такой в глазах потемнело. Ей стало жарко. Считала годы: Иване пять, мне двадцать пять. Я вполне ей в матери гожусь. Но если это и так — что же тут плохого? Ну, мать и мать. И разве это плохо, иметь им такую дочь?.. Драгана в этой ситуации даже нашла много забавного. Представила, как все вскинутся, как зарычит дядя Ян: да ты же молодчина, Дана! Мать-героиня! Ну, а Борис... Вообразила, как он вначале смущённо улыбнётся, пожмёт плечами, а затем и он зайдётся в радости. Не успел жениться, а уже отец! И дочь-то какая! Почти невеста.

Сказала Иване:

— Девочка моя! Ты ведь очень красива. Знаешь ли ты об этом?

Ивана замотала русоволосой кругленькой головкой: нет, она этого не знает. Ближе подошла к Драгане, стала машинально разглаживать складки на её кофте. А Драгана, чувствуя прикосновение тёплых пальчиков, заходила от прилива незнакомого доселе счастья,— очевидно, это было состояние матери, испытавшей первые ласки ребёнка.

— Ты, наверное, хочешь спать?

Девочка ничего не ответила. И тогда Драгана отвела её к кровати, уложила под одеяло и стала тихо напевать песенку. И очень скоро Ивана уснула. Драгана увидела на лице девочки проступивший румянец. Подумала: буду хорошо её кормить и она быстро наберёт свой вес и силу.

Хозяйка прибрала все комнаты дома, вымыла деревянные полы, и Драгана, выросшая во дворцах и на роскошных виллах, ощутила новый для неё и какой-то необыкновенно тёплый уют человеческого жилья. Вполне возможно, что дремавшая под спудом генетическая память извлекла из тьмы времён то постоянное родное ощущение, которое испытывали её деды и прадеды, жившие в глухом сербском селе. Пришла мысль о сравнении этой жизни и той, искусственно привнесённой человеком в свой быт за многие годы и столетия существования больших городов, в обстановке вещей и предметов, рождённых цивилизацией. Ей захотелось пожить в этом доме, и она пригласила хозяйку в отведенную ей комнату и стала задавать вопросы:

— Расскажите, как вы тут живёте, какие цены на продукты и как питаются люди.

Елена поведала:

— Недавно мы голодали, но сейчас, слава Богу, работникам стали платить побольше, и нам, худо ли бедно, но на еду хватает. Труднее тем, кто имеет детей. И потому наши женщины почти не рожают. В городе один родильный дом, но и он пустует. Врачам не платят, и они уходят.

Вечером Драгана смотрела телевизор. Едва ли не на всех каналах продолжали обсуждать нападение бандитов на одного из самых знаменитых и влиятельных политиков Сербии Вульфа Костенецкого. Пострадавший уже принимал журналистов у себя дома и вдохновенно живописал чудеса, произошедшие во время поездки по сельским районам.

Теперь в его рассказах появились «люди в масках» и мелькнуло подозрение, что «это были русские», а в другой раз Вульф обмолвился: «сербские партизаны»; он уже не склонен был подавать эту историю как нелепый, неприятный эпизод, а умело, театрально живописал как некий международный заговор, имевший целью повернуть вспять историю Сербии и восстановить режим коммунистов в Югославии.

Была передача, в которой Вульф намекал на стремление напугать российского Жириновского,— вот, мол, и с тобой может случиться такое. И хотя реже, но вспоминал и американскую киноактрису,— «она сопровождала меня в поездке и давала бесплатные концерты», и однажды даже назвал её поп-звездой, но имя, согласно уговору, как и прежде, не открывал. И Драгана думала: «Теперь уж и не назовёт». И это её всё больше радовало и успокаивало. К полуночи к ней пришёл Дундич и доложил о делах, которые вершил отряд его партизан.

— В селе Шипочи́ха мы угостили лучами Простакова всех албанцев, а семерых мужиков, которые избивали сербов и нескольких человек убили, «осветили» тремя дозами. В первое мгновение мужики вздрагивали и хватались за головы. Кто сидел, вставал и начинал ходить по кругу, будто чего-то искал под ногами. Потом садился, безумным взором оглядывал всё вокруг и тоже будто кого-то искал. Один мужик задержал на мне взгляд, спросил:

— Ты кто?

Я ответил:

— Американский турист.

— А почему говоришь по-сербски?

— Тут у вас в селе научился.

— А у нас разве есть ещё сербы?

— Да, есть. Они возвращаются в свои дома. А вам придётся уходить к себе в горы.

— Когда?

— Желательно сегодня, а то будет поздно.

— Поздно?

— Да, поздно. Из Белграда идёт большой отряд партизан. Они освобождают сербские сёла от албанцев. Мужчин увозят и неизвестно, что с ними делают.

— Куда увозят?

— Не знаю, но увозят.

Мужик долго смотрел на меня, а потом заплакал. И плакал долго, и говорил:

— Не трогайте нас, у меня дети. Пожалуйста, отпустите меня домой.

— Да, да, конечно. Мы отпускаем, только вы уходите быстрее. И уводите с собой всех албанцев, которые пришли с гор. Скажите всем своим людям, что так повелели американцы.

Албанец поднялся и, покачиваясь, пошёл к своему дому. Мы уверены: он сегодня же повезёт свою семью в горы. И будет говорить другим, чтобы скорее уезжали. Из этого мы сделали вывод, что мужиков и парней албанцев надо угощать тройной дозой,— ну, хотя бы двойной, и понуждать их покидать сербские сёла. Я послал ребят в соседние деревни и дал им такое распоряжение. Хотел бы знать ваше мнение.

Война есть война. Не сербы её навязали, не они пришли к албанцам. Логика борьбы требует решительных действий. И она одобрила операцию Дундича. Но сказала:

— И все-таки, пусть они «угощают» албанцев одной дозой, а те, кто грабил, выгонял из домов и даже убивал сербов, пусть получают двойную, а то и тройную дозу — и пусть они плачут. И вымаливают прощение. Грешники должны каяться. Покаяние приводит к Богу.

Ещё там, на острове, собираясь в Белград, Драгана имела много планов, но крошка Ивана заполнила собой всё её время. Возвратившись из путешествия, она с радостью представляла девочку вначале дяде, а потом его супруге. Дядя посмотрел на неё, как он, очевидно, смотрит на студента, явившегося сдавать экзамен, и ничего не сказал, а тётюшка

Ангелина сильно удивилась и не выразила никакого желания приблизиться к Иване и приласкать её. И девочка почувствовала враждебность этой нарядной, пахнувшей цветами тётки и, как бы защищаясь от неё, подошла к Драгане, посмотрела ей в глаза и тихо назвала её мамой.

— Она сказала «мама»? Она будет тебя так называть? — пропела режиссер театра.

— Да, это моя дочка, а я её мама,— весело проговорила Драгана.— А разве плохо иметь такую прелестную девочку?

Ангелина схватила её за руку, отвела в сторону и прошипела на ухо:

— С такими вещами не шутят! Где ты её подобрала? Что собираешься с ней делать?

Ивана испугалась и даже отступила назад и схватилась ручкой за угол стола, а Драгана весело проговорила:

— Мы будем жить с ней вместе. Всегда и всюду — вместе. А что? Разве нам кто помешает жить вместе? Вы только посмотрите, какая у неё причёска. А какое платье! Мы придём с ней к вам в театр, и там все будут ею любоваться.

Ангелина пожала плечами и больше ничего не сказала. Она не изъявляла желания видеть девочку,— очевидно, потому два или три дня Драгана не встречалась с Ангелиной. Дядюшка с ними завтракал и ужинал, но интереса к Иване тоже не проявлял. Было видно, что он не одобрял операцию с удочерением уличной замарашки и, может быть, даже возмущался таким поступком племянницы, но из чувства такта ничего не говорил. А Драгана была и рада. Её даже забавляло такое отношение родственников к её поступку, которым, как серьёзно полагала Драгана, она вправе гордиться. Думая обо всём этом, она крепче прижимала к себе Ивану и шептала ей на ухо:

— Ты видишь, они нас с тобой не очень любят, а мы проживём и без их любви. Важно, чтобы мы друг друга любили. А?.. Ты согласна со мной? Ты меня любишь?..

Девочка кивала головой, а Драгана поправляла красный цветочек в её волосах и целовала в щёчку.

Ивана час от часу становилась всё лучше. На щеках её ещё оставались следы от колючек шиповника, но глаза блистали ярче и вся она становилась гладенькой, справной, хорошенькой, как кукла.

Шли дни, девочку откормили, она теперь и совсем похорошела,— но Драгану ждали дела. И Дундич уговорил её перевезти Ивану в семью его родственников. Сами же они каждый день посещали скупщину, просиживали там по три-четыре часа на заседаниях. Дундич, как и Драгана, имел от Гуся удостоверение корреспондента его газеты и забронировал себе и Драгане постоянные места на балконе прессы. Из разговоров во время перерывов они узнали, что Вульф сделали операцию по исправлению конфигурации носа, но когда сняли повязку, увидели, что нос пришит с отклонением в сторону на сантиметр. Вульф, увидев себя в зеркало, пришёл в ужас: его нос, как у боксёра, стал приплюснутым и сидел на боку. Приходившие к нему товарищи по партии валились с ног от смеха. Кто говорил, что нос теперь принял экзотический вид и люди в парламенте, особенно телезрители во время передач с участием Костенецкого, будут смотреть на него, как замороженные. Мужики будут говорить, что Вульф сражался на ринге, а женщины найдут, что такой-то нос больше походит на славянский, и по Европе поползут слухи о нееврейском происхождении главного политика Сербии, и эти слухи породят толки и кривотолки, придадут имени Костенецкого мистический характер — его слава примет оттенок чего-то божественного, неземного. Эти последние догадки соблазняли Костенецкого; он и прежде мечтал о славе неземной, но и все-таки, не хотел он появляться на трибунах и на экране телевизора с кривым и каким-то чужим и нелепым носом. Однако знакомые врачи, приходившие к нему в больницу, не советовали идти на повторную операцию, уверяли, что такой ремонт носа с его тончайшими перегородками очень болезненный, может вызвать болевой шок, с которым врачи не сумеют справиться. Пришлось с ними согласиться, и он потребовал выписать его из больницы. При этом

отказался от встречи с лечащим врачом, а главному врачу наговорил дерзостей и даже грязно обругал его и весь персонал, и обещал прислать комиссию и со всеми с ними разобраться.

По радио и по телевидению было объявлено, что завтра в скупщине появится Вульф Костенецкий и предложит новые проекты, которые пришли ему в голову во время лечения в больнице. И там и тут журналисты и телеведущие намекали на серьёзные перемены в облике Костенецкого,— и такие, что не все его и узнают. Другие, более бойкие, даже намекали на такую метаморфозу, от которой женщины «будут терять головы». Эти намёки и всякие двусмысленности страшно разозлили Вульфа, и он, чтобы успокоиться и уснуть, горстями глотал таблетки. Когда же пришёл в скупщину, то здесь увидел, чего стоит ему история с носом. В коридорах и во всех кабинетах люди останавливались, всплескивали руками и громко причитали:

— Костенецкий! Тебя не узнать. Ты стал истинным славянином! За тобой на выборах побежит вся Сербия!

И если Вульф немедленно не уходил, то скоро собиралась толпа, все охали, ахали, и кто завидовал, а кто находил, что именно такой операции Вульфу не хватало. Парламентские смехачи,— их там было так же много, как в России во времена Ельцина,— ударяли Вульфа по плечу, восклицали:

— Ты если не пройдёшь в скупщину на следующих выборах, пойдёшь в цирк и будешь там делать большие деньги.

Вульф кипел, ругался, но никого его гнев не смущал; наоборот, смехачи распялялись, и смех переходил в хохот, да такой, что хрустальные люстры, свисавшие с потолка, звенели и дрожали, точно и они смеялись.

В скупщине было много депутатов, которые стремились прославиться; ну, хоть бы чем-нибудь. На выборах-то они сумели набрать нужные голоса, но дальше их доблести не шли. Говорить они не умели, а кто и умел, так не могли по причине многопрофильного дефекта речи. Ну, во-первых, они картавили. Евреи не только в России, но и во всём мире картавят. Однако это ещё и ничего. Не все же читали Указ Петра Великого: если ты служишь — не картавь, а если картавишь — не служи. В наше время Петры Великие перевелись, а те, кто вскарабкивается на трон Владыки — Брежневы, Андроповы, Горбачёвы, Ельцины, и прочие Гайдары — они не только картавят, но ещё и как-то чмокают мокрыми губами или мычат, как Брежнев, рычат, как Ельцин, он же Ёльцер, а иной на манер пулемёта часто-часто выстреливает словами, как это делал самый великий предатель на земле, человек с печатью Америки на лбу. Вылезет он из машины и сразу начинает говорить. И говорит, говорит, а чего говорит — непонятно. Есть, оказывается, в русском языке слова, которые, если их поставить в ряд, лишаются всякого содержания. Так что картавить-то вроде бы и ничего, но вот если ты чмокаешь, да ещё как-то присвистываешь — так это уж никуда не годится. Впрочем, я не знаю, как в Сербии, а у нас в России на думскую трибуну и такие лезут, но предусмотрительный спикер их не пускает. Не хочет он, чтобы ораторы такие думу позорили. Ну, и что такому депутату прикажешь делать? Надо же своим избирателям как-то показать, что и он существует, и он чего-то представляет. У нас один такой депутат, чтобы как-то о себе заявить, кабинет свой взорвал,— дескать, смотрите, какая я важная персона! Охрану мне давайте. Есть у нас депутаты и почище,— их глупость и антирусскую ярость ни пером описать, ни в сказке рассказать, но для создания их портретов талант литературный в русском народе ещё не созрел. Такой талант придёт позже, лет этак через двести.

Однако события в сербской думе на этот раз развивались быстрее, чем мы ожидали. Драгана сидела в уголке журналистской ложи и с детской радостью наблюдала за тем, как самый выдающийся политик Европы, ярый антикоммунист и антиславянист превращался в субъекта, которому она ещё не придумала названия. Она знала, что давно-давно, когда Костенецкий ещё только начинал свою политическую деятельность, его называли сербским националистом и противником демократов. Он всюду кричал:

«Сербия для сербов!» «Тех, кто развалил Югославию, на дыбу!» Но потом, когда его избрали в скупшину, он на разных круглых столах показывал на коммунистов и орал: «Это вы, вы развалили Югославию. Вас, проклятых коммунист, судить надо!»

Сейчас, после операции на носу, едва только началось заседание думы, он подхватился со своего места и, не дождавшись, пока ему спикер предоставит слово, полетел к трибуне. И пока он бежал к ней, придерживал платок у носа, но как только взлетел на трибуну, платок сунул в карман и все увидели, как выглядит Костенецкий со своим новым носом. А нос у него действительно был не его, а какой-то чужой и не обозначавший никакую национальность. Ну, во-первых, из красивого, прямого и с горбинкой он превратился в нечто неопределённое, похожее на картошку. И как-то нелепо и уродливо висел над толстыми губами, и не просто висел, а будто бы хотел их обогнуть и соскользнуть вниз. Была минута, когда зал присмирел, и даже замер при виде нового Вульфа, но потом послышались смешки — вначале робкие, а затем всё громче и громче, пока не перешли в общий хохот. Но не из тех был Костенецкий, чтобы кто-то и как-то его мог сбить с толку. Он истерически заорал:

— Коммунисты проклятые! Что вы смеётесь? Развалили Югославию, погрузили народ в бедность, наслали болезни, а теперь смеётесь? Скоро я стану президентом, и вы заплачете! Буду вешать вас на каждом столбе! Я отворю ворота и напущу албанцев. Они вам покажут! Я грязной метлой смахну с карты Европы! Тут будут турки, албанцы и негры!..

Когда Костенецкий прокричал и эти слова, Драгана приставила к уху свой мобильник и пустила в Костенецкого три порции. Он вздрогнул. Посмотрел на люстру — не свалилось ли что оттуда?.. Потом ещё оглянулся — вправо, влево, и сник, стал меньше ростом, и нос его ещё больше обмяк, будто по нему ещё кто-то и чем-то ударил. Потом Вульф повернулся к спикеру, сказал:

— А ты проклятый бабник и лжец! — чего смотришь на меня? Разве не ты завалил наш проект о запрете приёма цветных металлов? А кто подсунул нам идею о половом воспитании детей? Кто настаивал на том, чтобы узаконить проституцию? А?..

Он повернулся к залу:

— А вы?.. — обвёл он взором ряды притихших депутатов. — Я вам говорю! Вам, вам, козлы вонючие! Какой вы тут проектик хотите протащить о лишении всех льгот для партизан?

И опять к спикеру:

— Ну, ну — вынимай из-под стола свой гнусный проектик!..

Спикер поднялся и объявил перерыв на два часа.

Потом Драгана видела, как волокли по коридору Костенецкого и совали его в карету скорой помощи. И как он в маленькое окошечко кричал:

— Это кто — я-то слетел с копыт? Я вам покажу, недоумки проклятые! Разоблачу каждого из вас, кто и какой вы национальности. Вы у меня попляшете!

Скорая помощь увезла Костенецкого в лечебницу. А Драгана думала: «Интересно, признают его врачи больным или скоро отпустят? Вот бы отпустили, и он бы снова появился в думе. Вот цирк! Вот представление! Что завтра напишут газеты?..»

И ещё Драгана подумала: «Лучи Простакова не только гасят злобу, но они ещё и пробуждают совесть».

Газеты, как и следовало ожидать, не просто писали о Костенецком, но они гадали, спорили, бесновались... Радио и телевидение не отставали; казалось, журналисты забыли обо всём на свете; они писали и говорили только о Костенецком, о чудесах, с ним происходящих. А он находился в лечебнице. Его обследовали, с ним беседовали, ему смотрели в глаза и молоточками ударяли по коленкам. И — ничего не находили. Но выписывать не торопились, слишком уж пациент ответственный.

Драгана занималась своими делами. Дундич собрал Красную бригаду — так называли бойцов ополчения; они вот уже семь лет распределяли благотворительную помощь, которую выделял дед Драган, а два последних года вносила свою лепту и его внучка. Дедушка давал деньги на двести объектов: школы, больницы, детские дома и ясли. Драгана — на поддержку одиноких и многодетных матерей.

На этот раз выплаты были хорошо организованы, и Драгана уже через несколько дней вернулась в думу. Как раз в этот день и выписался из больницы Костенецкий и, не заезжая домой, направился в скупщину.

И надо же так случиться! У входа в зал заседаний он встретился с Драганой.

— Вы? — удивился он.

— Да, я. А разве вы меня не узнаете?

— Узнал я вас, узнал. Моё вам почтение.

Открыл дверь, пропустил Драгану и шёл рядом.

— Вы от газеты? От Гуся?.. О, эта грязная отвратительная газета! Бросьте его удостоверение вон в тот мусорный ящик, а я вас оформлю своим помощником. Вам будет со мной интересно, я теперь буду всех громить и разоблачать.

— Почему теперь? Вы и раньше громили и разоблачали, но только не всех, а одних коммунистов. Что произошло с вашими взглядами и когда это случилось?

— Это случилось вдруг, в один момент: мне что-то ударило в голову, вроде электрической искры. Я прозрел, я себя возненавидел, но, впрочем, ненадолго. Я тут же решил: хватит мне защищать прохиндеев! Это же все... Вот все, кто сидит в креслах, идёт с нами, вон те и те... Вульф показывал на депутатов. — Они все ряженые, на них маски. Вы думаете, они сербы? Ничего подобного! В их жилах коктейль, гнусный, ядовитый. Они и сами не знают, кто они такие. В России их зовут ублюдками. Что это такое?.. О-о!.. Это когда человек не знает своей национальности. Он никого не любит, он каждого продаст за копейку. Я тоже ублюдок, но я хороший ублюдок. Мне открылся Бог, и он позвал меня на борьбу с врагами Сербии. Я теперь боец, я партизан. Вот вы посмотрите, как я буду сражаться.

Драгана с радостью для себя отметила, что Костенецкий со дня её экзекуции над ним сильно изменился; он спокоен, взгляд его твёрдый, осмысленный, и даже нос, основательно заживший за это время, уж не смотрится таким нелепым. Вульф посадил Драгану рядом с собой. И при этом сказал:

— Да, да. Вы увидите, какую я им устрою выволочку.

Драгана думала, вот он сейчас встанет и, не дожидаясь разрешения, как он обычно делал, пойдёт к трибуне, но Вульф поднял руку и спикер охотно предоставил ему слово. Костенецкий шёл к трибуне не торопясь, с достоинством важного человека, которого здесь уважают и с интересом слушают; — так, впрочем, и было раньше, но теперь все хотели видеть, действительно ли у Вульфа «тронулась головка» или с ним сыграли злую шутку и напрасно укатили в лечебницу, — так или иначе, но депутаты, устремив на него жадные взгляды, замерли от любопытства и нетерпения. А он шёл важно, смотрел прямо перед собой, не достаивая взглядом даже спикера и сидевших с ним двух вице-спикеров. И когда взошёл на трибуну, не сразу начал говорить, а сунул руку в один грудной карман пиджака, затем в другой и, ничего там не найдя, вскинул голову и устремил взгляд вверх зала. И так, смотря вдаль, в никуда, заговорил:

— Как вам известно, я не исповедую никакую религию, но — я верю. Да, верую! Над нами есть сила... Высшая сила. Она видит, за всем наблюдает. И придёт час, призовет нас к ответу и спросит: а что ты делал в думе? Как выполнял обещания, которые давал народу?.. И тогда вот он...

Костенецкий повернулся к спикеру и показал на него энергично вытянутой рукой:

— Да, он, глубоко уважаемый вами и совсем не уважаемый мною, — весь извертевшийся, изолгавшийся спикер Казимир Гарзул-Свирчевский, выдающий себя за серба, но и сам чёрт не знает, какого он роду-племени, — вот он вынужден будет сказать:

вся моя деятельность была направлена к тому, чтобы как можно больше навредить и нагадить народу, который доверился мне и послал в скупщину. Да, это я уговорил вас отклонить закон, запрещающий частным лицам торговать цветными металлами. От этой торговли страна ежегодно теряет четыре тысячи наших граждан; они погибают от катастроф, связанных с хищением цветных металлов. Это на моей совести все эти жертвы. На моей! И на вашей, конечно.

Костенецкий повернулся к залу и обвёл все ряды карающим перстом:

— И на вашей!.. Слышите?..

Из зала донеслось:

— И на твоей!

— Да, и на моей. Но я повинился. Я вас разоблачаю. И за это меня Бог простит. А вас пошлёт в ад и будет жарить на раскалённой сковородке.

И потом уже тише, с трагической нотой в голосе:

— Я знаю: вы, ваше проправительственное холуйское большинство, будет и дальше держать под сукном этот, и многие другие, нужные народу законы... Да, будете держать!.. И закон, разрешающий преподавать в школах православие, и закон о поддержке сербов, живущих в бывших республиках Югославии, и десятки других законов,— и всё потому, что вы... служите мамоне, а не Богу, вы продаёте и предаёте свой народ. И я вам больше не товарищ. Отныне я посвящаю все свои силы борьбе с вами. Берегитесь!

Кто-то поднялся из середины зала, во весь дух закричал:

— Клоун! Убирайся с трибуны! Хватит дурачить избирателей. В шкуру патриота опять полез, в президенты рвётся. Довольно! Теперь-то уж тебя раскусили.

Костенецкий дал оратору прокричать свои претензии,— и этим тоже удивил думцев. Раньше-то он противникам и слова не давал сказать, тотчас начинал орать: «Коммуняки проклятые! Я вас всех выведу на чистую воду!». А если ему продолжали возражать, то бился в истерике, обзывал последними словами. Оппонент кисло улыбался, махал рукой и замолкал. Сейчас же Вульф с достоинством выслушал оратора, сочувственно покачал головой. И сказал:

— Однако же... припекло тебя.

И снова угрожающе обвёл всех грозным взглядом. И негромко, но железным голосом заключил:

— Я всех вас достану. Вы у меня ещё и не так запляшете.

Потом он замолчал. Осмотрел балконы, на которых сидели журналисты. Качал головой и тихим плачущим голосом повторял:

— Что мы натворили, что натворили...

Депутаты из первых рядов слышали, как он, сцепив зубы и устремив на них грозный, пламенеющий святым гневом взгляд, произнёс:

— Кайтесь!.. Слышите вы меня: кайтесь!..

Сошёл с трибуны и, подняв над головой кулаки, шёл между рядами и повторял:

— Это Вульф вам говорит: кайтесь! Бог нас услышит и простит!..

Костенецкого боялись. И, может быть, потому выступавшие следом ораторы обошли молчанием его угрозы, а может быть, и это скорее всего, не могли понять, что же с ним произошло? Почему он так круто повернул со своих прежних позиций, перестал вдруг быть рупором властей, тайным, но верным защитником недавно избранного президента — представителя правых и самых реакционных сил в стране.

Драгана же находилась в состоянии крайнего восторга: она сейчас сделала для себя особо важное открытие, а именно, что «Импульсатор» способен преобразовать еврея! Делать из любого мерзавца честного порядочного человека. «Батюшки! — восклицала она мысленно. — Да за такое-то волшебное средство человечество произведёт её Бориса в ранг самого великого учёного — Отца великих!..»

Драгана в перерыве оставила Костенецкого и поднялась на балкон в ложу прессы. И здесь она не услышала категорических суждений; журналисты тоже боялись Вульфа, и

они проявляли осторожность, и только видно было, как они внимательно прислушивались к другим и пытались заговорить с Драганой в надежде, что эта американская журналистка, которую так обхаживает Костенецкий, знает тайну метаморфозы и поделится с ними своими догадками. Но, разумеется, Драгана молчала, хотя она-то, конечно, догадывалась и почти наверняка знала о причинах таких неожиданных пассажей знаменитого политика. В душе она торжествовала. Ей теперь надо было убедиться, что перемена в умонастроении Костенецкого окажется стойкой, он и дальше будет чествовать своих вчерашних союзников,— и если это будет так, то она убедится ещё в одном свойстве «Импульсатора»: лучевые импульсы не только умирят психику, но они еще и подавляют все самые тёмные силы ума и души, вызывают к жизни на время приглушенные и задавленные силы добра и света, оживляют и сообщают энергию положительным, жизнеутверждающим чувствам и мыслям,— они как бы перерождают человека, помогают ему одолеть страх, корыстолюбие, лживость и подлость и вдруг, в один момент, превращают в благородного рыцаря. И производят такую операцию не с кем-нибудь, а с таким отъявленным мерзавцем, каким всю жизнь был Вульф Костенецкий.

Драгана пыталась объять своим умом грандиозность открытия Бориса Простакова, и ум её, и душа трепетали от величия научного подвига, ей не терпелось покинуть Белград и очутиться на Русском острове, чтобы там обо всём рассказать близким людям и, прежде всего, Борису, которого она любила и обожала всё больше.

Две недели наблюдала Драгана за Костенецким, он всё это время наращивал своё наступление на тёмные силы в думе, чем окончательно привёл в замешательство и своих вчерашних союзников по депутатскому корпусу, и избирателей, которые устали от «фокусов думского клоуна» и окончательно от него отвернулись. Он же не обращал внимания ни на какие беды, свалившиеся на него в связи с поворотом его позиции, он продолжал громить лжецов и предателей, чем сеял вокруг себя ещё большее замешательство, множил число врагов, которые не знали, что же с ним делать.

Редактор газеты Гусь заметил, что Драгана сторонится Костенецкого, и это его радовало. Он находил естественным, что внучка американского магната отвернулась от политика, проявлявшего теперь явные симпатии к коммунистам, не бранил, как прежде, а наоборот, называл их фракцию в думе самой честной и приличной,— и Гусь стал везде поджидать Драгану и, как только она появлялась, тут же возле неё оказывался. А Драгане он как раз и нужен был. Она теперь, чтобы лучше понять метаморфозу Костенецкого, хотела больше знать о думе, о том, какие тут были пристрастия, кто и как расставлял подводные камни, кто и с кем боролся. Она потому охотно беседовала с редактором, ходила с ним в буфет, подолгу там сидела за чаем или кофе. Драгана задавала вопросы, а Гусь, обрадованный её вниманием, охотно на них отвечал. Ему даже влетела шальная мысль: уж не понравился ли он этой залётной ласточке и не может ли он рассчитывать на серьёзные с ней отношения?

Гусь, как опытный политик и ещё более опытный журналист, умело составил стратегию покорения Драганы; он, прежде всего, решил подальше отодвинуть от неё Костенецкого и для этого развенчивал образ «самого яркого и влиятельного» политика на Балканах, он говорил:

— Вы, наверное, смотрите на каждого депутата и думаете: что же это за народ такой? Разве не так вы думаете? А?.. А я вам отвечу: они все одинаковы. Каждый из них смотрит в кассу. Только в кассу. В какую кассу? А в ту, где больше дают.

И Гусь, откинувшись на спинку стула, захохотал. Мокрые красные губы его растворились, и Драгана увидела частокор крупных бугроватых зубов. Дёсны обнажились, сообщая бородатому лицу не совсем человеческое, но, впрочем, и не звериное выражение. Драгана поежилась. По левому плечу её,— почему-то по левому,— пробежал озноб. Она отвернула в сторону взгляд, ожидая, когда собеседник перестанет смеяться и всё его лицо вновь скроется под густой зарослью шерсти. Под сердцем ворохнулась тревога: и это он

воспитывает сербскую молодёжь! Вспомнилась фраза, оброненная Альфредом Нобелем, где-то она её вычитала: демократия — это власть подонков. Она же могла бы добавить: не только подонков, но и каких-то недочеловеков.

Гусь между тем, всё больше воодушевляясь, продолжал:

— Он — да, вначале засветился на нашем небосклоне. Но что же вы хотите? Со всех трибун он кричал: «Я соберу Югославию под одну крышу и верну ей статус империи!.. Во время войны югославские партизаны спасли от Гитлера Европу. Я дам Югославии вторую славу. А если уж говорить о России, то она попала в сионистский капкан и ей уже не спастись. Я в год по десять раз летаю в Москву, у меня собственный самолёт, и я летаю. У меня там друзья. И сын юриста мой лучший друг. Он говорит: Вульф, наше время пришло. Бери в Югославии власть, как мы её взяли в России. Второй Киргизии у нас не будет. Русский — это не киргиз. Киргиз пьёт кумыс, русский — водку, киргиз помнит, что он киргиз, русский давно забыл, кто он такой. Ему теперь в паспорте пишут, что он номер, а не человек. Русским ещё трусливый грузинишка Джугашвили приказал забыть, что они русские. И они теперь его хвалят. Они снова зовут на престол какого-нибудь чеченца. Они не могут иначе. Свой дом они отдают чужаку. И это у них ещё пошло с Петра Первого. Тот был идиот и наташил в Россию немцев. И все цари у них были немцы». А я,— продолжал Гусь,— согласен с сыном юриста: для России лучше всего — так это еврей. Он хоть не убивает, а сводит со света тихо, и при том улыбается. И всякое настоящее он подменяет поддельным: поддельные продукты, поддельные лекарства,— образование тоже поддельное. Ну, и радовались бы, а они орут: не надо евреев! У них антисемитизм, а это такое, когда уже хуже не надо. Если антисемитизм, то это уже конец света. Представьте, если бы у вас в Штатах победил русский генерал Макашов. Да, вы этого не представляете, но я вам скажу: ваш бы дедушка превратился в нищего, а вы бы стали школьной учительницей. Это — в лучшем случае, а то в вашей крови стали бы искать еврейскую, и если бы нашли хоть каплю — тогда в лагерь, в ГУЛАГ. Вы этого хотите? Нет, вы этого не хотите. Я тоже этого не хочу. Да, не хочу!

Гусь могучими зубами отхватил полбутерброда с копчёной колбасой и смотрел на Драгану глазами, которые при ярком свете из окна меняли своё выражение и постоянно разбегались то в стороны к ушам, а то сбегались к носу и тогда превращались в какой-то светильник, от которого теперь уже у Драганы не в одном только левом плече, но и по всему телу разбегался колючий, холодящий душу озноб.

Драгана вдруг поняла: не один только Вульф мечтает о лаврах всеславянского лидера, но и этот бородатый нервный субъект. Пока он захватил главную молодёжную газету, но кто знает, как далеко его понесёт капризная политическая фортуна? Обошёл же всех политиков и вырвался вперёд его удачливый приятель Вульф Костенецкий! С воцарением на Балканах власти демократов его партия была второй после коммунистов. Но потом он решил вышибить из седла коммунистов и покатил на них бочку, стал называть их «проклятыми коммуняками» и обвинять во всех грехах. Но тут наш фюрер просчитался: его электорат усох, как шагреневая кожа, и на последних выборах он едва протиснулся в думу. Костенецкий лопнул, как мыльный пузырь, а что до нынешнего его кульбита — его ещё пока никто не понял. Вульфа и раньше понимать было трудно, но какие пируэты он выписывает сейчас — тут все политологи сбились с ног, а понять бессильны. Между тем президент нервничает: козырного туза лишается. Костенецкий всегда был у него в кармане, и в случае нужды он при поддержке Вульфа обеспечивал себе любой проект. Если же нынешняя блажь Вульфа затянется, президент лишается главной силы и в любой момент может оказаться в положении президента Киргизии, которому недавно дали хорошего пинка, и он вылетел из кресла.

Гусь доел бутерброды с колбасой и взялся за жирный и не совсем свежий гамбургер, а уж потом хотел продолжать рассказ о Костенецком с целью окончательно растоптать его в глазах Драганы и обеспечить себе плацдарм для атаки на неё, но второпях он забылся, извалял свою бороду в крошках пирога, и Драгана, увидев эти

крошки, болезненно сморщилась от приступа брезгливости,— ей стало не по себе, и она проговорила:

— Прошу извинить, но мне нужно ехать домой.

— Я подвезу вас. У меня машина бронированная.

На что она сказала:

— Я езжу только в своей машине.

Гусь провожал её и заметил, какой у неё дорогой автомобиль, и рядом стояли два других автомобиля — её охрана. Он хотел было поцеловать руку Драганы, но она не заметила его протянутой руки и, даже не взглянув на него, села в машину и уехала. Ему такое прощание показалось невежливым, и он ещё с минуту стоял, снедаемый недоумением. Подошедший к нему референт сказал:

— Приведите в порядок бороду. В ней запутались крошки от пирога.

Гусь, вытирая платком бороду, проворчал под нос грязное ругательство,— впрочем, не такое забористое, какие в изобилии были рассыпаны на страницах его газеты. Но всего больше его сейчас удручало, что Драгану он потерял навсегда.

Газеты, радио и телевидение вдруг все свалились в сторону Костенецкого; завопили в один голос: в президенты его, в президенты! Но, может быть, этот их неожиданно усилившийся интерес к великому либералу и сыграл с ним самую злую в его жизни шутку: однажды он подъехал к парламенту, вышел из машины и раздалась очередь из автомата. Костенецкий повернулся на каблуках, запрокинул к небу голову и замертво рухнул к ногам своего охранника. Контрольного выстрела в голову не потребовалось: он умер мгновенно, и лишь изумлённые глаза его продолжали смотреть в небо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Со Старого света перелетела в Новый, и тут была встреча с Борисом, и вскоре состоялась свадьба, и был медовый месяц, и было много хлопот по устройству прилетевших с Драганой Мелицы и её детей. Им отвели новенький домик, завезли в него мебель, и Мелица с нанятой домработницей стала обустраивать свой быт на новом месте.

Девочка Ивана всё время жила с Драганой, она совершенно поправилась, счастливый её голосок весёлым колокольчиком звенел по всем комнатам. Её любила новая мама и Борис, которого она называла папой Борей. И, кажется, он-то и любил её больше всех. Очень скоро он уже знал все подробности этой романтической и, как он считал, счастливой для начала их жизни с Драганой истории.

Но, как часто это происходит в жизни, именно в это счастливое время стали происходить события, таившие в себе много тревожных последствий.

Утром в воскресенье адмиралу позвонил старый товарищ и приемник на посту командующего эскадрой: «В полдень приду в твой квадрат. Буду рад встрече на борту крейсера». Адмирал Ян обрадовался: «Вот случай показать Драгане и её муженьку посудину, на которой я маячил под звёздами пятнадцать лет». Позвонил им: они обрадовались и стали собираться. Перед самой посадкой на катер к ним напросился Ной Исаакович, и они, задав двигателю хорошие обороты, понеслись в сторону острова Куба, где через два часа должны были встретиться с авианесущим крейсером. Конечно, они могли отправиться в указанный квадрат на вертолёте, но погода стояла тихая, было тепло, солнечно,— адмирал приказал снарядить катер, который, кстати сказать, имел реактивный двигатель и мог развивать скорость почти самолётную.

В условленный час и даже минуту они подошли к борту крейсера. Их встретили офицеры и повели к средней палубе, где возвышалось строение, в котором размещались пульты управления кораблём и эскадрой, узлы связи, служебные и жилые помещения, буфеты и столовые. Адмирала вели по палубе четыре офицера, видимо, знакомые ему;

оживлённо с ним беседовали, по пути показывали стоящие на палубе самолёты и вертолёты. Два офицера сопровождали Драгану, Бориса и Ноя.

В суматохе не заметили, куда увели адмирала и Драгану. Борису и Ною показали железную лестницу, ведущую вниз — в «брюхо» корабля.

Адмирала привели в каюту, и старший из офицеров сказал:

— Подождите, пожалуйста, здесь. Наш адмирал сейчас занят, он вас позовёт.

Примерно то же сказали Борису и Ною и закрыли за ними металлическую дверь.

Драгану привели в каюту командующего эскадрой. За столом сидел сухой, длинный и скуластый человек с узенькими раскосыми глазами. Он как-то хитро улыбался и не спешил проявлять эмоций по случаю явления в его каюте молодой женщины. Он сразу-то как бы и забыл предложить ей сесть, и это озадачило Драгану, но она поклонилась и сказала: «Здравствуйте!», на что адмирал едва заметно кивнул и нехотя поднялся из-за стола, но не подошёл к гостье и не предложил ей сесть, а стал как-то бессмысленно кружить по каюте, что ещё больше озадачило Драгану. Она растерялась, не знала, что же ей делать, что сказать. Наконец, тихо проговорила:

— Я Драгана Станишич, мы приехали вместе с моим дядей адмиралом Станишичем.

Адмирал повернулся на её голос и, покачиваясь точно пьяный, долго смотрел на Драгану, как бы не понимая, чего она от него хочет.

Драгана испугалась, повернулась к двери, толкнула её, но дверь была заперта. Снова повернулась к адмиралу, хотела громко и властно потребовать выпустить её, но тут же раздумала и решила подождать дальнейшего развития событий. А хозяин кабинета подошёл к маленькому письменному столу и медленно, точно больной или старый немощный человек, опустился в кресло. Минуту сидел, уронив над столом седую, коротко подстриженную голову, а потом поднял на Драгану полубезумные глаза, смотрел куда-то вверх головы. «Да он пьян!» — решила она. И это внезапное открытие повергло её в ужас. Она подумала о том, чем же будет обороняться, если эта пьяная громадина полезет к ней со своими ласками?.. Однако даже и не эта мысль была для неё самой страшной. Невообразимо страшнее было то, что она вдруг поняла: это ловушка! Их заманили на корабль с целью выкрасть Простакова.

Решительно подошла к двери, толкнула её, но она была закрыта на замок. Хозяин каюты, не приподнимая головы, вяло проговорил:

— Вы почему стоите? Садитесь, пожалуйста.

Обвёл рукой каюту:

— Тут места много. Садитесь.

И вновь уронил над столом голову.

Драгана опустилась на стул, стоявший возле двери. Спросила:

— Где мой дядя, адмирал Станишич?

— Дядя?.. Кто такой дядя? И почему дядя? Тут у нас боевой корабль и никаких дядей нет. Ах, адмирал Ян! Он ваш дядя. А что дядя? Он придёт. Скоро придёт. Если вы пришли, то и он придёт. Я так думаю.

Беспокойство нарастало. Драгана была близка к обмороку. Однако же себе говорила:

— Не надо так волноваться. Сохраняй спокойствие.

Больше всего её смущало присутствие офицера, или это и был адмирал, заместивший дядю на посту командующего эскадрой. Она вышла на середину каюты и властно проговорила:

— Откройте дверь! Я хочу выйти.

Офицер как-то неестественно пожал плечами и промычал что-то неопределённое. Драгана повторила требование.

— Откройте дверь!

Адмирал продолжал сидеть в полудрёме. Но вот он поднялся и нетвёрдым шагом двинулся к ней. Едва внятно залепетал:

— Где ваш физик Неустроев? Нам нужен Неустроев. И Простаков. А?.. Остальных может не быть. Остальные на катер и — домой. Простаков есть?.. Я должен звонить в штаб.

Драгана не отвечала. Она всё поняла. И хотела угостить офицера двойной дозой, но как раз в тот момент, когда она потянулась рукой к большой пряжке, висевшей у неё на поясе возле левого кармана куртки,— как раз в эту минуту щёлкнул замок двери и в каюту вошёл молодой офицер. Кивнув Драгане, он метнулся к адмиралу, подхватил его и поволок в угол каюты, где была дверь в другое помещение. И там уложил командира на диван. И тут же вернулся к Драгане и встал перед ней по стойке смирно. Лицо его озарилось счастливой улыбкой.

— Вот радость!.. Вы госпожа Драгана?.. Я видел вас на офицерском празднике, где вы были со своим отцом — губернатором штата. А я состоял офицером для поручений при адмирале Станишиче,— он, кажется, ваш дядя? Я не ошибся? Я верно говорю?

— Да, вы говорите верно, но скажите, пожалуйста: где задержались мои спутники?

Офицер пригласил Драгану сесть за столик возле иллюминатора, а сам расположился напротив и устремил на неё взгляд тёмно-серых глаз. В каюту изливались блики солнечных лучей, отражаемых океаном, и эти лучи мерцали в глазах офицера, и оттого улыбочатое юное лицо его казалось радостным и счастливым. Отвечал он не сразу и словно бы извиняясь:

— Я не вправе вас информировать, поймите меня и простите. Служба. Она, знаете ли...

— Да, да, я вас понимаю, но вы только мне скажите: моему дяде и его спутникам ничего не угрожает?

Офицер и на этот вопрос отвечать затруднялся. Впрочем, сказал:

— Нет, нет, конечно. Я сейчас вам всё объясню. Мне неловко за своего командира; он не в лучшей форме: прилетевшие с материка люди угостили его индонезийским ромом, и этот ром... Но, впрочем, это неважно. Я его порученец, то есть адъютант: я и не заметил, как мой шеф потерял ход и остойчивость. У нас тут каждый третий нюхает и колется, но адмирал, слава Богу, к заразе этой не пристрастился, а вот коньячок или ром в малом количестве иногда принимает. Ну, вот — и на этот раз, кажется, принял лишнего. Вы уж извините, так у нас вышло.

— А наркотики у вас принимают и офицеры?

— Офицеры редко, но рядовой состав... Американский флот давно поразила эта чума. Матрос, как если он чёрный или полукровка, так уж непременно курит или нюхает всякую гадость, а кто имеет деньги, принимает уколы. Когда эскадрой командовал ваш дядюшка, порядка было больше, и кололись немногие,— ну, процентов пятнадцать-двадцать, сейчас это число удвоилось. Флот больной. Он только с виду такой грозный, а внутри больной. Его поразила не только наркота, но... многое другое. Вам я сказать не смею, но есть и другие недуги. И СПИД тоже есть. Но самое главное: в экипажах нет мира, все разделены — по цвету кожи, по интересам: чуть что — и закипает ссора. Белые ненавидят чёрных, чёрные презирают белых. Я американец чешского происхождения, мои предки словаки, я словен. Я знаю: вы тоже словенка. Ваш дядя мне говорил. Он меня и назначил к себе порученцем. Он обещал взять меня на Русский остров, говорил, что вы там хозяйка. Вы возьмёте меня на свой остров?

— Разумеется. Я буду рада.

Драгана согласно кивала, но ей не терпелось знать, где дядя и её Борис. Сердцем она уже чувствовала недоброе, ей даже становилось страшно:

— Я умоляю вас, скажите: где они? Мне страшно!

Офицер помрачнел, глаза стали тёмными, он смотрел в иллюминатор и молчал. Но вот заговорил:

— Разрешите представиться: я лейтенант флота Карел Лошиц. Опасности для вас, вашего дяди и всех ваших людей нет. Да, вам ничего не угрожает, но русские учёные Борис Простаков и Павел Неустроев... Вы, наверное, знаете: они создали что-то очень важное и секретное. Проводится какая-то операция. Я стараюсь понять, но пока мне ничего не ясно. На корабле появились люди, их много, есть среди них военные, но есть и штатские. Это они подсунули адмиралу какой-то ядовитый ром.

Лейтенант посмотрел на дверь спальни:

— Я хотел позвать врача, но мне запретили.

Лейтенант наклонился к Драгане:

— Скажите, как получилось, что вы оказались у нас на корабле?

— Мой дядя адмирал Станишич,— заговорила Драгана,— пригласил нас посетить корабль, на котором он служил и на котором теперь служат его друзья. У меня такое впечатление, что мы ошиблись адресом.

— Нет, вы не ошиблись адресом. Адмирал Станишич был командующим нашей эскадрой, и мы все, бывшие его подчинённые, помним и любим своего командира.

Лейтенант поднялся и достал из шкафа бутылки, фужеры, вазу с конфетами.

— Что же я так? А?.. У меня в гостях дама, а я сижу как пень. Да вы проходите вот сюда, располагайтесь как дома. Я угощу вас вишнёвым соком.

— Не трудитесь, лейтенант! — строгим тоном заговорила Драгана.— Отведите меня к дядюшке Яну! Я вас очень прошу!

Лейтенант сник, посуровел, на его лице, ещё совсем юном, отразилась горестная, почти неизбежная забота. Кулаки сжались до белизны в пальцах. Глухо и почти трагическим тоном проговорил:

— У нас мало времени,— его и совсем нет,— а потому наберитесь мужества, я буду говорить горькую правду. Против вас вершится заговор. К нам на корабль прибыли люди в штатском. Это они попросили командующего пригласить вас на крейсер. Они же потом и напоили адмирала. Мне думается, всё это спланировано свыше, во всём видна рука сил могущественных, но мне неведомых. Они имеют подробную информацию о работах, ведущихся на вашем острове. Им нужны Простаков и Неустроев. Они же развели вас по разным каютам, и сейчас с вашим дядюшкой ведут переговоры, и с Простаковым тоже, а за Неустроевым послали вертолёт. И будто бы Неустроев прилетит. А я вам обещаю докладывать обо всём, что будет происходить на крейсере. Доверьтесь мне, я ваш верный слуга.

Драгана поднялась, прошла по каюте. В лейтенанте она не сомневалась, но в себе была не уверена. Раз и другой мысленно повторила: «Выдержу ли? Устою ли ещё и под этим ударом судьбы?..» И давала себе команду: «Держаться!.. Сохранять спокойствие и твёрдость. Только спокойствием и силой духа ты можешь помочь дядюшке Яну и Борису».

Подошла к лейтенанту, протянула ему руку:

— Я верю вам, лейтенант! Будьте уверены и во мне.

— Ладно. Слушайте мою команду: никуда не выходите из каюты. К вам никто не войдёт. А я пока отлучусь. Адмирала не бойтесь: он залёг надолго.

Лейтенант козырнул и вышел. Но его диагноз адмиралу оказался неверным; едва захлопнулась за лейтенантом дверь, как он, пошатываясь, вышел из спальни. Лицо бледное, мокрое от пота, глаза шутоломные. Раскинул руки, идёт к Драгане.

— У меня дама! Какая прелесть!..

Это был момент, когда пришло решение. Драгана вспомнила, что приборов у неё три: в мобильном телефоне, в ручных часах и в пряжке. Вот пряжку-то она и решила «поправить». Пустила в адмирала дозу. И адмирал вдруг повернулся к ней спиной. Сделал два-три шага к окну, затем вновь обернулся к Драгане: она сидела спокойно и даже будто бы дремала; по крайней мере, так показалось адмиралу. Он тряхнул головой.

— Фу, чертовщина!..

Медленно опустился в кресло, обхватил голову руками.

В то время, как происходили эти события, адмирал Станишич, Простаков и доктор Ной ходили по комнатам роскошного помещения, в котором их заперли, и ломали голову: что с ними происходит?.. О чём там командир крейсера беседует с Драганой?

Дядя Ян видел, как его племянницу повели в каюту командира.

Станишич сидел за журнальным столиком и молча упорно смотрел на носки своих туфель. Он понимал: затеяна серьёзная операция, но какая?.. Кто в ней участвует и почему в это дело втянулся его друг и приемник на посту командующего эскадрой? Простаков был уверен: его в очередной раз выкрали. Его сейчас интересовал один вопрос: будет ли он вместе с Драганой? Теплилась надежда: он нужен здоровым и в хорошем психическом состоянии. В любой ситуации Драгана останется с ним.

Один Ной, казалось, сохранял своё обычное состояние духа. Он болтал без умолку:

— Ещё вчера я думал: Ной знает всё! Ной может ответить на любой вопрос. Но сегодня я хотел бы знать, куда увели нашу Драгану? Если они ваши друзья,— обращался он к адмиралу,— они тогда бы разве смели так поступать с нашей милой крошкой? Ну, нет, я всё это так не оставлю. Этот здешний адмирал, который остался тут вместо вас, ответит за всё! Ной не так прост, как вам кажется. Ной сумеет постоять за себя. И за других, если эти другие мои друзья. Я психолог и даю вам совет: не волнуйтесь, берегите здоровье. Простаков им нужен, и этот ваш физик, который сделал какую-то иглу, он тоже нужен. Русские ребята нужны здоровые, бодрые, счастливые. А какое это счастье, если рядом с Простаковым нет Драганы? Слушайте меня! Я вам говорю: с Драганой ничего не случится, она сейчас явится и вы это увидите.

Едва переведя дух, снова начинал:

— Я знаю, откуда растут ноги, но пока ничего не скажу. Когда мы шли, я увидел своего человека. Вот что нас отличает от вас, так это вот это: мы сразу видим своего. Я иду сзади, смотрю на ухо и себе думаю: ага, этот — наш! Вы скажете почему, а это моё дело. Не всё вам надо знать, но я вижу: ухо торчит лопухом и — пришито, точно приклеено. Да?.. У вас висит мочка,— на неё женщины вешают серьги, у нас мочки нет. Так устроил Бог. Он мог что-нибудь устроить иначе, но устроил так: вам ухо повесил, нам приклеил. И я тихо-тихо ему говорю: кто затеял с нами этот фокус? Он слышит, что я свой, мне можно сказать, и даже нужно сказать, потому что евреи должны знать всё! И даже такое, что ещё не произошло. Если царь или король проснулся утром и говорит жене, какой он сегодня напишет указ, то через час мы уже знаем, какой это будет указ. Указа ещё нет, но мы знаем: указ будет. Вот и теперь. Не успели мы ещё сесть так, как мы сидим, я уже знал: нас как мышей заловили в ловушку. Но кто же он такой, кто нас сюда заманил? Оказалось, он не один — их трое. Да, за нас борются три силы: две военные и одна гражданская. Ну, гражданскую я узнал; это наш человек Абрам Хлюст. В Москве он был директором столовой на площади Ногина, но когда Горбачёв отдал нам Россию и там царём стал Ельцин,— для вас Ельцин, а для нас Ёльцер, белокрысый еврей из села, что недалеко от Кургана,— так этот Ёльцер дал Абраму деньги. Вы спросите: сколько денег? Я скажу: много. Так много, что вы понять не можете. Абраму дали сибирскую нефтяную трубу, и она качает ему в карман два миллиарда долларов в год. Сейчас у него больше, чем у Ходорковского — одиннадцать миллиардов. Если был бы один миллиард, то это тоже много. У него — одиннадцать. Вот этот Абрам Хлюст и есть третья сила. Она сказала: привезите Простакова и Неустроева, они мне нужны. Ну, а теперь шепну вам на ухо: если это уже наш человек, то русские ребята поедут к нему. Они бы поехали ко мне, если я бы имел двенадцать миллиардов, но у меня их нет. Пока нет. Потом, может быть, будут. Мы, евреи, большие мечтатели. И представьте: мечты наши иногда сбываются.

Адмирал словно проснулся, спросил:

— А зачем вашему Абраму «Игла» Неустроева? Кого он хочет ею уколоть? Она же протыкает ракеты!

— Да, ракеты? А я вам на это скажу: денег много не бывает, их всегда мало, их не хватает. Абрам имеет одиннадцать миллиардов, а другой Абрам, который купил Чукотку, Берингово море, английских футболистов и еще чего-то — этот Абрам имеет больше. И что вы думаете: наш с вами будущий хозяин Хлюст переживёт такое? Нет, он будет страдать, худеть, не спать по ночам, пока не купит остров Сахалин, а с ним заодно и японский остров Хокайдо. Потом он захочет купить остров Тайвань. А там дальше прикупит и весь Китай.

Доктор Ной, сказав это, обвёл присмиривших слушателей горящим взором грозного полководца и вдруг захохотал. И хохотал он долго,— и тоже, не как все люди, а как умеет только он один. Смеялся он над глупостью и наивностью своих слушателей. Смеялся и думал: как это они, все на вид такие умные и важные, и ещё умеют что-то изобретать, а не могут понять простых вещей: всё на свете делается за деньги, через деньги и только потому, чтобы иметь деньги. И земля крутится от того же, что за это кто-то платит. Они, эти глупые славяне, потому и попадают во всякие истории, что не понимают, что такое есть деньги. Славян на свете скоро не будет, они перемрут и сойдут со сцены, как сошли древние греки и ассирийцы, американские индейцы и маньчжуры. Китайцы тоже исчезнут. И индусы исчезнут, потому что они... индусы. А за ними, точно с обрыва, в пропасть полетят чванливые англосаксы. Французы?.. Они уже растаяли в негритянском коктейле, а теперь вот немцы растворяются в турецком винегрете, а в корейско-вьетнамском, китайском и кавказском болоте скоро утонут русские. Останутся одни евреи! И те немногие, которые будут их обслуживать. Как это они, эти глупые славяне, не понимают таких простых вещей?.. А ещё говорят: у нас есть Пушкин! И есть Чайковский. И Ломоносов. Ну, и что с того, что они есть! От этого вы стали умнее или богаче?

Это была мысль, завершившая приступ весёлости доктора Ноя. Он вновь сделался серьёзным, и адмирал его спросил:

— Ну, а другие две силы?..

Ной, не задумываясь, проговорил:

— Военные сцепились друг с другом, Пентагон и ЦРУ. Они всегда что-нибудь не могут поделить. Но Хлюст победит. Мы с вами и не заметим, как все окажемся у него в кармане. Хлюст и будет мировым правителем. У нас так: кто богаче, тот и умнее. Наш человек Маркс сказал: дух еврейства — это торгашество. Мы всё купим, а затем продадим. И продадим ещё раз. И так будем продавать до тех пор, пока гой не протянет ноги.

Лейтенант Лоциц, щёлкнув ключами, вошёл в каюту командира. Адмирал, получивший дозу, снова ушёл в боковую дверь. Драгана оставалась одна. Лоциц подошёл к ней и доложил:

— Все ваши в порядке. Сидят в офицерской столовой и мирно беседуют. Я сказал вашему дяде: вы здесь и скоро к ним придёте.

— Но почему скоро? Я хочу сейчас.

Лейтенант отвечал дружеским, извиняющимся тоном:

— Я обо всём доложил вашему дяде: и что командира опоили ромом, и что вы находитесь у него в каюте. Люди, с которыми вот-вот начнутся переговоры, просили адмирала не приглашать вас и доктора Ноя. Адмирал согласился и просил меня побыть с вами.

— А доктор Ной?.. Он где теперь?

— Доктора Ноя выпроводили в одну дверь, но он тотчас же вошёл в другую и снова сидит рядом с вашим дядей. Скоро к ним придут те... которые из Вашингтона, и они начнут переговоры. Сейчас все они в узле связи. Говорят по радио с каким-то руководством. У них что-то не ладится. Командир крейсера будто бы им сказал: «Вы

можете меня списать с корабля, но я не предаю своего друга». И сейчас я заварю адмиралу крепкого чаю, и он пойдет на переговоры. Командир нужен им.

Лейтенант извинился и пошел в комнату отдыха, а минут через двадцать оба они явились в каюту и командир хотя еще и не очень твердым шагом, но подошел к Драгане, почтительно склонил голову:

— Простите меня, пожалуйста! Я, кажется, вас напугал.

— Напротив. Я рада встрече. Теперь я вспомнила...

— Да, да. Я сопровождал адмирала Станишича, когда мы посетили вас дома. Вы тогда прилетели из Москвы на каникулы и много интересного нам рассказали.

Драгана улыбалась, в ее глазах засветилась надежда. Командир корабля не предаст дядю Яна. С ними ничего не случится, и они скоро вернутся домой. Хотела заговорить об этом, но адмирал ее упредил:

— Люди из Вашингтона хотят предложить вашим ребятам, русским ученым, работу в каких-то других лабораториях и без уведомления прибыли на корабль часом раньше вас. Я отказался участвовать в деловых переговорах с адмиралом и его друзьями, сказал, что вы мои гости. Но сейчас я, все-таки, буду говорить с ними. Надеюсь, мы все уладим. Вы не беспокойтесь.

Командир был доброжелателен, сдержан и спокоен. Признаков недавнего опьянения как будто бы уже и не было. Попросил Драгану побыть еще несколько минут в его каюте, поручил лейтенанту не отлучаться от нее и вышел на палубу.

Когда он вошел к друзьям с Русского острова, пентагоновцы еще находились в узле связи и продолжали свои трудные переговоры с «верхом». Командующий эскадрой подошел к Станишичу, по старой привычке вытянулся перед ним и тихо проговорил:

— Прошу прощения, мой адмирал. Случилась нештатная ситуация. Во многом я виноват, но подробности объясню потом. В одном заверяю вас: вы и ваши спутники под моей охраной, можете на меня положиться.

Станишич заключил адмирала в объятия и так же тихо проговорил:

— Спасибо тебе, мой друг. Кое в чем я уже осведомлен. Эти парни из Вашингтона — большие фантазеры. И если им засветил доллар или карьера, они идут на все. Тебе же, мой друг, большое спасибо: иначе ты и не мог поступить. Я слышал, они тебе угрожают. Ну если, все-таки, дойдет до списания с корабля, не думай, что это смертельно. Я жду тебя на острове. Мы снова будем вместе и еще послужим небесам и добрым людям.

Вошел дежурный офицер и доложил: люди из Вашингтона закончили переговоры с «верхом» и сейчас будут здесь.

Но пока «люди из Вашингтона» переходили с одной палубы корабля на другую, два молодых человека горячо обсуждали сложившуюся ситуацию. Драгана уже уговорила лейтенанта оставить флот и принять ее предложение служить у нее на острове в качестве чиновника для особых поручений. Лейтенант ликовал. Он не хотел оставаться на флоте, а те условия, которые предлагала Драгана, превосходили все его ожидания. И очень коротко он объяснил своей будущей госпоже суть происходящих на крейсере событий. В Пентагоне каким-то образом узнали о намечавшейся на крейсере встрече друзей. Парни в штатском тотчас сюда прилетели и объявили командующему эскадры план своих действий. Этот план... Лейтенант не договорил: командующий по телефону приказал срочно привести к ним гостью. И они пошли.

Лейтенант по знаку адмирала сел с ним рядом, а Драгана, слегка поклонившись собравшимся и увидев пустой стул между дядей и Борисом, опустилась на него. И незаметно коснулась руки Бориса. И кинула на него сияющий счастливый взгляд. Они вместе, им ничто не угрожает — она чувствовала это сердцем.

В мгновение оценила обстановку: напротив нее сидел полный мужчина лет пятидесяти. Вид у него был явно невоенный: покатые плечи, толстая шея и лысина, напоминавшая взлётно- посадочную полосу, обнаруживали штатского чиновника или

учёного, корпевшего где-нибудь в лаборатории. Несколько поодаль сидел его товарищ; этот был молод, нагло разглядывал Драгану и, казалось, ни о чём не думал.

Драгана знала: дядя Ян и Борис уже провели длительные беседы с таинственными людьми с материка. Они ни о чём не договорились, и, как успел ей доложить лейтенант, не очень-то их боялся адмирал Станишич. Оставалось загадкой: какие же всё-таки силы за ними стояли. В эти дни в Штатах начиналась предвыборная кампания; действующий президент в такие периоды терял своё обычное значение, он боялся неосторожных шагов, опасался претендента на его пост и всех сил, ему противостоящих. И, как следствие этого его положения, становились осторожными и всего опасались главные чины государства: главы ЦРУ, Пентагона, других важнейших ведомств. Опустившаяся на крейсер, точно стая ворон, группа чиновников имела много сведений о работах, ведущихся на Русском острове, но эти сведения были приблизительны и не надёжны. К тому же даже сами чиновники из прилетевшей группы могли лишь догадываться, кто из них чьи интересы представлял. Не знали этого и оба адмирала,— им хотя и доложили, что старший группы конструктор новейших ракет доктор технических наук профессор Либерман имеет поручения от военного ведомства, но и документы, предъявленные им, и сам он не проясняли до конца, какое ведомство он представлял и какие у него полномочия. Рассчитывал он на содействие командующего эскадрой и сговорчивость адмирала Станишича, но ожидаемой помощи не находил. Вот в такой обстановке происходила встреча на крейсере.

Из группы военного ведомства на заключительную беседу почему-то явились только двое.

Беседу начал доктор Либерман. Ни к кому не обращаясь в особенности, он сказал:

— У вас могло возникнуть превратное мнение по поводу нашего желания с вами встретиться на крейсере, но я хотел заранее рассеять всякие сомнения и подозрения. Мы люди штатские...— он взглянул на своего товарища,— и, как вы уже догадались, из мира науки и хотели бы знать только об одном: нет ли у вас каких затруднений и не нужна ли вам наша помощь?.. Да, да — помощь. Речь идёт только об этом.

Адмирал Станишич ответил сразу. И речь его была не столь церемонной:

— Вы хотите помогать в делах, смысл которых вам неизвестен. А если вы, все-таки, знаете, что там такое изобрели учёные на Русском острове, тогда скажите нам, зачем вам нужен наш товар?

— Господин адмирал! Ваша военная прямота в предыдущих беседах ставила нас в тупик, здесь же вы напускаете туман, в котором нельзя ничего разглядеть. Мы не понимаем.

— И мы не понимаем. Вы нам скажите: что вас интересует? В какое дело вы хотите вкладывать деньги?.. И чьи это будут деньги? В каком количестве?..

— Деньги? Почему деньги? Нам известно, что у вас на острове, который принадлежит мадам Драгане Станишич, дочери нашего губернатора, есть лаборатории — биологическая и физико-химическая. Я сам учёный и знаю, какие это большие хлопоты иметь такие лаборатории. А у нас в Джексонвилле функционирует известный на весь мир биологический центр, а в Атланте — физико-химический... Оба города находятся в штате, где губернатором Урош Станишич, ваш родной брат и отец госпожи Драганы. Из чувства патриотизма мы бы хотели объединить усилия учёных.

И повернулся к Драгане:

— Что вы скажете, госпожа Драгана? Я дело говорю или нет?

Драгана ответила:

— У меня есть печатные труды упомянутых вами центров, разумеется, те, которые не представляют секретов,— я изучу эти труды и тогда вам скажу. У меня такое впечатление, что вы полагаете, что наши лаборатории состоят из нескольких человек. Но у нас сотни сотрудников в одной лаборатории и сотни в другой. Для русских и сербских учёных мы построили коттеджи, целые посёлки. Мы заключили с ними контракты на

длительное время, выдали вперёд крупные суммы денег, они получают высокую зарплату. Наконец, лаборатории оснащены первоклассным оборудованием, мы закупили ценнейшие материалы, у нас склады сверхдорогих реактивов. Как вы себе представляете перевод всего этого в другие города? А теперь и самое главное: учёные из России и Югославии приехали на остров, принадлежащий другому государству, их привлекла красота природы, мягкость климата и близость океана. Как же вы с этим-то со всем разберётесь?..

Дядя Ян довольно улыбался: умные, неотразимые доводы, приводимые племянницей, ему нравились. И он ещё их уточнил:

— У нас тоже есть работы открытые, а есть и не очень открытые. И опять же нужно знать, что вас интересует? Не станете же вы покупать kota в мешке?

И тогда лысый стал развешивать угрожающие намёки:

— Зачем ждать, пока делами вашими займутся компетентные органы или Пентагон. Не лучше ли нам миром и заранее порешить все возможные недоразумения. А если говорить проще: мы предлагаем русским ребятам перейти в наши научные центры. И тогда у них не будет хлопот ни с какими органами.

На это адмирал ответил:

— А вот теперь туман рассеялся, и я увидел физиономии парней, которым до всего есть дело и которые при случае не прочь залезть во все карманы сразу. Я мог бы попросить своих ребят,— адмирал показал на Простакова и Драгану,— растолковать подробности наших дел, но просить я их буду лишь в том случае, если нас попросит об этом президент Америки. Ваших же полномочий недостаточно, и потому дальнейший разговор считаю излишним.

Как раз в этот момент в кают-компанию вошли два матроса с подносами еды и питья. Командующий эскадрой — комэск Чери сказал:

— Наш кок приготовил котлеты, любимые прежним командующим, и мы сейчас оценим его искусство.

Расчёт адмирала был точным, человек «из учёного мира» покорно склонился над поставленной перед ним тарелкой с любимой прежним командующим котлетой. Упоминание адмиралом имени президента страны охладило его пыл, и он теперь думал о том, как будет докладывать начальству, поручившему ему деликатную и не продуманную до конца миссию.

На юг американского континента, на Багамы и в район Карибского бассейна наплыл, накатился, наехал июнь месяц, засверкал яркими лучами солнца, разлил по миру тепло и негу: красный месяц, улыбка года. Июнь он и есть июнь, кстати, и тут он самый красный и желанный, и у нас в центральной России такой же. И люди тянутся к водоёмам — озёрам, рекам, морям и океанам, весёлым гомоном заполняют берега и пляжи, нежатся и загорают, плещутся и ныряют — одним словом, отдыхают.

В день воскресный Драгана поднялась рано и тихо, боясь разбудить Бориса, прошла в ванную комнату. Тут уж хлопотала Жанетта. Она вышла замуж за русского физика, ближайшего помощника Павла Неустроева, и была счастлива. Её муж имел на острове небольшой домик, и Жанетта теперь неотлучно находилась при госпоже — и там, в городе, и здесь, на острове. Краем уха она слышала про историю, происшедшую на крейсере, сильно испугалась за госпожу, и хотя с тех пор прошло много времени, она не могла успокоиться и внимательно наблюдала за каждым незнакомым человеком, который появлялся в её поле зрения. Сейчас она смотрела в окно, из которого открывался вид на пляж, и пыталась уяснить, что тут делает маленький, похожий на подростка человек с чёрными стрелками усов и шапкой кудрявых смоляных волос. Он уже несколько раз подстерегал её на пути от дома до лаборатории и пытался заговорить. Жанетта боялась его, ускоряла шаг, чтобы быстрее от него отвязаться. Сейчас она показала Драгане на этого человека и спросила:

— Вы его знаете... вон того, чёрненького? Он часто появляется под нашими окнами и смотрит так, будто кого-то ждёт.

— Да, я его знаю.

— А зачем он тут? Что забыл возле нашего дома?

— Ах, Жанетта! Ты стала подозрительной. Как только вышла замуж, так и боишься, как бы не украли твоего красавца Федю. А этот чёрненький... он бедный еврей, приехал в гости к Ивану Ивановичу и никому не угрожает. Мне кто-то говорил, что он имеет задание от богатого человека купить у нас установку Простакова, готов дать за неё большие деньги. Вот и живёт на острове, изучает, что да как.

Жанетта продолжала:

— А он мне ещё говорил: установка большая, а нет ли поменьше, чтобы подешевле. И насчёт лазерной иглы спрашивал, даже обещал деньги. Боюсь я его.

— А ты помни заповедь библейскую: ничего не бойся. А если ты боишься — значит, не живёшь, из тебя дух вышел.

— Дух из меня не вышел, а кудрявый этот мне не нравится. Не люблю я чёрных; слышала, как отец твой говорил: война двух миров надвигается: чёрного и белого. Видно, разноцветный люд надоел Богу, он теперь попускает войны, чтобы люда всякого поменьше на земле осталось. Мой Федя песню такую поёт:

На этнической войне бомбы не бросают,
На этнической войне пули не свистят,
На этнической войне тихо убивают...

— Надо же — и песню запомнила. Память у тебя хорошая. Наливай мне ванну, в горячей воде полежать хочу.

Драгана любила понежиться в ванне. Она знала: Борис будет спать долго. А когда проснётся, пойдёт на море. Он обыкновенно по утрам морскую ванну принимает. И что не нравилось ей: заплывает далеко. Говорила ему: акулы на глубине ходят, ты бы не плавал туда. Борис на это отвечает: акулы к нам приходят редко, а если и придёт шальная, так и она человека боится.

На этот раз Борис поднялся рано и, увидев, что его Дана принимает ванну, надел пляжный халат, бросил через плечо полотенце и пошёл к морю. Тут он увидел двух приятелей: Ивана Ивановича и его гостя с материка. Они громко и, как показалось Простакову, радостно приветствовали его, но против обыкновения не пошли ему навстречу, а отошли в сторону, и Борис видел, как кудрявый приставил к уху мобильник и с кем-то говорил.

Борис окунулся с головой и размашисто поплыл на глубину. Плыл он долго, и заплыл далеко, и не заметил, как почти бесшумно приблизился к нему катер. Ни сам катер, ни люди, сидевшие на нём, не были ему знакомы. Двое дюжих парней подали руки, и один сказал:

— Сюда идёт стая акул, быстрее на катер.

Борис повиновался и здесь увидел, что весь экипаж катера, — а он состоял из шести молодых парней, — загадочно смотрит на него и чему-то улыбается. Один из парней, — постарше товарищей и, по всему видно, у них начальник, — на чистом русском языке, и, как показалось Борису, с дружеским участием сказал:

— Прошу прощения, мы не хотели нарушать ваш отдых, но вынуждены предложить вам услуги нашего катера. Будем знакомы: я — Кирилл Блинчик, следовательно по особо важным делам. Мне поручено провести с вами работу.

— Работу? Что это значит «провести работу?»

— Ну, а на этот вопрос простого ответа нет. Для начала вам надо одеться. Пройдёмте со мной в гостевой салон, и там я вас экипирую.

Катер набирал скорость, и Простаков чувствовал, как его пронимает прохладный утренний ветер. Но с места не двинулся.

— Нельзя ли поконкретнее: кто вы такие и что вам от меня нужно?

— О себе я уже сказал, а мои товарищи — физики из секретной лаборатории. Им нужна ваша консультация.

— Но вам не кажется, что приём, которым вы меня заманили на катер, не отличается ни тактом, ни деликатностью.

— Может быть, это и так, но наш военный гений не придумал ничего другого.

— Однако же бедная у вас фантазия. Представляю, каких высот вы достигли в своей лаборатории. И вряд ли я чем-нибудь смогу вас обогатить. Ваши товарищи физики, а я биолог. Однако подробности всех наших отношений будем обсуждать потом, а сейчас я хотел бы позвонить жене. Иначе с ней будет плохо, и я уже не смогу вам дать никаких консультаций. Следователь достал из ящика аппарат и сказал:

— Вначале запишем, что вы ей должны сказать, а потом передадим на берег. Говорите только то, что я вам напишу.

— Я хотел бы сказать свои слова, а не ваши.

— Наши с вами отношения дискуссий не предполагают. Вот текст, который я напишу на бумаге, а вы его наговорите на кассету, а уж кассету мы передадим на берег.

Простаков понял, что возражать бесполезно, он снова, как и тогда, на Дону, попал в капкан и вынужден будет принять предложенные ему правила новой игры. Постарался унять закипавшее в груди волнение и проговорил спокойным беспечным голосом: «Милая, родная. Меня подобрали на катере наши друзья, и мы поехали кататься окрест острова. Искать меня не надо, я не в опасности. Не беспокойся, пожалуйста. Через час-два я тебе позвоню». С Драганой связались по телефону, и она услышала голос Бориса. Следователь принёс из каюты спортивную одежду и предложил пленнику.

Катер, взяв курс на материк, набрал максимальную скорость; Борис понял, что ловушка захлопнулась, и теперь ему оставалось тщательно и до мельчайших деталей спланировать свои действия в новом плену. Одно для него было ясно уже теперь: операция по его похищению проводилась на новом, куда более совершенном уровне. От него теперь потребуется глубоко продуманная изощрённая тактика поведения. И он уже сейчас приступил к её осуществлению. Спросил у Блинчика:

— Кто будет мой хозяин?

— Лаборатория, но она глубоко засекречена, и назвать её я не могу.

— Мне нужно знать хозяина, на которого я должен работать. В противном случае я и слова дельного вам не скажу.

— Этот разговор мы продолжим на материке. И там вы увидите своего шефа. К сожалению, он нездоров и с вами будут общаться его представители. Привыкайте к моему обществу. Чаще всего вам придётся иметь дело со мной. А я человек легкий, весёлый, и мы скоро найдем с вами общий язык. А кроме того, там, на материке, вас встретит ваш доктор Ной Исаакович.

— Ной Исаакович?

— Да, Ной Исаакович. Мы знаем, что вы с ним большие друзья, он для вас вроде отца родного, и потому заблаговременно доставили его туда на материк. Но теперь я покажу вам каюту, и вы можете в ней отдохнуть.

Блинчик провёл Бориса в каюту под носовой палубой и, дружески кивнув и будто бы даже улыбнувшись, вышел.

Кабюта была просторной; справа от двери — узенький диван и над ним круглое оконце — иллюминатор, слева — принайтованный столик на тонких металлических ножках, и над столом тоже иллюминатор. Борис прошёл к дивану и лёг. Смотрел в потолок, ничего не видел на нём, да на нём ничего и не было, смотрел то в одно оконце, то в другое — тоже ничего не видел, хотя на спокойном лоне океана то там, то здесь

возникали белые барашки и на их гребешках вспыхивали лучи солнца, били в глаза, метались светлыми пятнами на стенах и на потолке.

Борис лежал почти в бессознательном состоянии, близком к полной потере чувств. Вяло текли мысли, и ни к чему они не приводили. В отличие от первого пленения, он на этот раз хорошо понимал, что с ним произошло, но совсем не представлял, чем это кончится и как он выберется из ловушки. Камнем лежала под сердцем мысль о Драгане. С потерей её он терял и весь мир. Одна только мысль чётко и зримо рисовалась в сознании: как он будет жить без неё? И сможет ли жить без неё? Сможет ли дышать, ходить, осязать окружающий мир?

И, как это часто бывает с человеком в минуты крайнего нервного напряжения, он уснул, и спал долго, и проснулся от прикосновения чьей-то руки. Открыл глаза. Над ним склонился его врач — неизменный и вездесущий Ной Исаакович. Доктор был встревожен:

— Вы что-нибудь ели? Вы что-нибудь пили?

— Нет, я пил и ел только вчера.

— Они, эти ребята...

— Нет, у них я ничего не ел и не пил.

— Ну, хорошо, хорошо. Тогда хорошо. А я вижу вы спите, и долго, и хорошо спите,— так уже думал, что вам дали таблетки. Или капли. Да, могли дать. Я их не знаю, вы тоже. А вы знаете, почему я здесь?.. Я тоже купался. И тоже подошёл катер, и меня подняли на борт,— так, будто я щенок и меня нужно вынуть из воды. И — повезли. Кто повёз, куда повёз и зачем повёз?.. Я это узнал только сейчас, когда меня привели в каюту, где и я тоже лежал, и я увидел вас. Я сразу всё понял, и мне не надо уже ничего объяснять. Я им нужен только потому, что им нужны вы. Они видели, как вы лечите людей на острове, и теперь захотели тоже лечить. Иван Иванович мне говорил: эти русские были дураками и всегда ими останутся. Они берут за лечение десять тысяч долларов. К ним привезли бесноватого, они пульнут в него какими-то лучами, и он замолкает. И становится нормальным человеком. И за это дай им десять тысяч. Да если бы я в одну минуту заставил бесноватого замолчать, я бы взял с него сто тысяч. У тебя нет сто тысяч? Ну, тогда кричи. И я уверен: его отец или мать эти ста тысяч найдут. Вот так говорил Иван Иванович. Он говорил мне. Но если вы заметили, Иван Иванович уезжал с острова и где-то пропадал по три-четыре дня. Где пропадал? Я теперь знаю: здесь пропадал, у своего хозяина.

Ной оглянулся на дверь и склонился над ухом Бориса:

— Здесь пропадал! Нас сейчас поведут, и вы увидите, какой здесь дворец. Тут живёт хозяин Ивана Ивановича. Это по его приказу мы приволокли вас с Дона, но адмирал Станишич, когда мы попали к нему на крейсер и когда он узнал, что вы за птица, связался со своим отцом, а затем и братцем-губернатором, и те сделали так, что вы очутились на Русском острове. За вас борются два миллиардера: Драган Станишич и вот этот... Он живёт здесь, и вы скоро его узнаете. Он какой-то олигарх — вроде бы из русских.

В этот момент дверь каюты открылась и Бориса, и Ноя позвали. Ступив на палубу, Простаков увидел дощатый причал и скалистый мыс, на вершине которого возвышался замок с двумя башнями по краям. Три парня приказали Борису и его врачу следовать по тропинке, вьющейся между скал к воротам. А вскоре они вошли в одну из башен и по винтовой лестнице поднялись на третий этаж. Парни открыли дверь большой комнаты, заставленной старинной чёрной мебелью, и сказали:

— Вот здесь вы оба будете жить.

И ушли. А Ной ходил по комнате. У каждого окна останавливался и подолгу куда-то смотрел. Потом вдруг повернулся к Борису и взволнованно заговорил:

— Нас продал Иван Иванович. И получил миллион. Может быть, два. А может, двадцать. Дал бы хоть половину нам. Но он не даст. И ничего не скажет. Наоборот, всем

будет говорить, что мы сбежали сами. Им дали деньги, и они сбежали. Я это знаю. Мне можете верить.

И то ли сон освежил Бориса, то ли с доктором Ноем пришла к нему бодрость духа, но Простаков почувствовал прилив сил, к нему вернулось желание жить, он даже подумал: соберись с духом, наберись терпения — выход найдёшь, он придёт по промыслу Божию, и придёт в минуту, когда его не ждёшь. Нужно терпение, нужно спокойствие, нужна вера.

Заглянул в глаза Ноя. Они сузились, и в них отражались страх и тревога.

— Вы боитесь?

— Да, мне страшно. Если уж тут Иван Иванович — то мне страшно.

— Но вам-то чего бояться? Вы же с ним, как я понимаю, друзья. Вы вместе с ним и с Дона меня волокли.

Ной Исаакович продолжал смотреть на Простакова пристально, и глаза его то темнели, то в них неожиданно вспыхивал огонёк надежды. Но какой надежды? Что замысливал сам доктор? — этого в его глазах никто бы не прочитал.

— Друзья?.. Вы говорите, друзья с Иваном Ивановичем? А я вам скажу: у еврея друзей нет, у него есть одни враги. И даже брат, сват, тесть, племянник, — даже жена, если она еврейка, может от вас сбежать к другому, может вас продать, заложить, обокрасть. Еврей не живёт, он ждёт подвоха, предательства, удара в спину. Он сидит в окопе. Для него жизнь — война. Вы, русские, тоже на войне, но вы её не видите; вы толстокожие, вы верите тому, кому нельзя верить, вы хорошо спите, много работаете и мало думаете. Мы с вами разные. Вы спокойные, мы беспокойные. Вы довольны тем, что у вас есть, мы недовольны. И потому люди в Израиле живут мало. Еды у них много, а живут они мало. И там много больных. Еврей всё время слушает, где чего у него болит. А если ничего не болит, то ему кажется, что болит. В смысле ума и чувства вы толстые, мы тонкие. Потому у нас много музыкантов. Немецкий композитор Вагнер писал, что музыка нам не даётся, потому что у нас нет национальности. Но он неправ. Евреи его обидели, и он так писал. У нас нет национальности, но у нас есть целый мир. Мы понимаем всё и всех, мы умные, и даже очень умные. У нас есть Эйнштейн и Малевич. Эйнштейн изобрёл науку, которую никто не понимает. Сам он тоже. Малевич нарисовал квадрат. Над ним смеются и не понимают, что он — гений. Квадрат — это всё! Это весь мир и все галактики. Если в квадрате круг, а в круге квадрат, то будет квадратура круга. Но этого никто не понимает. Никто, кроме Малевича. И потому смеются. Сейчас в Москве есть Церетели. Он тоже наш. Там есть мэр Лужков — он тоже наш. Его фамилия Кац. И Ельцин наш. Его фамилия Ёльцер. Да, он тоже наш. Он дал ход Лужкову, а Лужков — Церетели. И скоро в Москве будет один скульптор: Церетели. И все дома, и памятники будут его, Церетели. А потом и Москву назовут именем мэра, который, как Ленин, носит кепочку. Церетели тоже чего-то там носит. И Москву назовут именем мэра — Кац. Да, город Кац. Вы смеётесь. Я вижу, как вы смеётесь. Но была у России столица Петроград, и был еврей в кепке Бланк. И очень скоро Петроград стал Бланком, то есть городом Ленина. Бланк-то он и есть Ленин. Так будет и с Москвой. С Парижем, Лондоном и Берлином тоже будет так. Но я заболтался, это от того, что ещё не знаю: кто и для чего сунул нас в этот каменный мешок. Вот сейчас пойду, похожу по комнатам, этажам и — узнаю. Потом вам скажу.

И Ной направился к двери. А Простаков вдогонку ему сказал:

— Вы, конечно, узнаете. Вам нетрудно будет узнать о планах Ивана Ивановича. Вы всегда были вместе. И там, на Дону, тоже...

Ной у порога задержался, постоял с минуту. Потом подошёл к Борису и медленно заговорил:

— Не надо меня подозревать. На этот раз я с вами. Вы будете меня слушать, а я буду думать. Мне будет трудно, но пусть они знают: я уже Ной, а не кто-нибудь другой. Но для начала вам скажу: если уж тут землю роет своим длинным носом Иван Иванович, то это никому и ничего не понятно. Я иногда смотрю на него, а его нет. Только что был и

— нет. Потом опять есть. Стоит и куда-то смотрит. И другие странности с ним происходят. Вы думаете, он человек, а он — дух. Я его всегда боялся. И теперь боюсь. Но он меня ещё узнает. Он приказал меня украсть, как он второй раз крадёт вас, но про то забыл, что я Ной и могу натянуть ему нос. Вот вы увидите: я сделаю это скоро.

Потом доктор неожиданно заговорил о деньгах:

— Вам давал Иван Иванович деньги?

— Нет, не давал. Мне деньги давала Драгана, давал адмирал, а он — нет.

— Ну, вот, мне он тоже не давал. Ничего не давал. Ему для нас присылали, а он закладывал их себе в карман. Вот он такой: всегда и всё кладёт себе в карман. Себе кладёт, а нам не даёт. А почему не даёт? Этого никто не знает. Иван Иванович играет в одни ворота: это ему, а это... тоже ему. И это ему. И никогда — тебе. Игра в одни ворота. Разве бывает, чтобы в футбол играли в одни ворота? Нет, не бывает. Но если уж с вами играет Иван Иванович, то ворота будут одни — его карман. Всегда одни. Других ворот он не знает. Но я ему покажу другие ворота. А теперь я пойду. И вы меня скоро не ждите.

И едва за ним закрылась дверь, как в комнату вошёл Кирилл Блинчик. Он улыбался,— на этот раз откровенно и загадочно. Дружески поздоровался с Борисом, сел на стул с высокой резной спинкой, стоявший у длинного чёрного стола. И вслед за ним вошла девушка в белом фартуке и с подносом. Поднос был большой, и будто бы золотой. На нём расставлены бутылки, рюмки, фужеры, еда. Разложила всё на столе и удалилась. Кирилл показал на стул:

— Садитесь ужинать. Обед вы проспали, теперь вам причитается двойная порция.

— Я не буду ужинать,— сказал Борис.

Кирилл широко раскрыл глаза; они были тёмно-синими, в них светилась сердечность и почти детская доверчивость. И всё лицо его хранило черты чего-то милого и далекого. Со лба почти на глаза падала волна светло-золотистых льняных волос. Борис подумал: «Вот он более, чем я, похож на Есенина. Кто же он такой? Какова его роль и чего он от меня потребует?..»

— У вас нет аппетита?

— Да, нет у меня желания ни пить, ни есть. Я бы хотел поскорее знать, по чьей воле я сюда попал и что от меня ждёт новый хозяин.

— У вас и там, на Русском острове, был хозяин?

— Да, конечно. Я в эти края прибыл не по своей воле. Но на острове мне было хорошо, там я завёл семью, у меня хорошая работа, но кто посмел притащить меня ещё и сюда? И, главное, зачем и для какой цели?

Кирилл прикрепил салфетку к воротнику и стал есть. Отвечать Борису он не торопился. Налил себе красного вина, отпил несколько глотков. Мирно и благодушным тоном проговорил:

— Вы напрасно с первых шагов взяли со мной недружелюбный тон. Мы вас не похищали, а лишь освобождали из плена. Мне поручено доставить вас к людям, которые будут решать вашу судьбу.

— А вас не смущает то обстоятельство, что вы соучаствуете в преступлении, то есть взяли меня силой и держите вот здесь в заложниках?

— Вы плохо меня слушаете, я же вам сказал: мы освободили вас из плена. И если бы кто-нибудь вздумал проводить по вашему заявлению следствие, то мы так же бы и сказали представителю правосудия: вас освободили из плена. И тогда бы от вашего заявления кроме конфуза ничего не осталось.

— В таком случае, скажите мне, кто же мой освободитель?

— А вот этот разговор уже другой. Присаживайтесь к столу, и я за трапезой всё вам объясню.

Борис сел и подвинул к себе тарелку с котлетой. А Кирилл продолжал:

— Вы мне для начала скажите: верно ли, что на Русском острове установлены два аппарата изобретенного вами «Импульсатора» и через каждую установку вы пропускаете в день по сто человек.

— Да, это так. Но я занимаюсь научной работой и лечение больных не моё дело.

— Тогда я задам вам деликатный вопрос: а сколько долларов в день вы лично получаете от своих установок?

— Я лично не получаю ничего. Как я вам уже сказал, я занимаюсь научной работой и пока ещё не получил ни одной зарплаты.

— Но тогда извините: на что же вы живёте?

— Раньше меня кормили, обували и одевали, но недавно я женился, и у жены моей есть деньги.

— Спасибо. Вы мне сказали примерно то же, что и пишут о вас в наших газетах. Я имел удовольствие познакомиться с хозяйкой Русского острова Драганой Станишич, она умна, красива, её отец — губернатор штата, а дед — известный в нашей стране нефтяной магнат. И если выйдет случай, я надеюсь, вы меня представите своим именитым родственникам.

Откровения Блинчика вносили заметное успокоение в душу Бориса, у него появлялась надежда на скорый и благополучный исход дела.

Борис продолжал:

— Ну, вот, теперь вы видите, что мой плен не был мне в особую тягость, так зачем же вам было меня освобождать?

На это Кирилл ничего не сказал. Но потом он вдруг одушевился и заговорил, как показалось Борису, с большой дозой доверия к собеседнику:

— К операции с вашим освобождением я не имею никакого отношения и скажу вам честно: не знаю, кем она задумана и ради какой цели проводилась. Могу только предложить вам своё дружеское участие в вашей судьбе и, если вы мне доверитесь, буду вам помогать.

Борис посмотрел ему в глаза; в них по-прежнему светились дружелюбие и участие. Простаков знал, что находится во дворце русского олигарха Ефима Блинчика, перед ним сидит тоже Блинчик, но Кирилл, похоже, какой-то родственник того Блинчика, олигарха. Без дальних церемоний спросил:

— А вы, извините... в каком родстве состоите с олигархом?

— Я его брат. Не родной, а сводный; у нас одна мать, но отцы разные. А если уж совсем откровенно: к миллиардам, которые у брата, я никакого отношения не имею. Получаю от него стипендию. Богатые люди, как известно, умеют беречь деньги. А кроме того, и братец мой, и отчим Борис Моисеевич меня недолюбливают и держат в чёрном теле. Вот пока и вся моя биография. А теперь, если вы хотите поговорить с женой, то, пожалуйста, составьте текст и мы передадим его по радио. Только одно условие: не говорите, где вы, и не пугайте госпожу Драгану. Скажу как на духу: вам никто и ничто не угрожает.

Борис составил довольно подробное и очень ласковое письмо, и Кирилл обещал через несколько минут передать его на Русский остров. На прощание сказал:

— Сегодня мы уж с вами не встретимся, но к вам придёт ваш доктор и сообщит некоторые подробности вашего пребывания у нас в замке. Кстати, доктор в ваших делах осведомлён больше, чем я. Администрация у моего братца состоит сплошь из евреев, и доктор Ной среди них более чем свой человек.

Доктор не пришёл, а вбежал в комнату, забыв закрыть за собой дверь. И ничего не сказал, он даже не взглянул на Бориса; обхватив голову руками, бегал вокруг стола и стонал, как от зубной боли, что-то говорил себе под нос и лишь останавливался, устремляя на Простакова безумный взгляд и затем снова бегал по комнате.

— Да что с вами? Скажите же вы мне, наконец!.. — прикрикнул на него Борис.

Доктор остановился. Схватился рукой за подоконник и, трясясь всем телом, безумно вращая белками глаз, повторял одну фразу:

— Надо что-то придумать. Надо что-то придумать.

Было похоже на то, что доктора чем-то тяжёлым хватили по голове и он лишился разума. Простаков сел в кресло, стоявшее у окна, и внимательно смотрел на Ноя, пытался понять, что же с ним произошло? Но, может, не с ним одним, а с нами?.. И, скорее всего, что с нами. Внутренний голос ему говорил: случилось непоправимое. И даже доктор Ной с его вечной непотопляемостью и безнаказанностью,— и он, умеющий выскальзывать целым из любых тисков, на этот раз попал в историю, из которой не видел выхода. И, конечно же, он не один сыпался в пропасть; один-то он кому нужен, похоже, в капкан они попали вместе.

Простаков подошёл к доктору и сильно тряхнул его за плечи:

— Говорите же! Что произошло?

Ной пытался что-то сказать, но не мог; он хрипел, и хрипел так, будто его душили:

— Беда!.. Они решили кончать.

— Что кончать?.. С кем кончать, кого кончать?..

Доктор ткнул пальцем в грудь Бориса, затем показал на себя:

— С нами. Вечером, ночью.

Ноги его подкосились, и он упал на колени. Тяжёлая, кудлатая голова доктора тряслась. Он плакал.

Простаков всё понял. Медленно подошёл к креслу, опустился в него. В голове его лихорадочно металась мысль, он не знал, как они будут с ними кончать и кому и зачем это нужно, в голове прокручивались варианты спасения.

Он смотрел на доктора, совсем потерявшегося и лежавшего на ковре, и думал: а что, если и я вот так же сломаюсь и потеряю силы?.. Но нет, меня так скоро не возьмёшь!

Ощупал амулет с «Импульсатором». Хорошо, что не снимал его и во время купаний. Носил на шее вместо креста. «Оружие массового поражения». Шутка ли! Тысячу человек можно вывести из строя. Целый полк!..

Схватил за лацканы пиджака доктора, приподнял, поставил на ноги, а затем посадил на стул.

— Говорите толком: что произошло? Кто будет кончать, где, как?.. Что они задумали?

— Блинчик. Ефим Блинчик, русский олигарх. Но только никакой он не Блинчик, а чёрт знает что оно такое, его отец — школьный товарищ Ёльцера. И жили они в посёлке Будка на Курганщине. Вот он и посадил сына своего друга на сибирскую нефть. Труба нацедила ему миллиарды. Вы, русские, не знаете, что такое есть миллиард, а мы знаем. Вот только деньги напугали Ефимчика. У него головушка поехала. Он теперь боится всего. Сидит в своём кабинете у окошка и смотрит на белый свет, а на улицу выходить боится. Ему мерещатся террористы. Будто за каждым деревом сидит снайпер и ловит его на мушку. Я врач и знаю: если боится, то это надолго. Лучше бы он кричал, царапался, бился головой об стену. Тогда легче. Таких у нас лечат, а если вот так... сидит в углу у окошка и ничего не говорит. Такого вытащить трудно.

Ной разговорился, немного пришёл в себя. Однако лицо его оставалось бледным, губы посинели, дрожали. Щупал себе пульс и говорил:

— Только бы не хватил инсульт. Если инсульт, тогда всё, крышка. Засунут в мешок и кинут в море.

— Но вы скажите: что они задумали, почему решили кончать? Если бы им надо было меня убить, они бы сделали это там, на острове, когда я купался. Зачем же им тащить меня сюда?

— Это всё просто, очень просто, как еловая палка.

— Но почему еловая?.. В своём ли вы уме? Причём тут еловая, а может, сосновая?

— Нет, еловая. Она была ёлкой, а когда остругали, стала палкой. Вы мне не мешайте говорить. Вы пропали, и губернатор, отец Драганы, сделал большой шум. Он позвонил президенту, а тот приказал найти нас и наказать похитителей. Ну, вот... Ефим испугался и сделал знак: концы в воду. Мне сказал верный человек: концы в воду.

— Ладно. Мы ещё посмотрим, мы ещё повоюем.

И Борис снова ощупал пальцами свой «миномёт».

Вошёл Кирилл Блинчик. Невесёлый, чем-то озабоченный. Растворил дверь в соседнюю комнату, пригласил Бориса. И тут они удобно расположились в креслах у журнального столика. Кирилл посмотрел на часы и сказал:

— У нас с вами два часа, буду краток и откровенен. Мой отец разбит инсультом, не встанет с постели, братец тоже нездоров. Я с ним не общаюсь и потому не знаю, что у него за болезнь. Говорят, что-то с головой, а если это так, то и нельзя понять, какие мысли посещают его больную головку. Вот сейчас он будто бы замыслил что-то неладное. Как и следовало ожидать, ваш тесть, губернатор штата, прознал о вашем похищении и звонил президенту. Сделался большой шум, вас ищут, а братец, как и следовало ожидать, испугался и принимает меры. Хочу предложить вам помощь. Положитесь на меня, и я устрою вам побег. Что вы на это скажете? Решайтесь быстрее.

— Разумеется, я приму ваше предложение, у меня нет другого выхода, но скажите: какой резон вам помогать мне? Вы же с олигархом братья, и, как я понимаю, интересы у вас общие.

— Да, мы братья, нас родила одна женщина, кстати русская, но отцы, как я вам говорил, у нас разные. Мой отец русский, и как русский человек я хотел бы вам помочь.

— Я верю вам и готов на вас положиться.

— Не будем терять времени, пойдёмте.

Они вернулись в комнату с чёрной мебелью. Доктор Ной по-прежнему пребывал в состоянии крайней растерянности, он, казалось, потерял последние силы и ни от кого не ждал спасения. Кирилл взял его за локоть, сказал:

— Пошли!

И они направились к двери, но как раз в этот момент она отворилась и в комнату ввалились три негра. Один из них выступил вперёд, преградил дорогу. Он был здоров и могуч, как боксёр тяжёлого веса. Кириллу сказал:

— Русский человек пойдёт с нами. Вы останетесь здесь.

— Вы верно забыли, кто я такой! Я Кирилл Блинчик!

— Да, вы Кирилл Блинчик, и я это хорошо знаю. Но у нас есть приказ главного администратора. Русский пойдёт с нами.

Кирилл вынул из кармана маленький серебряный пистолет. Ледяным голосом проговорил:

— Русский человек — мой гость, я буду защищать его!

Негр молниеносно ударил по руке Кирилла, и пистолет упал на ковёр. Другой негр подхватил его. И в этот момент Простаков нащупал медальон и «пальнул» в негра своим лучом — и раз нажал кнопку, и два, и три. Медведеподобный негр дёрнулся и вскинул назад голову. Повёл вокруг ошалелыми глазами. Пробормотал:

— Чертовщина!.. Что-то треснуло в голове.

Повернулся к креслу, стал медленно в него опускаться. И пока он садился, Борис «угостил» той же дозой его товарищей. Эти схватились за головы и каждый проворчал что-то своё. И тоже стали искать стулья, сели. И смотрели то на своего жоака, то на русского, то на хозяйского брата. И вдруг кто-то всхлипнул и застонал. То тихо заплакал старший негр. За ним, точно дети малые, стали всхлипывать и его товарищи. Доктор Ной и Кирилл смотрели на них и не понимали, что с ними происходит. А Борис подошёл к негру, который подобрал с пола пистолет Кирилла, протянул руку:

— Дайте пистолет.

Негр не сразу, но достал из кармана оружие, подал Простакову. Из другого кармана достал и свой пистолет и тоже отдал Борису. А Борис подошёл к его товарищам и к ним протянул руки:

— Сдавайте оружие.

И они достали из карманов пистолеты и спокойно отдали. Борис им сказал:

— Вы сидите здесь, а мы пойдём.

Сделал знак товарищам, и они пошли из комнаты. Негры оставались на своих местах. Они проявляли покорность и не выказывали никакого желания сопротивляться. Энергия и воля в них были начисто подавлены. В глазах и на лицах недоумение. Борис, открывая дверь, подумал: «На острове мы наблюдаем облучённых полгода: агрессия в них погашена, разум не повреждён, интерес к жизни остался прежним, но важно бы знать, как они будут вести себя через год, два и более?..»

Из башни по коридору прошли на третий этаж и здесь, в левой стороне дворца, или замка,— он больше походил на замок,— находились помещения, в которых жил Кирилл и его прислуга. Зашли в комнату с диваном, камином и большим круглым столом посредине, и Кирилл сказал Ною:

— Вы, доктор, будете жить здесь, а мы пойдём в комнаты, где поселим господина Простакова. Увидимся завтра утром.

Пришли в первую комнату. Здесь были диван, письменный стол, стулья и кресла.

— Ваша гостиная,— сказал Кирилл.— А ещё будут спальня и ванная. Мы живём просторно, но мира и покоя в нашем доме нет. И сейчас я буду рассказывать вам о своей жизни. Только прежде хотел бы знать: что это вы сделали с тремя неграми, как вам удалось превратить их в бессловесных ягнят? Я много слышал о ваших чудодейственных аппаратах, но то аппараты. Говорят, они дороги, громоздки и непросты в управлении, а здесь без всяких аппаратов... Гипнозом, что ли?.. А как кончится действие гипноза, они снова придут в себя? Так, что ли? Вы мне говорите правду, я должен знать. В противном случае не смогу планировать свои дальнейшие действия. Раз уж взялся вам помогать, так буду идти до конца.

— Я верю вам — вы смело ринулись на мою защиту. Спасибо за готовность помогать мне. Что же до негров, вы можете не беспокоиться: они ещё долго будут находиться в состоянии покорности и дружелюбия,— год, два, а то и больше. Может быть, такими останутся навсегда. Я не волшебник, но заметил: общение со мной некоторых людей, особенно тех, кто замышляет против меня зло, умиротворяет, смягчает их нрав и превращает в моих доброжелателей. Уж так устроила меня природа. Я, как и вы, русский, а мы, русские, как, может быть, вы слышали, имеем мировую душу, мы православные, а это значит, угодные Богу.

У окна стояли два кресла, и они сели на них. Простаков продолжал:

— У нас в России ныне обострились национальные противоречия. Соплеменники вашего брата открыто возвестили миру: евреи взяли власть в России, и это для русских явилось большой неожиданностью. Им не понравилось такое явление. И Горбачева, и Ельцина, и всех прочих других кремлёвских начальников мы принимали за русских,— лица-то у них русские, и фамилии наши, славянские, а тут вдруг слышим: власть захватили евреи. Ну, а теперь скажите мне: вас-то такой афронт обрадовал?

Кирилл не отвечал. Он попросил разрешения открыть окно, и они теперь могли наблюдать игру света, падавшего на гребни волн, из окон дворца, слушать извечный и несмолкающий шум моря.

Замок был построен на выступе скалы, вдававшейся в океан, и здесь у окна Борису казалось, что они сидят в каюте корабля, плывущего к черте горизонта, горевшего в лучах недавно скатившегося с неба солнца.

Борис не заметил на лице собеседника и малейших следов неудовольствия, в глазах его светились сила молодой жизни и уверенность в правоте своего дела, в разумности

всего происходящего, и не осталось следа от только что пережитых ими волнений; он был спокоен, и, видимо, ничто его не тревожило.

Продолжая смотреть в окно, он тихо проговорил:

— Как бы то ни было, а метаморфоза с неграми меня озадачила. Я вас понимаю: вы меня не знаете и потому не хотите посвящать в свои секреты, но я всё увидел своими глазами: вы обладаете силой таинственной, а вот что это за сила, я понять не могу. Одно мне ясно: не зря вас выкрали с берегов Дона и доставили на Русский остров. И мой братец не напрасно включился в тайную игру. Он как бы перекупил вас у своих конкурентов. Но скажите мне хоть самую малость, как это в одно мгновение вы парализовали этих получеловеков-полузверей? Они составляют ударный отряд охраны Ефима и всегда готовы выполнить любое его задание. Я представляю физиономию брата, когда явятся эти гориллы и разведут руками: ничего не сделали, ничего не смогли.

Тут вдруг Кирилл оживился, вскинул на Бориса свои синие доверчивые глаза:

— А что, если и его... так же! А?..

— Кого?

— Братца моего, Ефимушку? Вот был бы фокус!..

Борис задумался. Он бы не хотел, чтобы Кирилл шёл так далеко в своих догадках. Блинчик хоть и защищал его с пистолетом в руках, но и все-таки, он — Блинчик, из тех же, кто, как он выразился, «перекупил» его и приволок в логово «русского» олигарха. Как он поведёт себя дальше? Что у него в голове? — Борис не знает.

И он заговорил уклончиво:

— Я и сам не понимаю, почему это вдруг так сникли гвардейцы вашего брата. Может быть, ваш пистолет на них так подействовал или вы им знак какой подали? Мне судить трудно. Но, к сожалению, такого волшебства, которое вы мне приписываете, у меня нет. Но то верно, что я ищу средство подавлять людскую злобу. Такие средства в природе есть, но Господь не откроет их человеку, пока не убедится в нашей способности разумно ими распорядиться.

— Вы верите в Бога?

— Я биолог и пока ещё только заглянул в мир мельчайших молекул, но уже понял: там, внутри атома, таятся такие силы, которые не могли зародиться сами по себе, они — плод Творца, которого нам не дано знать, но который есть и в него мы должны верить. Люди, отрицающие Бога, демонстрируют свою слабость и невежество. Слабость потому, что они боятся признать такую грандиозность, как Творец вселенной, а невежество у них идёт от скудости знаний. Из этих понятий я бы вывел формулу: чем больше человек знает, тем настойчивее он стремится узнать ещё больше. И, наконец, приходит к выводу, который сформулировал Иван Петрович Павлов: если бы у вас было две жизни, то и тогда бы вам не хватило времени, чтобы до конца раскрыть интересующий вас предмет. А я, ученик Павлова, возьму на себя смелость эту мысль продолжить: до конца раскрыть тайну даже самого малого явления природы никому не дано: эта тайна у Бога, и только Он один знает, какую меру могущества стоит доверить человеку.

— Я начинаю вас бояться.

— Наоборот: вы доказали готовность меня защищать, и я отвечу вам тем же. Отныне можете считать, что в моём лице вы имеете надёжного друга. Русские люди умеют быть врагами, но ещё больше они умеют быть друзьями.

— Спасибо вам. А теперь пройдёмте сюда. Здесь мой кабинет, и мы можем спокойно беседовать. А кроме того, я оставляю вас тут на ночь, и на всё время, пока вы будете находиться в замке. Там есть дверь, которая ведёт в мои комнаты. Вы будете у меня под надёжной защитой.

Душу Простакова терзало нетерпение, ему хотелось поскорее увидеть человека, по воле которого его, как рыбу, выловили из воды и доставили в этот таинственный замок, но он, как человек волевой, умеющий держать в узде свои чувства и страсти, медлил со своими вопросами. Пуще всего его терзала мука, и она была почти непереносимой: он

хотел бы облегчить страдания своей молодой жены, а она,— и он был в этом уверен,— на этот раз страдала больше, чем в те дни, когда оба они мысленно устремились друг к другу, мучились от терзаний любви, и оба не знали, как им разрешить свои томления.

Между тем Кирилл Блинчик как бы и совсем не понимал мучительного состояния своего собеседника, он говорил о вещах малозначительных, но, впрочем, тоже интересовавших Бориса.

— В наших с вами отношениях вас смущает одно обстоятельство,— я знаю это по опыту: и все другие люди, попадающие в наш круг, тоже пытаются понять, а почему это мы с братцем так не похожи обликом и всеми чертами характера? И поскольку у нас с вами мало времени для общения, сразу вам и скажу: да, мы с Ефимом братья, но мы во всём разные. Моя матушка, умирая, назвала мне имя моего отца и сообщила адрес, по которому он проживает. И ещё сказала, чтобы я боялся Ефима и своего отчима; они оба считают меня чужим и могут устранить как возможного претендента на часть их капиталов. Евреи по древним родовым законам не любят выпускать из своих рук деньги и имущество, попавшее к ним от гоев, и чем более у них таких денег и имущества, тем больше жестокости они применяют к чужакам. Я для них чужак, и они этого ни от кого не скрывают. Братец далеко меня держит от всех своих дел, я даже не состою рядовым служащим в его администрации.

— У него есть администрация?

— О-о, да ещё какая! Её офис недалеко отсюда на Приморском проспекте. Не знаю, сколько там человек, но известно одно: ежемесячно главный администратор только один имеет право являться в замок и докладывать брату о делах русской нефтяной компании, о движении прибылей и доходов. Однажды мне Ефим проговорился: администрация расплодилась как саранча, в год пожирает пятьдесят миллионов долларов. В другой раз посетовал: дворцы и квартиры, яхты и самолёт... вот и ещё сто миллионов! А я там бываю, в этих квартирах?... А на яхте катаюсь? На самолёте летаю?..

Однажды я сказал ему:

— Продай всё это. Денег прибавится на твоих вкладах.

Ефим с грустью признался:

— Ха! Он говорит: продай. А что скажут газеты? Что подумают друзья мои, русские олигархи? Скажут: разорился Ефим, недвижимость распродаёт. У них-то это имущество растёт. Они теперь отели на лазурных берегах, летние резиденции рядом с пляжами строят. А я что же? Хуже других, что ли?

Простаков слышал о наличии русских олигархов, знал, что они почти все евреи и лишь небольшая часть — кавказцы, но и они, по слухам, лишь фамилии кавказские носят. Ельцин и Гайдар, раздававшие богатства России, чужаков не жаловали, зорко следили, чтобы все сокровища закладывать в карманы сородичей.

— Ну, а вы?... Вы-то на что живёте?

— Я?... Да я тут вроде приживала или бомжа обретаюсь. Ещё матушка была жива... умолила она своего Фимку выделить мне, как студенту, стипендию ежегодную. Ну, братец и раскошелился: триста шестьдесят пять тысяч долларов в год я от его щедрот получаю. Когда газетчики узнали эту подробность нашей семейной жизни, один из них мне сказал: такую сумму у нас получает ведущий журналист газеты. Теперь вы можете оценить моё доверие к вам: я сообщил вам и самую щекотливую тайну Гранитного замка. Да, Гранитного... Замок построен в конце восемнадцатого века, и стены его выложены из гранита, отсюда у него и название.

Шёл третий час, беседа наших друзей затянулась, но вот они стали прощаться, и как раз в этот момент раздался звонок телефона. Звонил Ефим:

— Ты не спишь?... А где русский учёный? Говорят, он у тебя. Если он спит, разбуди его и приходи с ним ко мне.

— Хорошо,— сказал упавшим голосом Кирилл.— Сейчас придём.

И положил трубку. И устремил на Бориса растерянный взгляд. В глазах застыл вопрос: что будем делать?.. Сказал:

— Выхода из замка нет. Он надёжно перекрыт охраной.

— А я бежать не собираюсь. Если зовёт — пошли.

По пути Кирилл, как бы извиняясь, заметил:

— Невежливо, конечно, звонить в три часа, но, видимо, у них, у олигархов, свои понятия о вежливости.

И, наклонившись к Простакову, добавил:

— Он нездоров. У него с головкой не в порядке.

Борис подумал: час от часу не легче. И ещё ему пришла мысль: может быть, «щелкнуть» его «Импульсатором», и голова встанет на место. Другой внутренний голос смеялся над ним: тебе это нужно — лечить олигарха. Сегодня, как он слышал, Ефим Блинчик миллиард в год чистой прибыли имеет, а ты поправь его голову — и он удвоит свои доходы.

Апартаменты олигарха находились в правой башне замка в том месте, где башня, в три раза большая, чем левая, отстояла от берега океана на некотором удалении. Замок построен по принципу асимметрии — архитектурный стиль, широко распространённый в Европе в средние века. Когда ещё катер подплывал к замку и Борис издалека увидел его очертания, он поначалу думал, что это и не замок, и не дворец, а несколько отдельных строений высятся на берегу. Но затем по мере приближения разглядел целостность ансамбля и, несмотря на непохожесть отдельных частей, стройную гармонию их общего вида. Издалека замок похож на разогнутую подкову, или полумесяц, вдававшийся одним концом в самое море. Другой конец был массивнее первого и возвышался над всем строением, в том числе и над противоположной башней, которая, как младшая сестра, казалась худенькой и меньшей ростом. В той, меньшей, жил Кирилл, а в другой башне поселился сам олигарх, — наш, советский человек, и ещё совсем молодой, неженатый, и не успевший защитить кандидатскую диссертацию, посвящённую современным атрибутам санитарной техники в жилых домах малогабаритного хрущёвского типа.

Пока наши друзья идут по длинному коридору в хозяйскую башню, скажем коротко, откуда он взялся, наш русский олигарх Ефим Блинчик. Ведь только вчера ещё учился в аспирантуре, готовился стать младшим научным сотрудником и получать сто восемьдесят рублей в месяц, и вдруг — олигарх! А тут мы заметим и вообще: откуда взялись русские олигархи, и уже через год мы имели их больше, чем любая страна мира, а года через два они уже стали миллиардерами. Говорят, их у нас сто человек. Другие насчитали больше. И больше всех их любил президент Ельцин. А его приемник по несколько раз в год повторяет: приватизацию пересматривать не будем. Иными словами, даёт им сигнал: спите спокойно, мы вас прикроем, защитим. Ну, а откуда они, эти олигархи? От приватизации, которую нам придумали недоучки из правительства Гайдара. По их предложению типографии стали выпускать талоны, их назвали ваучерами. И за них стали продавать заводы. К примеру, продадут за чемодан ваучеров Магнитку — вот вам и олигарх! А продадут завод заводов Уралмаш — ещё два олигарха. А если комбинат Норильскникель — тут уж пять или шесть олигархов, как блины испекут. Вот только до сих пор тайной остаётся: кто производством ваучеров руководил и кто из-под полы их раздавал. Если в эту тайну полезем, тут и Нострадамус бы не разобрался.

Но вот друзья наши вошли в пределы, где обитал русский олигарх — один из нашей сотни. Не той сотни, что из века в казачьем стане для защиты рубежей российских составлялась, и не той Чёрной сотни, в которую накануне революции в Петрограде великие патриоты в единый кулак сплотились и вознамерились Мать-Россию от большевиков-ленинцев защитить. Нет — эта сотня другая, это коллективный антихрист на землю русскую спустился. Его ещё в давние седые времена трубы небесные пророчили. И явился он внезапно — в день, когда солнце высоко в небо залетело, а над водами теплынь ласково курилась. В такой-то день дьявол-богоборец трубачей на землю послал и

повелел им о конце света возвестить. Но не будем пугать читателя. Расскажем лучше, как он живёт, один из этих посланцев, и что же он такое, наш русский олигарх?

Шли они по коридору — длинному и пустынному; одинокие фонари, точно глаза зверей, выплывали из полумрака, освещали деревянный пол, серые стены, но затем оставались сзади, и коридор заполнял полумрак, который можно видеть днём на дне колодца. Не было людей, не слышно звуков, и только очередной фонарь высвечивался под потолком, и путники шли веселее.

Борис молчал, и так же молчал Кирилл, очевидно зная, что тут «слышат» и стены, и за дверями, которые время от времени появлялись то в правой, то в левой стене, была своя жизнь, и многочисленная охрана, служивые люди видели и слышали, как к их хозяину приближаются два молодых человека.

Но вот перед ними дверь, очень высокая, двухстворчатая — очевидно, дубовая или из какого другого могучего дерева, способного на века сохранять свою крепость. У двери, точно призрак, появляется человек. Подходят ближе: то негр, такой же огромный, как и тот, которого Борис угостил тремя дозами. Этот на Кирилла не взглянул, — конечно, знал его, а Бориса тронул рукой, задержал. Намётанным взглядом ощупал его с головы до пят. На дурном английском прорычал:

— У вас оружие.

И протянул руку ладонью вверх.

Борис вынул из кармана нож, подаренный Кириллом, положил на ладонь негра. Нож скользнул в карман охранника. И спутники вошли. Тут тоже, как и в коридоре, света было мало, и Простаков не сразу разглядел в углу у стены письменный стол и за ним полного женоподобного человека, — скорее всего, это был мужчина, не старый, и даже не пожилой, но определить его возраст хотя бы примерно Борис не умел.

Кирилл нестрого, но с явным недовольством проговорил:

— Ты, Ефим, сам не спишь и другим не даёшь. Ну, чего тебе?

Ефим разглядывал Простакова так, будто он был и не человек, а нечто неодушевленное, что принесли олигарху на продажу. И не торопился отвечать брату. Потом как-то хрипло и неясно и не обращаясь к брату проговорил:

— Не вы мне нужны, а я вам. Человек ко мне приехал. И что же, я должен выбирать время, когда его принять?..

Сказал Борису:

— Отойдите от окна и садитесь вот здесь, справа от стола. Тут безопасно, из окна если что влетит, так не достанет. А к тому ж, у меня на левое ухо случилось воспаление. Врач говорит: такую хворобу мы не лечим. Я им даю деньги, а они не лечат. Как это вам нравится?

Олигарх замолчал; посмотрел на окно, за которым угадывался простор океана, увидел там светящуюся точку. Долго смотрел на неё, а затем пальцем поманил Кирилла.

— Видишь?.. Вон — далеко, далеко. Как думаешь: чего бы это было?

— Да мало ли чего? — с раздражением ответил Кирилл. — Ну, корабль, катер... Может, на твоей яхте кто катается.

— Нет, на корабль не похоже. Корабль — это когда много огней. Странно. Огонёк этот и вчера там появлялся. Кто-то следит, наблюдает.

— Да кому ты нужен, чтобы за тобой наблюдать? Ты, Ефим, совсем покачнулся. Всего боишься, на улицу не выходишь. А если всё время вот так... в углу сидеть — зачем же и жизнь такая нужна? Перевёл бы ты деньги в Россию, поместил бы там в надёжном банке и во всех газетах бы написал: хочу, чтоб деньги мои работали на Россию. И другим бы олигархам пример подал. Тогда бы и жил, как хотел, и не сидел бы вот так, как крот в норе.

— Ладно, ладно, — махнул рукой Ефим. — Слышал я эту твою песню. Нет в тебе понятия мировой политики, вот и несёшь всякую ахинею. В России скоро революция будет, там и следа от олигархов не останется. К власти бешеные придут, отлавливать нас

по всему свету станут, деньги требовать. Березовский-то нос по ветру держит, заранее в Лондоне осел. И заметь: не в Тель-Авиве, не в Америке, а в Лондоне окопался. Англия-то, она во все времена богатых мигрантов под крылышком греет. Я тоже в Лондоне дворец за сорок миллионов прикупил. Не был ещё в нём, но, говорят, хорошее гнёздышко. Там сейчас турецкие мастера марафет наводят. Скоро мебель из трёх королевских замков завезут. Там я жить буду.

Борис пообвыкся с полумраком и стал мебель разглядывать. Вся она была из чёрного дерева, замысловатыми узорами расписана. Спинки стульев высокие,— пожалуй, выше головы будут. Вспомнил, как Кирилл ему говорил: «Мебель в его комнатах из замка французского короля Филиппа Красивого завезли. Многих денег она стоила».

Ефим, прижавшись к стене, смотрел в даль морскую, старался понять, куда перемещается огонёк. Потом к Борису обратился:

— Мне сказали, на Багамах ваша лечебница? А почему на Багамах? Там что, сумасшедших много? А у нас в Америке мало их?

— Мы сумасшедших не лечим.

— Как не лечите? А кого же лечите?.. Вот у меня снимки есть...

Достал из стола несколько фотографий. Одну подал Борису:

— Вот этот... Об стенку головой бился, кричал, а вы его каким-то лучиком. Он и затих. Вроде бы нормальным человеком стал.

Борис рассматривал фотографию: да, он, тот самый бесноватый. Ему одной дозы хватило. Затих и сейчас живёт, работает. Но олигарх-то, выходит, шпионов у нас имеет. Следит, изучает...

Ефим продолжает:

— Вы встретиться со мной хотели, контракт заключить.

— Какой контракт?..

— Лечебницы в городах открыть. Десять, двадцать, а может, и пятьдесят. Давайте ваши предложения.

Борис молчал; смотрел на олигарха и не мог понять, как это он, совершив над ним такое насилие, приказав выкрасть, доставить сюда как пленника, и может разговаривать так, будто ничего такого и не произошло, будто Простаков и в самом деле напросился к нему на деловую беседу. Пока ничего не понимал, а потому решил молчать и слушать и попытаться без каких-либо прямых и грубых вопросов выяснить, что же с ним произошло и чего от него хотят.

Кирилл сказал брату:

— Где ты больных столько наберешь?

— Как где? — одушевлялся Ефим, который, казалось, всё время дремал или находился во власти какой-то неотвязной и тревожной думы. Он был похож на тех многочисленных больных, приезжавших в сопровождении родственников на Русский остров для лечения. Они ни в какие лучи Простакова не верили, смотрели на мир безучастно и о чём-то всё думали, думали. Ефим ещё не впал в такую глубокую депрессию, всякие денежные дела его ещё занимали, но, как казалось Борису, и он уже был на краю полной апатии.

— Как где? — поднимал Ефим голову.— Америка вся больна. Тут каждый третий в депрессии пребывает, боится чего-нибудь, дергается, как тот, бесноватый, которого вы за одну минуту усмирили. Так если уж у него эти лучи,— кивнул он на Борису,— и они так скоро лечат, и без порошков, без таблеток,— так ты вообрази, какие тут горы золота лежат! Да тут хоть тысячу лечебниц открывай! Правильно мои советники рассчитали! А если ещё на Кубу махнуть, в Аргентину, в Бразилию — там бешеных — пруд пруди. Давайте мне ваши предложения, и мы с вами компанию учредим. Доходы пополам делить будем: половину мне, другую половину вам, а остальное — тебе, Кирилл.

И Ефим, довольный каламбуром, рассмеялся. Он будто бы и осмелел даже, в даль морскую перестал смотреть. Но, впрочем, тут же и снова потух, словно пар из него вдруг вышел, на грудь голову опустил и в свои, занимавшие его неотступно думы ушёл.

И так он сидел долго, может быть, четверть часа, и за это время Борис мог заключить, что собеседник его не на шутку болен. А вот чем болен, как назвать эту болезнь и чем её лечат, он не знал. Может быть, Ной Исаакович, очутившийся здесь таинственным образом и сейчас, очевидно, где-то спит безмятежно,— может быть, он определил бы точно, чем занедужил олигарх и чем лечить его, но вот он, создавший могучее средство для лечения таких больных, не знал даже и того, как такое состояние человека и называется.

А Ефим поднялся со своего места, достал из-за стола подзорную трубу,— такая, наверное, у морских капитанов бывает,— и как-то осторожно, подвигаясь боком к окну, выбрал удобное место и направил трубу на огонёк.

— А-а-а, я так и знал: катер это быстроходный, за домом моим наблюдение ведёт. Мерзавцы! Я до вас доберусь.

Бросил на стол трубу, схватился за кресло и повис над ним. Что-то хотел сказать, но горло перехватило. Кирилл и Борис взяли его руки, посадили в кресло. Было мгновение, когда Борис сомневался, надо ли ему вмешаться со своим «Импульсатором», но тут же и решился. Тронул медальон — «выстрелил». И олигарх вскрикнул:

— Голова!..

Борис обнял Ефима, стал тереть пальцами виски. К Ефиму вернулся голос, он явственно и будто бы с радостью проговори:

— Так, так — хорошо!.. Лучше мне стало, лучше.

Борис поглаживал голову, проходилась тёплыми мягкими пальцами за ушами. И так минут десять. А Ефим предавался неге, точно кот, которого гладит хозяин. Потом устремил осмысленный энергичный взгляд на Простакова.

— Что случилось? Что произошло? Вы же маг, волшебник!

Борис пожимал плечами; он, конечно, знал, что освежающее, оздоравливающее действие оказала на Ефима доза, всего лишь одна доза, и теперь Борис очень бы хотел, чтобы благотворное действие его лучей продолжалось. У себя на острове он наблюдал пролеченных больных: и все они без исключения расставались со своим угнетённым состоянием, и сейчас он думал: дай-то Бог, чтобы так же помогло и олигарху. Он ещё не мог представить, как это обстоятельство отразится на его дальнейшей судьбе, поможет ли это ему скорее освободиться, но что олигарх захочет налаживать с ним хорошие отношения — в этом Борис не сомневался.

Что же до Кирилла, то он не однажды наблюдал, как его братец вдруг неожиданно впадал в психологическую кому, и помочь ему в этих случаях никто не умел, но то, что происходило с Ефимом сейчас, он понять не мог. И только думал: «Неужели массаж Простакова, такой лёгкий — одно лишь прикосновение рук — так быстро и радикально оживил братца?»

А Ефим вышел из-за стола, растворил окно, за которым сгущались тень и в ночи ярче горел огонёк катера, посмотрел на него с минуту, а затем обратился к Простакову:

— Вы маг! Поразительно! Я после таких приступов неделю валяюсь, как труп, а тут... Словно холодный душ принял. И голова не болит, и спать не хочется,— да что же вы за человек? Какая сила в ваших пальцах? Ведь вы только руками ко мне прикоснулись!

Простаков ответил:

— Я биолог, знаю точки на голове, которые нужно погладить в случае, если человека посещают страхи, тревоги,— или, как раньше наши русские люди говорили, «хандра нашла». Вот она нашла на вас, а мы её отогнали.

— Надолго... отогнали?

— Думаю, что да, надолго.

Олигарх снова подошёл к окну, и теперь уже он смотрел не только на огонёк, но и на небо, где весело и призывно светили крупные звёзды. Там, на небе, была своя жизнь, и чем мечтательнее человек, чем яснее его ум и спокойнее душа, тем он больше увидит в той вселенской, недоступной и непонятной нам жизни. Ефим шире растворил окно, пустил в комнату клубы воздуха ночного океана и несмолкаемый, нарастающий к рассвету шум волны. Не поворачиваясь к собеседникам, мечтательно проговорил:

— Я тут заметил: в России к рассвету природа как бы засыпает, становится тише, а тут, наоборот: едва только над горизонтом забрезжит розовая полоска, так и волна просыпается, океан, точно старик, начинает кряхтеть, стонать,— над ним появляется одеяло, сотканное из тумана. И только с рассветом ко мне подбирается сон, и я тогда ложусь вон на том диване.

Ефим замолкает и снова приставляет к правому глазу подзорную трубу. Недовольно, словно дряхлый старик, ворчит:

— Смотри-ка: большой катер, словно боевой корабль: и пушки на борту, и ракетные установки. Да-а-а... если он шарахнет ракетой...— перья из нас полетят. Ишь, мерзавцы! Взяли меня на прицел. Я вот сейчас посплю, а потом сяду на свой ракетный катер и пойду к ним, узнаю, чего они тут под моими окнами забыли.

И к Кириллу:

— Ты где поселил нашего гостя?

— У себя в кабинете.

— Ну, тоже — нашёл место. Я его возьму к себе.

И к Борису:

— Пойдёмте, я покажу вам ваши комнаты. Вас будут охранять мои ребята, а кормить мой повар. Так-то надёжней, да и комфортнее, чем там, у Кирилла.

Простаков заметил:

— Мне хорошо и у вашего брата, но если вы так решили, я возражать не стану.

Проснулся Борис часу в двенадцатом. Некоторое время лежал и равнодушно осматривал комнату, где его поселили. Не сразу разглядел мебель, ковры, гобелены. Всё тут обнаруживало подбор реликвий, художественный вкус и чрезвычайную ценность. Комната скорее была похожа на кабинет, чем на спальню. Лежал он на диване, обитом тончайшей светло-коричневой кожей. Возле дивана квадратный столик, и на нём три миниатюрных аппарата, похожих на мобильник. Взял один аппарат, на нём надпись: телевизор; взял другой, три кнопки и надписи: шеф, официантка, повар. Третий из чистого золота и на нём одна кнопка и надпись: хозяин. Борис понял, что в этой комнате селили особо важных гостей, имеющих право напрямую соединиться с самим хозяином.

Поднялся и тут за тяжёлой шёлковой шторой разглядел дверь балкона. Открыл эту дверь и очутился на широкой площадке, вдававшейся, точно палуба корабля, в открытый океан. Оказалось, что башня замка с его комнатой, и особенно балкон, висели над краем скалы и со всех сторон были волны, воздух и небо. Всё дышало теплом утреннего солнца, всё искрилось и блистало светом отражённых солнечных лучей, где-то внизу резвились и спорили друг с другом волны, а над головой со свистом летали и кричали чайки.

Кто-то тронул Бориса за плечо. Повернулся: Кирилл. Стоял и широко улыбался.

— Ну, что: видишь, как живёт ваш русский олигарх. Наверное, не однажды уж подумал: а как он стал олигархом, этот неказистый и ничем не примечательный толстячок? А всё нефть. Мой отец, бывший блокадник Ленинграда, получал и получает теперь пенсию восемьдесят долларов, а Ефимчик — сто миллионов! Такая власть утвердилась в России, такая у них справедливость. Там у них с полтыщи думцев будет и каждому только на транспортные расходы миллион рублей дают! Ну вот, он — блокадник Ленинграда, голодный и холодный мальчонка по двенадцать часов в день у станка стоял, корпуса для снарядов вытачивал, и — восемьдесят долларов. У нас тут мусорщик по пятьдесят долларов в час получает, а у вас там — восемьдесят в месяц. Ну, так вот: а через

полгода объявили: нефтяная компания в собственность Ефима переходит, и доходы его до миллиарда в год поднялись. Он сейчас третий среди ваших магнатов. У него за шесть миллиардов перевалило. Правда, он всем говорит, что три, а на самом деле — шесть. А теперь-то уж и поболее будет.

— А про вас-то тётя Фаина забыла, что ли?

— Меня тётя Фаина в упор не видит, я — чужой, чесночного запаха не слышно. Она, тётя Фаина, своего за версту чувствует. Чужого — тоже. Знает шельма, что мой-то батюшка русским был. Чужой я им — вот в чём штука.

Кирилл посмотрел на дверь, затем в комнату заглянул:

— Нет Ефима. Спит до сих пор.

— Он будет долго спать. Может быть, до вечера,— пообещал Простаков.

— Это так действует ваша процедура?

— Да, именно так. Она страхи прогоняет и сон регулирует.

— О-о-о!.. Это здорово. Это как раз то, что и надо Ефиму. Но... позволь: а вроде и не было никакой процедуры. Ты просто рукой по голове погладил.

— Не просто погладил, я места такие знаю, прошёлся по ним пальцами и всякие мысли ненужные из головы прогнал.

Кирилл тронул за рукав Бориса, в глаза ему заглянул:

— Послушай, а не колдун ли ты, не шаман какой-нибудь?

— Нет, я биолог. Да и то не очень опытный. А вот подучусь немного и не то ещё делать буду.

Завтракал Борис вместе с Кириллом, а потом они гулять пошли. Вышли из замка и очутились в приусадебном парке. Тут были аллеи, лавочки, беседки. Между двумя невысокими холмами белой лентой вилась тропинка. Она привела приятелей к морю. И здесь был небольшой дощатый причал, а возле него качались на волнах три катера. Один маленький, видно, для прогулок вдвоём или втроем. Кирилл достал из кармана куртки ключик и открыл замок, скреплявший тонкую лёгкую цепь с металлической стойкой.

— Это моя яхта,— сказал Кирилл и предложил Борису пройти на заднюю палубу. Маленьким веслом оттолкнул катер и затем веслом же направил его вдоль берега и гнал до тех пор, пока не скрылся за поворотом песчаной косы, откуда был виден лишь один угол замка и старый забор, обрамлявший его усадьбу. Здесь Кирилл предоставил катер воле волн, а сам подошёл к Борису и сел с ним рядом. Дружеским тоном заговорил:

— Теперь я бы хотел поделиться с вами некоторыми догадками. Ещё вчера я плохо соображал, кто и для чего вас доставил в наш замок. Меня смутили пришедшие за вами три амбала. Я знаю, кому они служат и куда должны были вас поместить. Но вдруг они окаменели, как египетские фараоны. Откройте мне секрет: это, конечно, вы каким-то таинственным образом вышибли из них дух.

— Не стану скрывать: я понял их агрессивный замысел и вынужден был принять свои меры.

Кирилл сжался, пугливо взглянул на Бориса и немного от него отстранился. Себе под нос проговорил:

— М-да-а... Каких только чудес не встретишь на свете. Жаль, что я не изучал биологию. Видно, она теперь далеко продвинулась. Ну, ладно: ближе к делу. Я понял, что мой братец никому не приказывал насильно вас тащить в замок; дело это страшного и коварного человека — полукитайца, полуяпонца Ким-Духа. Он — глава администрации брата и отвечает за то, чтобы деньги его приносили ежегодно миллиард дохода. И Дух наладил такой конвейер, а теперь он как-то прознал про ваши лечебницы и приказал любыми путями доставить вас в замок. Думаю, что сейчас положение изменилось: братец проникся к вам большим уважением, и, как только проснётся, я предложу ему полететь к вам на остров и осмотреть лечебницы,— если вы, конечно, это нам позволите. Если же он почему-либо не захочет лететь на остров, то я предложу ему свой план. Я ведь теперь

тоже имею деньги: перед тем, как прийти к вам утром, мне позвонил Дух и сказал, что ещё вчера брат приказал перевести на мой счёт пятьсот миллионов долларов. Пятьсот миллионов! Зачем мне такая куча денег? Я слышал, что строительство вашей лечебницы стоит три миллиона,— ну, так и давайте построим полсотню, а то и сотню лечебниц и будем стричь доходы от лечения вашим методом. Что вы скажете на это?..

Борис посмотрел в глаза Кирилла и протянул ему руку:

— Вы хороший парень. Я рад, что с вами встретился. Надеюсь, дружба между нами будет продолжаться. Уверен: вы понравитесь и моей жене. Ей нравятся все, кто хоть немного похож на Есенина. Она и во мне нашла такое сходство и потому вышла за меня замуж. Но теперь я только думаю об одном: как связаться с супругой и обо всём переговорить. Я места не нахожу при мысли о том, как она там волнуется. Давайте вернёмся в замок, и я попрошу у Ефима позволения связаться с женой.

— Нет проблем! Я завожу двигатель, и мы через двадцать минут будем в замке.

Ефим проснулся в полдень, и первой мыслью его было: где русский парень? Схватил трубку телефона, позвонил Кириллу:

— Вы где?.. Заходите!

И когда увидел Простакова, облегчённо вздохнул.

— Сон такой вышел, будто тебя и не было, а мне только привиделось. Ну, ладно: ты, Кирилл, закажи обед, а я приму душ. Давно уж не спал так крепко. Вот так чудо, этот ваш массаж! Я свет увидел. И тревог как не бывало! Кого нам бояться! Чего тревожиться! Я и в детстве никого не боялся, дело не в дело, в драку лез.

Потом он с ещё большим одушевлением продолжал:

— Деньги я в Московский банк переведу, пусть они на Россию работают. Недвижимость пока при мне побудет, а там и дома, и квартиры, и обе яхты отдам государству. Вот самолёт, вертолёт и два катера скоростных — эти жалко, эти не могу пока от себя оторвать. А деньги...

К Борису подошёл, за локоть его взял.

— Ну, так мы с тобой клиники будем открывать?.. Давай компанию создадим да поскорее документы оформим. Я денежки выделю и тогда, гуляй Вася, путешествовать начну. К тебе на Русский остров в гости поеду, если, конечно, позовёшь. Хозяйку-то острова, жену вашу, видел я в клубе миллиардеров, да только дед Драган не пожелал представить меня ей. Не знаю, почему — не захотел. Не любит он русских олигархов, считает, деньги у нас грязные. А почему грязные? У нас компания, мы дело ведём, налоги государству платим — в чём же я виноват? Не мне бы трубу отдали, другой бы на неё сел. А чем он лучше меня?.. Я вот деньги свои в Россию переведу, и тогда узнают, какой я олигарх. Конечно, друзья мои зубами скрежетать будут,— дескать, мол, пример дурной подаёшь,— а мне плевать на них! Ну, так по рукам, что ли? Больницы будем создавать — сто, двести, триста... Сколько скажете, столько и создадим. Денег на строительство от вас не потребую, а прибыли от них пополам делить будем. Ну, соглашайтесь! Все затраты на себя беру! Вы только аппараты вот эти...

Он достал из ящика стола фотографии с аппаратами из лечебниц с Русского острова, разложил перед Борисом.

— Вот он, «Импульсатор» Простакова. Громоздкий, конечно, и сложный, но их у вас на острове вроде бы и делают. Сколько стоит аппарат такой?

— Тридцать-сорок тысяч долларов!

— А во сколько обойдётся нам подготовка врачей?

— Ну, это и совсем недорого. Дело-то нехитрое: прицелиться поточнее и кнопку нажать. Мои аппараты вроде рентгеновских: лучами лечат.

— Можете оценить мою разведку: всё там у вас разузнала и мне доложила. И вот видите: чертежи, фотографии аппаратов, и самих врачей запечатлели. А вот и хозяйка острова мадам Драгана. Недавно вы с ней поженились, мне и это доложили.

Простаков эти подробности мимо ушей пропустил; ему хотелось бы знать, давал ли олигарх команду на его похищение или люди с катера по воле Ким-Духа выдернули его из воды и доставили сюда в замок.

Так это было или иначе, но Борис не пытался разгадать щекотливую тайну, дабы не поставить олигарха в неудобное положение. По мере общения с Ефимом Борис укреплялся в мысли, что олигарх команды на его похищение не давал. Ефим всё больше нравился Борису, у него даже зарождалось к олигарху доверие и чувство дружеского расположения.

Ефим был возбуждён, вёл себя шумно, часто неожиданно прерывал беседу и куда-то выходил. В такие минуты Кирилл разводил руками и, обращаясь к Борису, говорил:

— Что вы сделали с моим братом? Его как подменили! Он уже с полгода, а то и весь нынешний год, сидел в своём кабинете как пришитый к своему креслу и со страхом поглядывал в окно, ожидая каких-то врагов с океана. Я ему говорил: перебирайся в городскую квартиру, и там у тебя не будет никаких врагов. Он тарасил на меня глаза, мотал головой: «Нет, нет, ты лучше и не говори о городской квартире. Тут океан, и я вижу, что на нём происходит, а там каменный мешок, из-за каждого угла жди нападения. Он был страшно жадный, учитывал каждый цент своих прибылей, а тут вдруг отвалил мне пятьсот миллионов. Фантастика!..

Борис же зорко наблюдал за поведением олигарха, ждал момента, когда можно будет попросить разрешения позвонить на Русский остров, а может быть, и поехать туда. Ефим уже сказал: поеду к вам в гости, если позовёте, но потом увлёкся расчётами возможных прибылей от лечения больных, называл города, где он откроет лечебницы, сколько будет брать с каждого пациента. Подступался к Простакову, тряс его за плечи:

— Десять тысяч долларов! И это за преобразование человека, за возвращение здоровья, радости жизни. Да я вот только подумал о ваших «Импульсаторах» и тотчас почувствовал, как во все клетки организма вливаются силы жизни, а вы говорите — десять тысяч. Да если мы будем брать по сто тысяч — и то будет мало.

— По-вашему, выходит, мы будем лечить только богатых. Но это негуманно.

— Да, согласен — негуманно, но на одном конце города будет больница для бедных, и там вы берите по десять тысяч, а на другом — две больницы для богатых, и там берите хоть полмиллиона. Богатых много, и пусть отдают свои деньги нам. А он, богатый, в лечебницу для бедных не пойдёт, он будет искать самую дорогую лечебницу. Вот мы ему и дадим такую.

Проговорив свою тираду, Ефим снова уходил и, случалось, надолго. А однажды влетел как ветер и стал трясти за плечи Простакова:

— Звонил на Русский остров, оттуда передали, что на остров прилетел дедушка вашей супруги, и я связался с ним. Сказал, что у меня находится его зять, а он кричит: «Где Простаков?.. Ты похитил моего зятя!». А я ему говорю: «Я похитил вашего зятя? Я похож на разбойника? Да?.. Что вы такое говорите! Ваш зять тонул, а мои люди его спасли. И по ошибке привезли ко мне на виллу. А разве я бы вам звонил, если бы это было не так?..» Мы много говорили и стали с ним друзьями. А вам разве не нужно таких друзей, как я? Такие люди, как я, валяются в канаве, да?.. Ваш зять человек современный и не смотрит, где деньги грязные, а где чистые. И он меня не боится, а наоборот: предлагает деловую дружбу. Если вы позволите, я привезу его к вам на остров на своей яхте, или мы прилетим на самолёте, и вы увидите, как мы с ним тут поладили. А дедушка в ответ кричит: не надо на яхте, это долго, а вы немедленно вылетайте на самолёте. Вот тут возле меня стоит его супруга, я даю ей трубку. И я говорил с мадам Драганой. А?.. Вы не боитесь, что я отобью у вас такую умную и красивую жену? Не боитесь?..

Простаков сказал:

— Я бы хотел поскорее вылететь на остров.

Повернулся к Кириллу:

— И ещё хотел бы пригласить и вашего брата.

— Нет проблем! Я сейчас же прикажу готовить самолёт к вылету.

2005